

Голгофа и крест

НУЖДА В СКОРБИ

Рязань, 17 апреля.

«...Безумец до конца, бунтую против вашего Бога, таким я умру, — и, согласный с вами о неизбежности замены горизонтальных созерцаний вертикальными[1 — Намек на предисловие к только что вышедшей тогда моей книге — «В мире неясного и нерешенного», где я говорю, что пора от «горизонтальных созерцаний» (политических, общественных, культурно-светских) перейти к «созерцаниям вертикальным» (родовым, генерационным, мистическим). В книге этой развита теория пола и вообще выдвинут рождающий, родящий элемент, не очень «чистенький» (снаружи), не очень хорошо пахнущий (общее мнение), но какой-то терпкий, стойкий, неуступчивый, цепкий. Это — пол, говоря литературно и научно, похоть, «похотливость» — говоря «свято-отеческим» языком. Я взял эти (якобы) «нечистые вожделения», от которых христианство отрещивается и «молит Бога» со страхом: и, не пугаясь, — вывел его к свету и сказал: «Отсюда происходит такая чистая вещь, как дитя, — такое единственное в мире по совершенству существо, как младенец». Но если таков плод пола, значит, и весь он то же, что яблонька с золотыми яблочками, что золотиносная земляца. Автор письма и кинулся на эту мою «золотиносную землю», крича: «Не надо этой новой Колумбовой Америки, проживем нашим Старым Светом», «он — труден, но — идеален». В. Р-в.], дерзая думать, что ваши вертикали вырастают в землю, а мои — хоть и чахло — тянутся ввысь. Бледные, такие жалкие, выросшие на малосочной, точно чем-то отравленной почве, ветви моего деревца — все-таки ветви, порою зеленеющие, а ваши созерцания копошатся в глубине где-то, глубоко под землей, и выглядывают наружу только голыми, никогда не зелеными корневищами. Оттого так часто столь дики, столь непривычны для нее они, — прямо-таки непонятны[2 — Т. е «дики, непривычны и непонятны» корневища, долженствующие быть скрытыми под землю, — когда они выступают наружу, дают себя увидеть, когда на них взглядывают люди, общество... Да, это — «покрывало Изиды» (не долженствующее быть сорванным), мировая стыдливость, мировая застенчивость. «Все этим живем, а как показать — то разбежимся», «все это любим (в душе, про себя, молча), а вслух не смеем не обругать» (был бы сорван покров Изиды). Между тем это показывает, до чего пол — душевен: и душу никто не видит, душа никому не показывается. Она целомудренна, свята. И это, что мы вот «никому не показываем», — столь же целомудренно, стыдливо и никому не показывается, а не то чтобы мы его скрываем. Отсюда так «это» дорого, что, напр., девушка, женщина (а должен бы и мужчина, но он развратился и почти атрофирован в ощущениях пола) легче переносят оскорбления лицу своему, нежели полу своему; порицать, сочинить сплетню, пустить слух о «пятне на поле» девушки — ужаснее для нее, чем если бы был пущен слух, сплетня о лице ее, физиономии, душевных качествах, поступках. Между тем уже из уважаемости материнства, уважаемости во всем свете (кроме, впрочем, христианства), девушка всякая без исключения знает, что «это делать» — хорошо, благотворно, полезно для человечества. Но «не делает», чтобы не получить охулки на свой пол. Это — такая пугливая птичка, которая улетает не от окрика, а просто от нелюбящего, недружелюбного взгляда... «Улетает», как целомудреннейшее в нас. Небесная птичка! И я называю и хочу называть органы воспроизводительности органами целомудрия, манифестациями целомудренности; а что мы разбегаемся при виде их (при обнажении их), то это потому, что мы нецеломудренны, а они-то именно, и притом только они одни в нас и целомудренны. Все тело согрешило (после Адама); и грех не смел только коснуться этих органов; проказа дошла и остановилась на поясе (зоне) этих органов. Оттого «грешный человек» в «грешном состоянии» не знает существа этих органов и не узнает до «жизни будущего века». Только вот знаем, что все отсюда рождается, отсюда — жизнь. В. Р-в.]. И, все же, ваши воззрения лишь дают пищу моим: через ваши созерцания только надо питаться, и после — отрицать их, бороться с ними; потому что преобладание их знаменует собою царство и владычество того, что подобно в человеке породившей его земле и с чем не мирится то другое, чем по существу все мы есмь и движемся. Да, мой друг-недруг[3 — Помнится — это мое выражение из письма к нему. Автора я никогда не видал: но он был младшим товарищем моим по гимназии и в ту пору меня видал. А в некоторую грустную минуту своей жизни написал мне, и меня чрезвычайно привлекло и заняло настроение его души и вообще «точка, на которой он остановился». Это — не моя точка, но ее надо обсудить. В. Р-в.], это просто сказано. И за книжку вашу бесконечное и горячее спасибо; то, что вы вспоминаете иногда обо мне, меня необычайно поддерживает. А по существу в сути-то моей слишком уже плохо: пути вперед отрезаны, назад идти — пока горд — не хочу; топтаться на месте — гнусно; остается следить за своим распадом как личности, зрительствовать над собою. Вы счастливы с вашей земной религией, но именно в этом-то, что вы счастливы, и лучшее для меня доказательство вашей неправоты. По существу, я непоправимо несчастен, но это-то и крепит меня, и заставляет пристально подчас всматриваться вперед и вокруг, и порою позволяет не каяться даже в том, что я, как вы и угадали, — «убивец»[4 — В моем письме к нему я спрашивал: откуда у него такой печальный тон?... И, как он много писал о «когда-то своей живой жене», то я высказал вопрос-догадку, на которую он здесь отвечает — «да». Таким образом, следя за тоном и переливами этого необыкновенно важного письма, ключа к победе христианства, — мы должны помнить, что его пишет «непоправимо несчастный человек» (слова его о себе) и тяжелый грешник. В. Р-в.]...

Я оторвался от этой странички и продолжаю писать, прочитав ваше рассуждение: «Религия — как свет и радость»[5 — См. «Около церковных стен», т. I. Здесь проведен взгляд на христианство как на религию радости — светлую, белую. Как на выразителей белого и черного ощущений христианства указано на старца Зосиму и на завистливого, злого и нелепого изувера Ферапонта («Бр. Карамазовы» Достоевского). Нельзя сказать, чтобы это выражало даже и тогда мой настоящий взгляд на христианство: но я попытался толкнуть к этому белому пониманию его, чтобы увидеть, произойдет ли реакция. Подобно тому как в статьях о браке, печатавшихся в 1898—99 гг. в «Русском Труде» и «С.-Петербургских Ведомостях», я преднамеренно стал «размазывать» половую сторону брака, как бы растирать между пальцами его пахучесть, дабы посмотреть, не чихнут ли «батюшки» и «отцы духовные», он отворотятся ли Церковь и христианство. Отворотились. Как и тезис о белом христианстве вызвал резкий протест в С. А. Рачинском (автор «Сельской школы», Татевский труженик-педагог) и вот в авторе этого письма. У Рачинского это сказало официально; не то чтобы этот взгляд мой («христианство — бело») был противен его душе: но он был противен церковному духу и постольку был противен и душе его. Неизмеримо глубже и страстнее оказался протест у 3-го (автор настоящего письма). Протест этот страшно важен как показатель, что в человеческой душе есть вечные переживания, требующие, чтобы им отвечали в религии скорбные мотивы. «Религия радости», белая, светлая, — режет скорбящего человека (тон письма): не находя себе места в ней — он не находит уже никакого места себе, ему остается «уйти», умереть, наложить руки на себя. Религия скорби, мрака и даже наказаний, муки — ему роднее, его утешает; он вдруг находит «свое» там, свои чувствования, переживания, но возведенные в перл создания (историческое творчество церкви черной, монашества). Находит свое место, живет, поправляется, «воскресает», хоть для старости, хоть для остатка дней. Так. Но это —

И христианство или Церковь как «черная», монашеская, скорбная — аномальна. Можно и так закончить, что если аномальность есть следствие греха, есть состояние вывиха, то христианство, насколько оно черно, насколько оно истолковано монашеством, — есть вообще религия вывихнутого состояния: оно есть «плач и скрежет зубовой» грешников, убийц, содомитов и вообще всего «Ноева Ковчега», плавающего по океану, в котором собрано «все чистое и нечистое». Но если так, то Церкви нечего рядиться в «ризы непорочности»: совсем напротив... Более и более мы приходим к выводу, что есть две религии: нормы молодости, невинности, энергизма, и религия «охов», «ахов», стонаний умирания, как бы ослабления и опадения дерева после того, как плод спал. Религия мировой весны, религия мировой осени. Но повторяю, в качестве такового «прибежища всего падшего» христианство уже не вправе нисколько поднимать голову над солнцем и молодостью, невинностью и жизнью. И как одни в человечестве могут плакать, другим в человечестве нет причины не радоваться. В. Р-в.].

Василий Васильевич! не мелькал ли иногда, когда вы его писали, мой образ перед вами? — Во всяком случае, такой пытки, как чтение этого вашего фельетона, я давно не испытывал. Точно ножом по живому телу — каждой его строчкой вы режете меня. Мне больно, но в муках этой часто нестерпимой боли я кричу, корчась кричу: я правее вас.

Да — правее, и горд тем. Тяните все жилы из меня, но вы так далеки от того, что ясно мне. Вот вы же ведь проговорились сами: «Зосима — это образ, из каторги вынесенный, там взлелеянный». Зосима — да ведь это бледный, чахлый плод гнущейся религии, не понимающей, что она погибает! А Ферапонт — это стражник религии, с нею погибающий. Кто выше: этот ли нелепый стражник, для многих еще нужный и инстинктивно этими многими провозглашаемый «старцем», властителем их душ, — или Зосима, нужный только, в конце концов, кокетничавшим своею религиозностью барыням[6 — Тут есть глубокая правда, но она влечет за собою новые вопросы: да очень ли нужна «норме» религия? нужна ли она как тяжеловесная, длинная, емкая? Какая была религия в раю? Видели Бога, общались с Ним — и только. Ни — Филарета, ни — долгих служб. Язычество и было от этого все коротко, немногоступно — и отступило перед христианством, «религиею грешников», как пресные воды ручьев и речек отступают и подаются перед горьким океаном. Вода в океане зеленая, соленая. По нему плавают корабли. Происходят на нем битвы. Так. Правды — нет. Счастья — нет. Но есть сила. Таково христианство. Все же «норме» и невинности просто с ним нечего делать. Да и оно, при всей глубине и силе своей, не может отринуть, что не в нем дело, оно только — стадия, для скорбей и пока скорби: и что выше его, как вечность и венец, малодумное и ясное язычество. Да так ведь и само Евангелие кончается: заключением к нему стоит Апокалипсис, и в нем появляется Небесный Иерусалим, у его обитателей-небожителей — белые одежды и пальмы в руках, и ходят они «на воды живые», т. е. просто — живут как есть. Да и в жизни нашей не так же ли? Когда избудут болезнь — уходит доктор, выносят лекарства, прибирают, убирают дом, открывают форточки. Все становится проще, яснее и — лучше. Нет ли тут религии? есть ли она? Богоощущение — есть; а религия, по крайней мере христианство, — ведь оно и было только лекарством, которое для чего же употреблять в нормальном состоянии? И сам Иисус не называл ли себя «врачом» «врачующим», — в котором «имеют нужду больные» и eo ipso' [вследствие этого лат.], в котором не нуждаются нормальные, спокойные, ясные... В. Р-в.]. Ведь Алеша-то настроен как институтка: — а ему — этой красной девице — и только ему Зосима мог поведать свое «святая святых». Конечно, Ферапонт — не все, но зато Зосима — ничто. Зосима — это уступки человечеству, жалкому и слюнявому, это — голос каторги, измучившей такую душу, как Достоевского, это — религия, до человека приниженная, и по существу это — измена религии! Делать то, что велит нам Зосима, можно и без религии, и лучше его делают откровенные безбожники. — Мне видно, куда ниспадает религия, и вот, в этом процессе ее разложения, Зосима идет на уступки и, конечно, «прочухнет». А Ферапонт — стражник до конца. И, пока есть еще следы ее, Ферапонты нужны, к ним тянет, они охраняют то, что готово переродиться и корчится в муках родов, — хранят церковь, но бережно. Против каждого положения вашего и священника Петрова хочется крикнуть — но стоит ли? Но разве не чувствуете вы, что такое, как у него и у вас, толкование самого дивного евангелического образа — образа Марии, помазующей ноги Иисуса, — прямо кощунственно; а ваш «изгиб мысли», заставляющей не жалеть Иисуса, молящегося в Гефсиманском саду, а почти радоваться Его слабости, — это что такое?

Религия как свет и радость? Василий Васильевич! Да так ли это? В какую ловушку давно уже попали вы и многие, многие другие! В ловушку какого-то откровенного любованья своею животностью, смакования[7 — Да почему утех «смакуются», а вот пост не «смакуется», инквизиция не «смакуется»? Приложили термин пошлости и думаю, что победили. Это есть просто — тезис, положительная жизнь, свет. Иной скажет: «Ах, свет — он идет от сальной свечки, вы им пользуетесь и, значит, стоите за сало, сальность». На такое остроумие нечего отвечать. Бесскорбная жизнь нужна между прочим для того, чтобы не разозлиться. Я скажу, что бесскорбный путь нужен для того, чтобы дойти к святости и правде. Довольно с вас? И замолчите. Нет, недаром многоженные татары так благодушны (это все замечают) и недаром такое благодушие царит в многоженном Ветхом Завете. В. Р-в.] утех и радостей, и ниспадания, ниспадания[8 — Для вас — «ниспадания», а по-моему — восхождения. Вы не можете доказать, а я не хочу доказывать. Стол должен быть сытен и вкусен, жена добра и красива, дети — хороши и их много, деньги в достатке и с запасом, дом для себя и для гостей. Иначе, иной путь ведет вовсе к необеданью, бездомности, убеганию от соседства, к выгону гостей или всеобщему разнокомленью. Отвратительно — и не понимаю, почему «божественно». В. Р-в.] до конца! Религия — как тиски того, что низменно, как вечная Божья гроза нашей греховности, проклинаящая немощь человеческую, плачущая о ней и вечно влекущая нас ввысь, — конечно, такая религия велит «оставить отца и мать», и «вырвать глаз, если он соблазняет», и «идти на крест»[9 — Ну, поехал монах на своей метле. Никуда не приедет, кроме киевского шабаша ведьм (инквизиция, монастырские затворы, пытки и пытанье). В. Р-в.]. Эта религия, все понимающая, все, но только как-то холодно, мимоходом[10 — Поразительно верно и глубоко. Христианство ничему не радуется, кроме себя. Ничему не сочувствует иначе как нехотя, неглижерски и высокомерно. Начиная с Евангелия, появился «Лик Христов», и потянул к себе любовь человечества, и не осталось этой любви у человечества, не осталось для себя (самосогревание) и своего (культура). И похолодело человечество и потускло. Уже у ап. Павла, несмотря на его пышные фразы о любви, какая любовь к своему народу? к старенькому, ветхонькому у евреев? Никакой. Так и византийцы пришли и затоптали у славян песни, хороводы, сказки... «Ничего не нужно, кроме нас». Так эти «спасители» человечества прошли смерчем по человечеству. И где прошел смерч — поломанные деревья, павшие хижинки; зато «купола» на губернских кафедральных соборах блистают сусальным золотом. В. Р-в.], — как мы делаем это по отношению к маленьким детям — позволим нам и порадоваться («ну и пусть их» — именно такой ведь колорит[11 — Да, пора давно разглядеть подлинный смысл этого «первого чуда в Кане Галилейской». Во-первых: при чем тут брак?! какую играют роль брачующиеся, родители их, семья? Никакой. То же, что «море» во время «чудесного улова рыбы Петром». Это просто среда, обстановка чуда, и говорится не о браке, а о чуде («я», «мы», «наше» — а не люди и людское). Но человечество до того жалко и грустно побежало за этим «чудом в Кане Галилейской», обрадовавшись, что «и Он, Спас наш, не отвергал наших маленьких радостей, вот позволил человеку жениться и иметь детей»... Боже, какая перемена после Ветхого Завета, где человеку не «позволяли», а требовали от него сладкого и ему самому умножения, размножения, плодоносности! Какое тогда было совпадение божеского и человеческого, «примиренность» небесного и земного. В. Р-в.]

всего чуда в Кане) — но именно только позволит; возводит в принцип ощущение радости она не станет, а о собственной слабости и жадности к свету и радостям, и о робости перед подвигом — такая религия заплачет кровавыми слезами.

В моей религии Магды умирают, потому что им больше делать нечего, — и Генрихи куют свои колокола, измученные и суровые, — и их колокола поют славу Богу, к которому зверь тянется по-своему, по-звериному, а человек иначе немножко, с отрицанием того, что 1243; он перерос, с культивированием того, что еле брезжится в нем и что у великого Достоевского сказалося в образе Ивана Карамазова, Дмитрия — его жалкого «Митеньки», — но никак не Алеши и не Зосимы.

Процайте, мой друг-недруг. Мне очень грустно сейчас в своей комнате, наедине с моими мыслями. Я так страшно одинок, и те колокола, что сейчас зазвучат и запоют песню о Воскресении, — разное пропоют нам с вами. Для вас — это победная песня и торжество любви, а для меня — это наивное чаяние усталого человечества, пропитанного 1243; том от трудов своих, и на один миг опьяняющего себя иллюзией общей любви и радости и яркого света — от восковых свечей.

Милая служба заутрени под светлый праздник — для меня она нераздельна с белыми девичьими платьицами — точно для них она служится. Милые, наивные белые платьица, из которых так скоро вырастают [12 – Вот! И не нужно скорби, а только эти «наивные белые платьица», и пусть бы еще с цветами, с цветами в руках и у ног их. И везде — цветы, эти распускающиеся бутоны, белые, желтые, сиреневые, голубые, всякие. Около детей — родители, около бабок — внуки. И соседи. И домашние животные, помогающие человеку в труде, сопутствующие ему в жизни, — тут же. Какое чудо Бог сотворил, давши человеку в путь и в помощь «домашних животных», с этим инстинктом к «домашности» и к следованию за человеком. Да, эти зоологические чудеса не меньше «Каны Галилейской». Я не понимаю: к чему в эту полную чашу бытия вводить непременно и преднамеренно скорбь? Ну, придет смерть — умрем: она уже побеждена тем, что мы, двое умирающих родителей, оставляем четверых детей. Арифметика... Но она имеет и параллельную мораль: ибо если мы двое совершили сто добрых дел, то отчего детям нашим не совершить четыреста добрых дел? А если они или кто-нибудь из них совершит дела худые, то лишь бы женился: его дети натворят дел предобрейших. Но ржи бывает спорынья; но ржаное поле мы все называем «нивой Божией». Ею питаются, ее благословляют. Довольно, довольно проклятий, Голгофы, — проклятий и проклинающих! Устали люди, прошел дождь. И вот — радуга, «соединяющая землю и небо в знак того, что еще потопа не будет». Но вот автор письма, с его, по-видимому, преступлением позади («убивец»), притом близкого, любимого существа, и безутешной скорбью сейчас? Из нас отделится один, лучший, — и пойдет за ним и с ним, во весь его долгий путь жизни, и даст грудь ему в подушку на ночь, а днем будет кормить его и работать на него. Скорбящему — утешение, дружба, помощь: скорбящему и — преступнику. И преступнику — никакого зла! Боже, как не понять, что преступление есть уже величайшее несчастье, что это — болезнь, подобная чахотке и раку, болезнь биографии, при которой счастье индивидуума органически расстроено! Преступление есть уже наказание, и преступник есть несущий наказание. Подобно тому как малоспособность и идиотизм есть несчастье и никто таких не сечет, так догадаются со временем, что и наказаний как чего-то преднамеренного и систематического (тюремное ведомство) не должно быть. Хотя и останется естественный факт человеческого негодования, и простой суд соседей, толпы, улицы. При общей кротости, разлитой в населении, он не будет суров и будет редок. И из законов останется только один: «не раздражай ближнего». В. Р-в.]. Грустно мне — и только один человек во всем мире понял бы меня, совсем понял бы...

В. 3-цкий».

Кроме мотива скорби, христианство еще обширно развило мотив художественности. И вот сплетение этих двух мотивов и составляет всю «музыку» Церкви — всю ее наглядность, всю ее осязаемость. Второй мотив ярко и наконец цинично выражен в следующем письме ко мне, которое тоже меня поразило:

ЭСТЕТИКА МРАЧНОГО

«Г-н В. Розанов.

Обет послушания еще не предрешает антиэстетичности: есть тысячи людей, вся красота которых состоит в безграничном послушании. «Ты свободен. Но какое мне дело до того, что ты освободился от ярма, если ты не сумеешь объяснить, для чего или для кого ты стал свободен?»

Красота крестного хода... А мрачные инквизиционные судилища с осьми-гласным miserere [13 – жалься (лат.)] — разве это не красота? Шествие сотни черных людей, каждый жест которых вырабатывался веками, — разве это не готично?

Полуденная суголока на площади. Нарядная праздничная толпа виленского шляхетства выходит из ворот реформатской коллегии. Скромный протестантский пастор что-то объясняет. Чей-то пристальный взор... это прислушивается к нему черный человек. Два вопроса, жест, — и проповедник удаляется, посрамленный ad majorem Dei gloriam [14 – к вящей славе Божией (лат.)].

Божие наказание постигло города и села: в предсмертных судорогах больные валяются на улицах, а здоровые бегут от заразы. Но кто это закутал больного в свой черный плащ и уносит его на руках? Это — воин Господа Иисуса.

Бюрократ» [15 – Странное письмо и странная подпись. Автор — очевидно, русский, петербургский чиновник (судя по штемпелю на конверте), убежденный чиновник (подпись). Он остановился на эстетике мрачного, примеры которого откуда же и взять, как не из католичества. Но встав на сей путь — он уже похвалит инквизицию. «Жестоко, но красиво»... В тоне — и шутка, и серьезное. Начинает с шуток, а кончит серьезным. Католичество никогда не могло серьезно осудить auto-da-fe: «слишком красиво»... Тут начинается с полусутильных возражений гуманистам, филантропам, «людям мелкого ума» и недалеких созерцаний: и может зайти в такие бездны ужаса, что сердце поледенеет. Бедные честные русские — сами себя жгут; католики и «бюрократ», конечно, — другого сожгут! но, главное, если кто другой сам себя сожжет — они полюбуются и, ей-ей, не найдут сил в себе ни возражать, ни остановить: «слишком красиво». Остановит или помешает какая-нибудь «прозаическая душа», вот рыбак, вот урядник (см. ниже) — еще не углубившиеся в бездны христианской эстетики (Голгофа). Следом за этим письмом мы помещаем выдержку из эстетика-Леонтьева («Восток, Россия и Славянство»), где он хотя и покачивает головой, но явно любит или задумывается над случаем, еще ужаснейшим, чем самосожжение и инквизиция. И «случай» этот — тоже под впечатлением начитанности в «священных книгах»... Странное «священное писание»,

приводяще людей т1243; к самоубийству, т1243; к убийству. Заметим, что это — не Библия; животворная, животворящая, живородящая: это все «свои размышления» старцев, Отцов и «учителей Церкви», размышления над Евангелием, крестом и Голгофою. В. Р-в.]

САМОСОЖЖЕНИЕ

«Вечером девятого июня к полицейскому уряднику Сергиевской Пустыни явился рыбак и заявил, что он шел с моря через поле позади Сергиевского монастыря и увидел у одного из кустов дотлевающий костер, а возле него лежит чуть живой человек. Урядник, собрав понятых, отправился к указанному месту. Около кустов, действительно, догорал большой костер, а около него лежал еле живой человек с обгоревшими ногами. Его немедленно отправили в монастырскую больницу, где фельдшером ему была оказана первая медицинская помощь, а затем перевезли в Стрельнинский дворцовый приемный покой, откуда отправили в Петергоф к родителям. Из дознания выяснилось следующее: человек этот был одет в мужской монашеский костюм, но оказался девушкой. Она — крестьянка Петергофского уезда, Ольга Петровна Гвоздева. В последнее время она читала много славянских книг и, желая спасти свою душу, — дошла до фанатизма[16 — Что такое «фанатизм»? Только сильнейшая вера — вера, доведенная до равенства с реальным ощущением. «Верю в Рай как бы вижу его, верю в ад как бы вижу его, верю в Бога как бы говорю Ему и от Него слышу». «Фанатизм» в истинной, и святой, и плодотворной вере может поэтому только привести к удесятерению плодов ее, т. е. к чему-то изобильному и благодному до изумительного, до блаженства, до полного счастья. «Фанатизм» человеколюбивой веры заставит всю жизнь отдать состраданию и помощи ближним; «фанатизм» миролюбивой веры заставит новобранцев-рекрутов поломать данные им казенные ружья или закопать их в землю (наши толстовцы на Кавказе), «фанатизм» чадородия выразится в многоженстве (Ветхий Завет, мусульмане). Вообще какова вера — таков и «фанатизм» ее, белый или черный, плюсовой или минусный. — Но странный «фанатизм» Православия т1243; там, т1243; здесь приводит людей, напр., не к многоженству, а вот к истреблению и своего единоличного существования, к истреблению вообще живого, через самосожжение, самутопление, самоудушение. В. Р-в.], в припадке которого решила себя сжечь на костре. С этой целью она приехала в Сергиевский монастырь и, после горячей молитвы, пошла в поле, наломала сучьев, развела огонь и, раздевшись донага, бросилась в костер. От сильной боли она, не помня себя, выскочила из костра и упала без чувств. Придя немного в себя, она с большим трудом надела кое-что из одежды, но двигаться не могла и пролежала до появления рыбака, завидев которого, она начала кричать: «Воды! воды!» — чем обратила на себя его внимание. У костра найден воткнутый в землю длинный посох с небольшим крестом на конце, на котором был повешен образок[17 — Полное Православие — и совершенно нормальное, без всякого сектантства. Это показывает, что и в сектантстве случаи самоубийства, уже чрезвычайно частые, выросли на почве нормального Православия, но «фанатичного», горячего, пылкого, неравнодушного. В. Р-в.]. Это она поставила себе надгробный памятник в случае, если бы сгорела. Здесь же была найдена длинная коса, которую она перед актом сожжения отрезала финским ножом. Кроме того, найдено много книжек духовного содержания. Так как у несчастной обнаружены ожоги ног, живота и спины, то — по заключению врачей — жизнь ее находится в опасности» (из газеты «Знамя» за 1903 г., номер 158, июля 14. Корреспонденция — из Сергиевой Пустыни, что близ Петербурга. Курсивом отмечены мною места, требующие особого внимания).

В. Р-в.

В ПЕЧАЛИ И СТРАХЕ

«Вязниковского уезда, деревни Слободищ, крестьянин спасовец (секта старообрядчества беспоповщинского толка) Михаил Куртин, 57-ти лет, зарезал родного сына своего, 7-летнего мальчика Григория, в убеждении, что это угодно Спасу. Вот что рассказывал Куртин на суде о своем поступке: «Однажды ночью печаль моя о том, что все люди погибают в грехе, сделалась так велика, что я не мог уснуть ни на минуту и несколько раз вставал с постели, затепливал свечи перед иконами и молился со слезами на коленях о своем спасении и спасении семейства своего. Тут мне пришла на ум мысль спасти сына своего от гибели вечной, и так как сын мой Григорий, единственное детище, был очень резв, весел и сметлив не по летам, то я, боясь, чтоб он после смерти моей не развратился в вере и не погиб в геенне вечной[18 — Идея «геенны вечной, где будет огонь неугасимый и плач и скрежет зубовой», — впервые была принесена и «обещана» Иисусом: ее нет в книгах Ветхого Завета. Это — новое. В. Р-в.], решил зарезать. С этою мыслью я вышел на заре в задние ворота и стал молиться на восход, прося у Спаса знамения, что если после молитвы придет мне снова мысль эта в голову с правой стороны, то я принесу сына в жертву Богу, а если слева — то нет; потому что, по мнению нашему, помысл с правой стороны есть мысль от ангела, а с левой — от дьявола. По окончании длинной молитвы помысл этот пришел с правой стороны, и я с веселием в душе возвратился в избу, где сын мой спал с женой моей на полнике (широкая лавка). Опасаясь препятствий со стороны жены, я нарочно разбудил ее и послал за овчинами в деревню Перво, а сам, оставшись с сыном, сказал ему: «Встань, Гришенька! Надень белую рубаху, я на тебя полюбуюсь». Он надел белую рубаху и лег на лавку в передний угол. Тогда я подложил ему его шубку в голову и, заворотив подол рубашки, несколько раз ударил в живот ножом. Он затрепетал, и начал биться, и наткался на нож. Желая поскорее прекратить его мучения, я распорол ему живот сверху донизу... Он потерял силу сопротивляться, но все еще не кончался. Заря до этого времени светила в окно, но, когда я пронзил его ножом, вдруг первый луч солнца брызнул в окно. Что-то сотряслось во мне, нож выпал из рук, и я упал перед образом на колени с молитвою, прося Бога принять милостиво новую жертву. Когда я стоял перед образами на коленях и сын мой плавал в крови, то вошла вдруг в избу возвратившаяся жена моя и, с первого взгляда узнав все случившееся, упала от страха на землю перед мертвым сыном. Тогда я, поднявшись с пола, на котором стоял на коленях, сказал жене: «Иди и объяви обо всем старосте. Я сделал праздник Святым». — Заключенный в острог, Куртин еще до решения его дела на суде запостил себя до смерти». Кон. Леонтьев. «Восток, Россия и Славянство». Москва (1886 г., том II, стр. 14—15. — Курсив мой. В. Р.)

На страницах 17-й и 19-й того же тома Леонтьев сопровождает случай размышлением:

«Конечно, никто не станет оспаривать у суда[19 — Еще и суд!! Ну, а объяснить дело, подняв другие горизонты на религию? Пожалуй, за это — тоже «суд», ибо таковое разъяснение уже означало бы «ересь». О, судьи! судите вы темных, судите и просвещение; и неужели, неужели не найдется и на вас если не «судьи», то осуждения?.. В. Р-в.] права карать[20 — Да уж он сам себя уморил ужаснейшим видом смерти, к какой приговаривали личных врагов лютейшие из средневековых деспотов-разбойников. Какого же еще хочет ему наказания К. Леонтьев? Но, виноват: Леонтьев, врач и писатель, принял тайный постриг на Афоне, жил долго в Оптиной Пустыни и умер в св. Троицкой Лавре. Таковые, как бы ни страдал человек и человечество, все хотят еще подсыпать «угольков» ему. В. Р-в.] поступки, подобные поступкам Куртина. Но, по высокому выражению московских славянофилов, обыкновенный суд, точно так же как и справедливая полицейская расправа, суть проявления лишь «правды внешней», и он не исчерпывает бесконечных прав личного духа, до глубины

которого не всегда могут достигать общие правила законов. Судья обязан карать нарушающие общественный строй, но только там сильна и плодоносна жизнь, где почва своеобразна и глубока даже в незаконных своих произведениях. Куртин может быть героем поэмы гораздо более, чем самый честный и почтенный судья, осудивший его вполне законно.

В этой трагической картине нет ничего пошлого и избитого».

Русские могилы

Воскресение Христово видевше, поклонимся Господу Иисусу, Единому Безгрешному...

Пасхальная песнь

I

ПРИРОДА

«В сравнении с суровой северной и даже со средней Россией южные части ее представляют настоящий благодатный край по мягкости климата, красоте природы и естественным богатствам, которыми земля вознаграждает труд человека. Для жителя севера этот уголок — земной рай, полный радости и довольства. Эти черты в особенности свойственны Поднестровью. Великой красотой отличается долина реки с ее густой яркой зеленью, живописными берегами и могучей растительностью, которая своей сплошной зеленой пеленой обозначает старое широкое русло реки. Богатые сады и виноградники покрыли всю долину и служат неиссякаемым источником богатства и довольства... И здесь, в этом благодатном уголке, свила гнездо мрачная человекоубийственная секта[21 — Автор, профессор медицины, берет слово «секты», «сектант» в чисто паспортном смысле: не углубляясь в то, что, раз «секты» и «сектанты», все в одном и том же направлении, появляются и в XVII веке, и в XVIII, и в XIX, и на юге в пяти верстах от шумного городка Тирасполя, и в снежных пустынях Архангельского края, — то, очевидно, здесь уже не в «Ковалева и его родных» дело, а в религиозном дуновении, которое захватило и Ковалева, — захватило Тирасполь, Архангельск, Россию, Грецию, части Сирии, Африки и всю Европу; но, захватив, «инде находит почву, покрытую камнем», инде «птицы (— иные впечатления, школа, книжки, житейские хлопоты) расклеивают зерно», — и только в некоторых местах, семьях, в единичных душах находит «почву добрую, глубокую, рыхлую», где привившись и свившись и вырастает... в тираспольские явления! «По плоду узнаем корень» — можно с грустью прибавить. В. Р-в.]. Своим дыханием она отравила жизнерадостное население долины и привела к страшным событиям, которые — если бы они даже были кровавыми — и тогда были бы менее ужасны. Благодаря деятельности секты — здесь, в благодатной долине, нашли себе вольную или невольную смерть два с половиною десятка людей, из коих большая часть были женщины и дети всех возрастов, не исключая грудных младенцев. В довершение всех ужасов — смерть была медленной и одной из самых мучительных!

Желая поближе ознакомиться с событиями этой смерти и определить психологическую природу явлений, лежавших в основании ее, автор настоящих строк взял на себя труд отправиться на место и ознакомиться с внешней обстановкой, с населением, среди которого произошли убийственные события, и с оставшимся в живых непосредственным участником событий, Федором Михайловым Ковалевым.

Внешняя сторона терновских событий настолько известна из газет, что мы ограничимся лишь кратким перечнем главнейших фактов.

Днестр своим быстрым извилистым руслом образует массу островов и заливов (лиманов). Вся широкая долина реки изрезана ее рукавами и богата часто заливаемыми водой низинами с тучным черноземом. Эти низины с небольшими на них возвышениями носят местное название «плавней». Плавни покрыты необыкновенно плодородной почвой и богаты фруктовыми садами и огородами; части же долины, прилегающие к берегу, изобилуют виноградниками. Село Терновка находится в четырех или пяти верстах от Тирасполя и расположено на плавнях. В непосредственном соседстве с Терновкой расположены многочисленные хутора, и между ними — хутора, принадлежащие семейству Ковалевых и их родственникам. Усадьба Ковалевых представляет значительную земельную собственность, оцененную тысяч в двадцать руб.[22 — Никакого горя, нужды, угнетения земными обстоятельствами не было. «Вольные смерти» — чисто по внутреннему порыву, по религиозному вдохновению! В. Р-в.]

Старообрядческое[23 — «Старая вера», «ищем старую веру» — это у русских только «ищем истинную веру», «как заповедал людям Христос», «как Он, Батюшка, Спас Милостивый, хотел». Проф. Сикорский опять берет старообрядчество как паспортную кличку — отказываясь углубиться не в свою тему. В. Р-в.] семейство Ковалевых принадлежит к давним обитателям терновских хуторов, и родоначальник нынешнего поколения Ковалевых уже в начале настоящего столетия владел усадьбой[24 — Значит — вековой достаток, вековой покой: о котором Бокль заметил, что «благосостояние способствует углублению умов и зарождению наук и философии». Ковалев и его ближние пошли дальше «азбуки» и «складов» в Православии — и кончили тем, чем кончили. «И почва пышная, и солнышко грело»... В. Р-в.], получившей ныне столь печальную известность. Этот родоначальник давал у себя приют прохожим, и в особенности переходящим раскольникам, и завещал такой же долг своим потомкам. Последняя владелица хуторов, старуха Ковалева, строго исполняла заветы предка, который был отцом ее мужа, и в усадьбе ее находили приют не только переходящие сектанты ее веры, но существовало даже целое учреждение — скит, в котором имели постоянное пребывание представители секты обоего пола, ведущие безбрачную[25 — Вот! Безбрачие, воздержание от имени, от порождения детей — есть первая или, скорее, сердцевинная ступень «сухого дерева», «огненной лестницы». Кто этим начал, и не остановится и будет последователем, уже непременно дойдет или до «самозакапываний» или до «самосожжения». «Если детей не надо, то почему я надобен? Кому?!» Не надо молодых веточек, не надо плодов — и ствол тогда не надо. «Руби все сплошь». Очень последовательно. Но безбрачие — сердце христианства (девственное зачатие Иисуса, девство Бога-Иисуса, завет Его о девстве же, Матф., 19). — Поэтому — «руби все сплошь», ибо «Я победил мир», «ныне суд Князю мира сего» и «не любите мира, ни того, что в мире». Все это составляет самую суть Христова пути, до времени скрываемую от малосмысленных и постепенно открываемую (в монашестве) только углубляющимися. «Царство Небесное подобно жемчужине, нашедши которую купец продает все свое имущество, чтобы приобрести ее одну». «Марфа, — ты заботишься о многом, Мария же избрала благу часть, которая не отнимется от нее», или, как сильнее сказано в славянском тексте — «избрала единое на потребу». Вот этих метафизичнейших мест Евангелия никак не удастся и никогда не удастся затоптать или обойти сторонникам «любви к ближнему», «возлюби ближнего своего как самого себя» и прочих трюизмов, ничуть не новых и не оригинальных в устах Иисусовых. В речениях Иисуса мы должны различать чужие и свои, Его собственные: эти-то и есть главное, а не великолепные трюизмы Востока или аксиомы Ветхого Завета, попутно задеваемые,

повторяемые. Так лесник, рубя лес, несет на сапогах листья леса же. Мы, мирские, — и собираем листочки с сандалий Иисуса: но монастырь знает, что делает, когда смотрит только на топор, заткнувший за поясом дровосека. В. Р-в.] жизнь и составлявшие нечто вроде старообрядческого монастыря[26 – Вот! Курсивы в тексте ставлю я, чтобы показать, что эти «сектанты», изуверы и «сумасшедшие» суть просто люди монастыря и монашеского духа, но огненно-увлеченные, в противоположность тепло-хладным «православным» (официальная церковь). Что касается обвинений в «сумасшествии» (психиатры, ученые, культур-трегеры), то ап. Павел за 2000 лет предусмотрел и отразил это обвинение: «В мире мы будем казаться безумными», «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрое, и — немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное». Вот перед такими метафизическими строками, заставившими все человечество воскликнуть: «Священное Писание! Новое священное Писание» — повалились целые библиотеки, а не то что «экспертизы» и «r1233;sum1233;» толпы медиков. Монахи знают, чему они смеются, когда смеются. Точнее, они знают, почему никогда не смеются. В. Р-в.]

Скит представляет собою небольшое низкое здание, с фасада напоминающее собою экипажный сарай, с широкими фальшивыми входными воротами, которыми отделан фасад, и небольшими оконцами вроде слуховых отверстий в нежилых зданиях. На самом деле никакого въезда в сарай не существует: это — лишь отделка, скрывающая действительное расположение и назначение здания. Настоящий фасад и вход в здание — с противоположной стороны. Но этот истинный вход и истинный фасад просто, но искусно и умело замаскирован широким валом из соломы и тростника, представляющим собою как бы склад этих материалов. Однако же на самом деле описываемый вал представляет собой постоянную постройку, которая своей верхней частью сливается с крышей близлежащего здания и предназначена для замаскирования его. Между валом и зданием скита идет во всю его длину узенький коридор. С коридора ведут несколько входных дверей в различные части здания. Здание это и есть раскольничий скит, в котором имели временное и постоянное жительство переходные и постоянные жильцы терновской общины. Самый вход в описанный выше коридорчик так искусно расположен и замаскирован, что его трудно заметить. Все описанное устройство явным образом рассчитано на то, чтобы скрыть как назначение здания, так в особенности входы и выходы из него[27 – Буквально катакомбы! И никто-то, никто не зарисовал, не дал плана этих наших русских «катакомб»... В. Р-в.] В самой существенной части здания, рядом с главной молельной, расположен поперечный коридорчик, который ведет в противоположные части усадьбы и представляет полную возможность скрыться жильцам скита тем или другим путем, в зависимости от условий обыска. Все подробности устройства скита продиктованы страхом, осторожностью и подозрениями. Здание невзрачно, низко; его крошечные окошки маскированы задвижными ставнями, разделанными под цвет фасада и т. д. В большей части комнат находятся потайные ходы и спряты. Все показывает, что здешний обитатель пребывал в постоянной тревоге и всякую минуту был готов и мог бежать. Вместе с тем внутренность здания отличается мрачным характером[28 – Вот! Ну, а внешний вид иконописи православной? а черные иконостасы с изможденными лицами чт1243; говорят? чт1243; говорят напевы церковные? Везде мрак. Вспомним грусть и трепет молитв — «От юности моя мнози борют мя страсти», «Се жених грядет в полунощи», вспомним — и тогда мы без труда поймем, что «обуреваемый страстями» юноша, девушка кинутся хоть через огонь навстречу «Полунощному», «Скорбному Жениху» и прильнут устами к его ранам, которыми Он иносказательно уже показал человечеству путь для соединения с Собою. «Он истек кровью за человечество, мы истечем кровью за Него», через кровь Он соединился с человечеством, мы через кровь же соединимся с Ним». Причем тут «сектантство», «секты»; это прямой путь Православия, не который зовут — но не грубо и прямо, а поэтически и иносказательно — все молитвы, напевы, посты, постничество, образа, все! Монастырь есть как бы Альпы христианства: а в Тираспольских глывнях поднялась острая игла этих Альп. В. Р-в.] и крайне неприветлива; все показывает, что люди жили здесь не только в страхе, но и в какой-то человекобоязни и мрачности (курс. проф. Сикорского).

Жильцы скита редко выходили из здания — разве только для необходимых работ[29 – И из монастыря гулять не ходят. «Тесное житие» есть продолжение поста, и как пост, так и монастырь, оба оканчиваются и завершаются в могиле. «Тесное, самое тесное житие! Три аршина длины, аршин ширины — жилище праведника, наконец-то праведника, коим сделался человек, став трупом». Фанатики католицизма говорят: «cadaver esto» [«да будет мертвым» — лат.]; наши же по обычаю не договаривают, но любовно — как бабочка около огня — кружатся около этой же формулы. В. Р-в.]

Обыкновенным времяпрепровождением скитников были молитва, чтение, беседа[30 – Специалисты христианства, специалисты староцерковного духа, идеалов и буквы; без «плевел» и «камня». У нас с проф. Сикорским есть и «плевелы», в качестве лекций, журналов, газет; да и сердце покаменнее. И потому мы только научно исследуем все, не очень «отдаваясь молитве»... В. Р-в.] при постоянном общении с некоторыми из членов семейства Ковалевых, которые, так сказать, прониклись духом религиозного настроения скита. Эти последние совершали значительную часть работ, напр., относящихся к домашнему обиходу, облегчая или, лучше сказать, заменяя работу обитателей скита.

Что касается внутренней жизни скита, то в некотором отношении она осталась для нас невыясненной ввиду того, что главнейшие участники этой жизни, напр., девица-сестра Ковалева, Домна Фомина с дочерью, Суховы и др., погибли насильственной смертью. Однако же некоторые факты нам удалось узнать от самого Федора Ковалева. Но в особенности, хотя немногие, но высокой ценности данные получены нами из бесед со слепым стариком Я. Я. (76 лет), который жил в скиту и был непосредственным участником большей части событий последнего времени. Из этих двух свидетелей Федор Ковалев не понимал значения многих событий, в особенности не понимал их мотивов, и потому его фактические рассказы, подчас детски-наивные, отличаются совершенной и беспристрастной объективностью. Старик Я. Я., наоборот, очень тонок, пронизателен, опытен, отличается идеально покойной душой[31 – Поразительно, что все это исследует медик-психиатр, с любопытством к психиатрической стороне явления. Но где же любопытство православных? в духовных журналах, в лице профессора духовных академий? В. Р-в.] Благодаря его показаниям возможно установить истинное значение и психологическую зависимость совершившихся фактов, и до известной степени объяснить то, что остается загадочным и противоречивым».

II

ЛЮДИ

«До осени 1896 года в Ковалевских хуторах существовали две совершенно чуждые друг другу жизни — жизнь скита и трудовая жизнь хозяев усадьбы и их родственников. Эти жизни были близки только по месту, но в других отношениях близости не было, за исключением того обстоятельства, что отдельные члены семейства Ковалевых сближались со скитом и являлись его поклонниками и паломниками. Но

главным образом скит в усадьбе Ковалевых являлся всероссийским[32 – Вот! Это — всероссийское явление, острая вершина «Альп», раскинувшихся от Белого моря до Черного, от Атлантического океана до Великого. Везде есть прозелиты этого духа и учения (см. выше историю крест. Куртина во Владимирской губернии, случай с крестьянской девушкой возле Петербурга). А Сикорский пишет: «местное сумасшествие», да и православные богословы отмахиваются: «местное изуверство». В. Р-в.] религиозно-благотворительным учреждением, согласно устному завещанию основателя Ковалевской усадьбы и семьи. Представительницей хутора и его жизни является старуха Ковалева, мать Федора Ковалева, а представительницей скита является Виталия.

Все отзывы, какие нам удалось собрать, рисуют старуху Ковалеву женщиной в высшей степени мягкой, доброй и человеколюбивой[33 – Замечательно! До чего это трогательно! По естественным условиям природы внешней (климат, почва) и внутренней (предрасположения души) — какая это почва для роста добрых, великих, святых дел! Но на ниву естественных условий пришел «враг» «не от мира сего» и всеял в них «плевелы» своего учения: и погубил ниву, погубил до ужаснейшей смерти прекраснейших людей! В. Р-в.]. Хотя она торговала мукой, но торговля вовсе не была главным делом ее жизни: она жила богатыми доходами от фруктовых и виноградных садов. Она отличалась благотворительностью и помогала в широких размерах не только своим единоверцам, но также — православным и даже евреям[34 – Удивительно! Никакого в собственном смысле изуверства нравственного, сектанства нравственного не было: «натура» у этих людей языческая, «своя» собственная, «от батюшки с матушкой», и она — святая; заражен только ум, идеи, «убеждения», склонившие дерево вопреки росту в сторону, — «не любите мира, ни того, что в мире, ибо все в мире — похоть плоти, похоть очей и гордость житейская» (Иоанн, II, 16)... До чего сильно! Уж это не вяленькое-старенькое «возлюби ближнего своего»... Эта новая бурная «благая весть» и сорвала крону дерева в приднестровских плавнях, крону «древа жизни», языческую: и все и всех потащила в ужасные могилы. В. Р-в.]. Согласно всем отзывам, это была не деловая, не практическая женщина, это была просто мягкая и добрая душа[35 – Удивительно... Золото русской природы: именно и не «деловитая», не — «практическая», хотя вместе, судя по всему очерку, — и деловитая, и практическая, но не утороплено, не жадно. Таково и было спокойное язычество, таков был спокойный рай. «Солнышко восходит, солнышко заходит — наше утро, наш вечер, — и вчера и завтра». У Ковалевой — дети, она — семьянинка; прозелитизм — не от нее, она сама подпадает под вихрь девы (схимницы) Виталии (см. ниже) и ломается в судьбе своей, в своем характере, этим знойным, другим, «истинно христианским» (девственным, безбрачным) вихрем. Обратим внимание, что и пытавшаяся сжечь себя около Сергиевой Пустыни была девушкой, переодевшеюся в мужское платье (не монахиню, а монахом). Эти факты, как и бездна других подобных, все указывают на один источник: пламенная религиозность, и именно в этом духе вражды к полу, к миру, в духе, скопчества, — рождается в точке, где мы имеем не самца-мужа или деву-самку (будущую жену, будущую мать), а встречаем деву на переходе в юношу, которая никакого влечения к мужу не имеет и матерью никогда не станет («скопцы от чрева матери»). См. далее характеристику мужественной Виталии. Это суть лица третьего пола (не мужского и не женского): и в них-то и лежит ключ ко всему. В явлении 3-го пола лежит фундамент всех этих «дуновений» истории, которые в своем роде суть такое же «откровение» этой *naturae tertiae* [третьей природы — лат.], как до христианства мы имели «откровение» *naturae primaе* и *secundae* [первой природы и второй — лат.] (мужской и женской). В. Р-в.]. Ее участие в фанатических смертоубийствах и ее вольная смерть вместе с Виталией вызвали у всех единодушное чувство недоумения и сожаления[36 – Вот! Языческие овцы, полужыческие столпились и блеют над жертвою «истинно-христианского» отречения. В. Р-в.].

Совершенно иными чертами отличается Виталия. Уроженка Херсонской губернии, девица около 35 или 40 лет, она отличалась энергией и большой решительностью. Виталия появляется впервые в терновских хуторах лет 12 тому назад. Первоначально она наезжала, по временам, в Терновский скит, а в последние три года основалась в нем окончательно и приняла в свои руки заведование делами и всей внутренней жизнью скита. До того времени скит представлял собой скорее мужской раскольничий монастырь, но с водворением в нем Виталии преобладающая роль переходит к женщинам, и в период последних событий это уже было монастырское общежитие с женской иерархией и администрацией во главе[37 – Вообще женские монастыри — как все замечают — удачливее, идеальнее мужских. Это можно сблизить только с тем, что состояние вечного, неразрушимого девства («скопцы от чрева матери») как проявление 1959;1973;1961;1945;1957; истической [уранистической] организации, полно-половой, а не половинчато-половой, по наблюдениям медиков и биологов, вообще чаще встречается у женской половины рода человеческого. В. Р-в.]. Хотя в отдельных кельях скита жили и мужчины, немногие старички, но они занимали второстепенное положение и не принимали никакого участия в управлении делами, подчиняясь всецело главенству Виталии. Виталия распорядилась всем в делах административного характера, а также и в чисто религиозных делах[38 – Эта уж и «практична», и «деловита», ее «на все хватает», и она «везде поспела». Какая-то универсальность и закругленность — как именно у полно-полых, как это вытекает из сути не «половинчатости». Она — дева; и, уж конечно, при ее уме и характере — сумела бы сыскать «женишка», если бы хотела и нуждалась. Но и не хотела и не нуждалась. Читатель не преминет отметить 1959;1973;1961;1945;1957; истические черты в ней: напр., таинственное стяготение ее к девочке-подружке и девочки-подружка к ней, при очевидном отсутствии идейной, умственной, вообще взрослой и деловой связанности. Но — «тянет»; есть «склонность», «симпатия», разумеется остановившаяся на воздушной черте и не сгустившаяся во что-нибудь твердое, во что-нибудь физическое и осязательное. В. Р-в.]. Она распределяла комнаты между жильцами скита, назначала им порции, определяла времяпрепровождение, начальствовала над всеми, но также отправляла богослужение, проповедовала, поучала, добывала св. тайны для причастия и сама приобщала скитников — кого часто, кого через каждые сорок дней, кого реже

Во всех своих делах административного характера Виталия совещалась со старухой Ковалевой, но эти совещания, как можно судить по данным, сообщенным Федором Ковалевым, носили скорее характер акта вежливости или предлагались к сведению, но, в сущности, были полновластными действиями Виталии. Уступая Ковалевой как бы первую роль, называя ее «тетенькой», Виталия распорядилась решительно всем, и ни одно серьезное дело в хуторах не предпринималось без ее воли. Ее воля, ее авторитет требовался повсюду. Некоторые члены ковалевской семьи подпали безусловно под ее влияние, как, например, мать Сухова, Домна Фомина, ее взрослая дочь и девица-сестра Ковалева.

Как ни казалась значительной и всеобъемлющей деятельность и личность Виталии, но рядом с ней стоит другая личность, которой, по всей вероятности, принадлежит первостепенная роль во всех замыслах и в психологической подготовке всех роковых событий в терновских хуторах. Это была Поля Младшая. Поля Младшая и Поля Старшая, по-видимому, были родные сестры, по фамилии Скачковы. Старшая Поля никакой роли в делах скита не играла, но младшая имела огромное влияние на Виталию[39 – Я не прибавляю ни слова. Это говорит медик-психиатр, объективный наблюдатель, которому 1959;1973;1961;1945;1957; истическая нить в описываемых событиях не приходит на ум. Обратите внимание на «огромное влияние» на деву, которая сама подчинила своему влиянию всю округу, — и вы остановитесь перед этим как перед одним из тех чудес, какие рассказываются только об 1959;1973;1961;1945;1957; истях. В. Р-в.]. Последняя не делала и, по-видимому, не могла сделать ничего без совещания с Полей. Об этом живо и картинно рассказывал Федор

Ковалев. По его словам, Виталия хорошо постилась, молилась, громко и внятно читала по-церковному, но гражданское письмо[40 – Ну, обычное «медицинское» объяснение... «Гоголь умер потому, что читал аскетические сочинения, а не Фейербаха и Молешотта»] и проч. «Поля знала грамоту и читала газеты — и от этого получила влияние на Виталию». Такая, подумаешь, премудрость в газетах и гражданской печати. Впрочем, что же: ведь «газеты» влияют даже на профессоров, наконец, и на профессоров-психиатров, которые другой раз только «по газетам» и думают: и уж куда тут устоять бедной Виталии против такого монстра. В. Р-в.] и газеты читала и понимала плохо. Поля же отлично и бегло все читала и толковала. Виталия не могла обходиться без Поли и решительно во всем совещалась с нею. По словам Ковалева, Виталия и Поля «все делали вдвоем». Посоветовавшись с Полей, запасшись от нее сведениями и объяснениями[41 – «Сведениями и объяснениями» — гипотеза проф. Сикорского, не подтвержденная никакой ссылкой. В. Р-в.], Виталия становилась смелой и деятельной.

Старик Я. Я. рисует Полю и Виталию такими же чертами, как и Ковалев. Он в особенности хвалит Виталию за умение горячо молиться и увлекать других своею молитвой[42 – Вот это — главное, в этом — все. Все остальное, «практичность» и проч., — «приложилось». Одушевленный воин нашел и оружие, и амуницию, и обоз. В. Р-в.].

III

СУДЬБА ЛЮДЕЙ

Мирная, безмятежная жизнь терновских хуторов была нарушена брожением, начавшимся в среде скита осенью 1896 года. Виталия и Поля стали постоянно говорить о имеющих якобы наступить преследованиях; еще не было речи о пришествии антихриста, об антихристовой печати и пр., а говорилось только об ожидаемых якобы общих мерах против раскола. Проповеди и предсказания Виталии на этот счет производили значительное действие и вызывали волнение и беспокойство, которое она никогда не старалась успокоить, а напротив — старалась усилить и раздуть. Никогда из ее уст не раздавались слова надежды и примирения. Напротив, она постоянно поддерживала возбуждение и запугивала — часто говорила, что наступят еще худшие времена[43 – Проф. Сикорский не знает, что «о худших еще временах», в этом тоне печали и угрозы, заговорил (впервые в истории) И. Христос; что от «печали и ужаса» близких «времен антихриста» почти сходили с ума в первый христианский век; и так это настроение — т1243; оживляясь, т1243; замирая, в зависимости от почвы «каменистой» или «уготованной», но никогда не прекращаясь, — живет и до наших времен. Как бледны слова Виталии перед этим Иисусовым громом: «Когда некоторые говорили о храме, что он украшен дорогими камнями и приношениями (начало роскоши, начало богатого в мире, «истинно-языческого» довольства), — Иисус сказал: «Придут дни, в которые из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне; все будет разрушено». И спросили его: — «Учитель! когда же это будет? и какой признак, когда это должно произойти?» Он сказал — «Берегитесь, чтобы вас не ввели в заблуждение; ибо многие придут под именем Моим, говоря, что это Я, — и это время близко; не ходите вслед их. Когда же услышите о войнах и смятениях, — не ужасайтесь. Ибо этому надлежит быть прежде, — но не тогда еще конец. Восстанет народ на народ, и царство на царство; будут большие землетрясения по местам, и глады, и моры, и ужасные явления, — великие знамения с неба. Прежде же всего возложат на вас руки и будут гнать вас, предавая в синагоги и в темницы, и поведут пред царей и правителей за имя Мое (какая точность предсказания — в том числе включая даже и «землетрясения», чт1243; так близко к извержению Везувия, бывшему при императоре Тите, в пору, почти совпавшую с падением Иерусалима). Преданы также будете и родителями, и братьями, и родственниками (какое разъединение кровных уз! восстановление родственников друг на друга, априорное еще до факта! И вечно «помешали родители и родственники» чему-то совершиться «Христову», везде эта как бы входящая в «древо жизни» распорка, клин). И будете ненавидимы за имя Мое. Когда же увидите Иерусалим, облагаемый войсками (какая точность!), тогда знайте, что приблизилось запустение его (какая точность!). Тогда находящиеся в Иерусалиме да бегут в горы; и кто в городе — выходи из него; и кто в окрестностях — не входи в него. Потому что это дни отмщения, — да исполнится все написанное. Горе же беременным и питающим сосцами в те дни; ибо великое будет бедствие на земле и гнев на народ сей. И падут от острия меча; и отведут его в плен иныя народы; и Иерусалим будет попираем язычниками. И будут знамения в солнце, и луне, и звездах, и на земле; уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится. Люди будут издыхать от страха и ожидания того, что грядет на Вселенную; ибо силы небесные поколеблются» (Лука, XXI). Это нагнетание страха на человечество — одна из метафизических сторон Евангелия, далекая от морального рационализма «возлюби ближнего своего». Страхом этим, как плугом, прошел наименовавший себя «Сыном Человеческим» по сердцам человеческим: и разрыхлил «почву» для принятия особенных семян своего учения. В. Р-в.] и что нужно всего ждать. Постоянные чувства, свойственные обитателям скита: раздражение, подозрительность, неосновательные страхи, теперь сказывались у Виталии в большей степени, чем прежде[44 – Все по Иисусу. Точь-в-точь. См. приведенный из Ев. Луки отрывок. В. Р-в.]. Ее тревожные речи действовали на окружающих, в особенности на молодых женщин и на подростков, но также и на старуху Ковалеву. Последняя часто плакала[45 – Слезы страха, безнадежности. «Чего ждать?! Все погибает». Добрая языческая почва и дрогнула перед напором этого страха, мирового-исторического в 1-м в. по Р. Х. и индивидуально-морального у всякого вновь обращаемого до сих пор. Таким образом, «обращения» совершаются не путем «любви к ближнему», не через указание на какой-то «рай» впереди, а, скорее, через указание на ад впереди и путем разгона «любви к ближнему», который (разгон) есть основательный фундамент для этого трепета перед адом. Да ведь так это исторически и было. В России, в Англии (Нортумберланд), всюду Евангелие принималось вовсе не с умилением и в спокойствии, а трепетно и в страхе. И до настоящего времени всякая «реставрация христианства» опирается на возбуждение чувств страха и неуверенности. Спокойствие — это язычество, трепет — это христианство. А «любовь к ближнему» тут ни при чем. В. Р-в.] и говорила детям: «Я умру, как вы останетесь без меня».

Начало осени 1896 года (сентябрь, октябрь) прошло в беспокойстве и тревожных думах: все ждали то ссылки в отдаленные места, то заключения в тюрьму. Ожидания эти были настолько серьезны, что вызвали приостановку обычного хода дел и привели к нелепым решениям и действиям. Так, некоторые запаслись теплым платьем (шубами, валенками и проч.) в ожидании близкой якобы ссылки на далекий север. Вечера и ночи проходили в беспокойных думах и разговорах, в которых принимали участие женщины, подростки и дети, вследствие чего беспокойство и волнение нарастали, а решения заменялись фантастическими предположениями. В случае заключения в тюрьму, решали, согласно совету Виталии, запоститься, т. е. уморить себя голодной смертью. На этом остановилась большая часть. Немногие из мужчин давали совет — «дожидаться, что будет», ничего не предпринимая. Этот благоразумный исход, к сожалению, не имел места, главным образом потому, что психологический центр всего дела перешел к затворницам и вообще к женщинам и в силу этого получил оттенок страстного, горячего отвлеченного дела, которое не справлялось с внешней жизнью и действительностью (мой курсив)[46 – Нужно ли доказывать, что «культ Мадонны» по преимуществу выработан был и поддерживался мужчинами (вечный мотив этого культа передан в стихотворении Пушкина «Не множеством картин старинных мастеров» и Лермонтова «Я, Матерь Божия, ныне с

«любовью»), а Иисусово поклонение, начиная с жен мироносиц, порывисто внесено было женщинами, внесено и пронесено по всей истории (св. Берта, св. Ольга, св. Клотильда). И вот, отмечая эту сторону, мы не можем не поразиться, что всякий раз, когда в смешанной человеческой толпе перевес берут женщины, они склоняют религию в сторону жестокости, самоистязания. Так как женщины вообще нежнее и мягче мужчин, то нельзя не отнести этого явления к той причине, что преобладание женщин в то же время являлось преобладанием Иисусова поклонения над Богородичным: и это не они, а оно приводило к жестокости и мраку, как это случилось и в Византии. До какой степени это основательно, можно видеть из того, что в единичных видениях и снах, если являлась Богородица, то она утешала или радовала, она всегда была «всех скорбящих радость»; напротив, если являлся Иисус — то он угрожал или требовал себе жертвы. Теперь, если счесть эти видения призраками, «показавшимися», от бл. Иеронима до казанского юноши (см. выше статью «Случай в деревне», начало), то ведь показаться могло только ожидаемое, и возникло оно от чтения Евангелия, от углубления в него. Т. е. в Иисусе главное, что Он хочет от человека жертвы, жертвы страданием. «Голгофа» Христа — это одно, и это всего миг; но за нею пошла Голгофа человечества, «во имя Христа» — и она уже тянется тысячелетия. Крест, к которому пригвожден был Он, — это опять одно, и всего три дня; но он повлек за собой «крест человечества» — и опять этому насчитывается девятнадцать веков. В. Р-в.]

С Рождественского поста (с Филипповки) беспокойное настроение терновских скитников и хуторян значительно усилилось. Проводились нередко т1243; в той, т1243; в другой семье бессонные ночи в бесконечных причитаниях и самоустрашениях, и посылавшиеся к Виталии за разъяснениями женщины, подростки и дети, иногда сам Федор Ковалев и другие возвращались от нее с уверениями о скором пришествии антихриста[47 – Общие христианские ожидания, ничуть не местные. Конечно, Феофан Прокопович в это не верил, так как он был только лизоблюд. Но всякий посерьезнее христианин постоянно живет этими чувствами. В. Р-в.], об имеющих наступить войнах и о том, что признаком всех грядущих бед является совершившееся будто бы недавно снятие кровли с Иерусалимского храма. Вместе с тем говорилось, что народная перепись — это печать антихриста и что внесение человека в перепись равносильно наложению этой печати и вечной гибели человека. Тогда уже Виталия давала совет запоститься, не дожидаясь, чт1243; будет дальше[48 – Стоящего на краю пропасти — тянет в пропасть, хотя он и знает, что там — смерть. Ибо тоска ожидания часто непереносимее физической муки. Однажды в доме у меня был тяжелый больной, близкий и дорогой человек (сам меня не любивший). Ошибившись в признаках и в толковании уклончивых слов докторов, я заключил, что больной «вот в эту ночь задохнется». С вечера и в ночь, когда я ожидал, что это непременно случится, тоска моя дошла до такой непереносимости, что я начал желать, чтобы это скорее случилось, чтобы больной вот теперь умер, сейчас, в эти минуты, не протягивая на всю ночь. Но христиане, которые не могут же не верить мрачным предсказаниям Христа даже о «колебании стихий небесных», не могут не жить постоянно как бы на краю ужасного мирового обрыва — такой «пропасти», перед которою чт1243; расселины гор или решеточка на краю колокольни. «Все упадем туда! Непременно! Он сказал, в этом — Церковь, религия!» И многие, не вынося этого ужаса, бросаются вперед сами. Вот, собственно, простая разгадка терновских самозакапываний. То же чувство, как у меня тогда ночью, ужаснее которого я не помню. Но бедные наши «сектанты», а в сущности, просто пламенно верующие — они эту непереносимую муку ожидания носят годы: и дивно ли, что многие-многие уже прижизненно мешаются, сходят с ума, оставаясь наружно здоровыми (в том числе Гоголь, замученный страхом, как передают современники-друзья его). В. Р-в.]

В ноябре и в особенности в декабре большинство обитателей находилось в состоянии почти непрерывного страха и тяжелых мрачных ожиданий. Это мрачное состояние не освещалось никаким лучом надежды. Смерть, гибель казались неминуемыми. Такое гуртовое настроение, овладевшее всеми, делало жизнь тяжелой и предрасполагало к самоубийству.

Наиболее губительным оказывалось влияние Виталии на полувзрослых детей, в особенности на тринадцатилетнюю дочь Фомина, Прасковью. Эта девочка-подросток[49 – Опять проходит 1959;1973;1961;1945;1957; истическое веяние. В. Р-в.] была одной из самых близких лиц к Виталии, почти постоянно у нее бывала, служила посредницей между Виталией и хуторянами, и в этом смысле играла более существенную роль, чем большая часть взрослых. Влияние[50 – Значит, не просто «жила на побегушках», а влияла на людей такой каменной организации, таких громадных сил. Где не возьмет сильное, там возьмет милое. См. и у Достоевского — старец Зосима и «милый отрок» Алеша: верно подмеченная черта монастыря, монашества, где всегда ютится одно возле другого 60-летнее и 16-летнее. Ничего тут худого нет: но я настаиваю, что это 1959;1973;1961;1945;1957; изм в его ранней фазе, зародышесом состоянии, в каком и вообще он не имеет «ничего худого», сказываясь поэзией, нежностью, скрепляя людей, согревая и осчащливая их. Но это — земля, почва России или Эллады, и тут ни «любовь к ближнему», ни Христос не играют никакой роли. Между тем из монастырей, и именно из поэтической и лучшей их части, люди разбежались бы с ужасом, отвращением и скукою, отними из них этот 1959;1973;1961;1945;1957; изм. Так-то там, где не подпирают бревна, подпирает тонкая тростинка. Добавим и обратим внимание, что страх самим остаться без отроков и отроковиц был так велик у всех Святых (обычно старцев и стариц), что между ними не нашлось ни одного, кто дал бы этот простейший и ужасный по жестокости совет: во избежание «греха» разделить в разные монастыри старцев и отроков, устроить монастыри по возрастам, а не по одному полу. И до сих пор правительство церковное знает официально об «известном пороке», но оно не решается прибегнуть к этой легкой мере разделения. Таким образом, увы, — не столько «Небо греет землю», сколько «земля греет Небо», и только нужно постигнуть это глубоко и нежно, без пошлости и анекдота, постигнуть сердцем, в быту... вот как монахи постигают это в сокровениях сердца, в помышлениях умственных, чтобы сказать если и не «осанна!», то просто и житейски: «что же, холодно — будем греться около огонька, какой есть». Впрочем, моя собственная мысль простирается в более положительную сторону. В 1959;1973;1961;1945;1957; изме есть и анекдот, сало. Его я всемерно отрицаю и не имею на него взгляда иного, чем мир, гнушающийся этим. Но есть тут и тайна, глубокая, какую не начала даже разгадывать наука. На фундаменте 1959;1973;1961;1945;1957; изма вырастает такая глубина и чистота, «духовность» отношений и связи, кажется не всегда переходящей в физическую, или и перейдя — сохраняющей свою духовность и высший идеализм, что слово осуждения решительно бессилеет при виде конкретных примеров, и разорвать эти связи так же нельзя решиться, как резать живого человека или разъединить невинных жениха и невесту, «запретить любить» Ромео и Юлии. Отвлеченно и издали — осуждаем, а взглянув и вблизи — сочувствуем, как всему стягивающему людей в ком горячей и живой земли, питающей все доброе и ничего худого, родящей таланты и искусство, рождающей музыку и вдохновение, и, кто знает, даже не молитвы ли? По крайней мере, трое русских, положивших большой камень в движение Православия за вторую половину XIX века, авторитет коих в духовных литературе, в духовных сферах — непрерываем и отчасти народон (воспринят народом), — страдали этим недостатком или наслаждались этим счастьем, и все трое — по Апокалипсису — остались «не оскверненными женщинами» (врожденная аномалия пола). Аномалия эта потому только и осуждается, что неизвестны имена: откройся они — и все воскликнут: «Этих невозможно осудить!» Но, как это они считали в себе тайною — то и я не стану открывать имен их. Замечу только, что один из них есть великий деятель церковного пения, другой всю жизнь собирал мельчайшие подробности о жизни святых и вообще подвижников церкви, третий был гениальным защитником византийских церковных начал, устоев, духа. Все трое выше всего ставили монастырь и неудержимо влеклись к нему. Все трое были страстными уранистами, у двух (††) с переходом в физические связи. Имена эти всей России известны,

всегда чтимы. В. Р-в.] этой девочкой отражалось и на Аноше Ковалевой. И вот однажды, раньше, чем кто-нибудь другой, девочка Фомина произнесла слова: «Там (т. е. в остроге) будут резать, мучить, лучше в яму закопаться». В ответ на это ее мать Домна патетически сказала: «Хорошо ты, Пашенька, вздумала — и я с тобой!»[51 – Ужасно! Просто дрожит сердце! «Доченька, иди в могилу живо: и я — с тобою». Какая нежность, какая печаль, и кто ужасный мог навести на человека эту печаль! Безжалостный, безжалостный! В. Р-в.]. Затем о закапывании стала говорить Аноша, против чего Федор Ковалев первоначально сильно возражал и говорил жене, что не позволит этого. Наконец, около этого времени уже и сама старуха Ковалева находилась под неотразимым влиянием Виталии. Это видно из того, что, когда Ковалев, как сам о том рассказывал, первоначально возражал своей жене, протестуя против закапывания, и даже пожаловался на жену самой Виталии, а матери решительно сказал: «Лучше острог, чем яма», то его мать, после совещаний с Виталией, сказала ему: «Надо идти в яму, иди, сыночек: в тюрьме тебя станут резать, мучить, и ты откажешься от веры»[52 – Вот главный мотив: «откажемся от веры». В устах этих людей как бы живые стоят стоны Апокалипсиса и Иисуса о том, чт1243; «будет со всяким, кто откажется от веры в Иисуса». В. Р-в.].

Народная перепись явилась тем внешним событием[53 – Во внутреннем значении — совершенно ничтожным. Это батюшки закивали: «Все — перепись! Мы — при чем же?» Между тем «мы» и были настоящею и единственною причиною, как выражается ниже проф. Сикорский, «самосожжений», «самоутоплений» и вообще «самоистреблений» и «в XVII», и «в XVIII», и в XIX веках. Ваши черные книги, какие вы сунули народу в руки, и ад, а не рай, вами проповедуемый, — все это и повело к болезни страха, к печальному заболеванию отчаянием, высшим религиозным отчаянием, мировым, от которого и погубили эти люди, чистейшие, нежнейшие из людей. В. Р-в.], тем подходящим предлогом, к которому стало приурочиваться существовавшее уже раньше душевное волнение. В это время выступили на сцену и ярко сказались исторические переживания. В терновских событиях нашего времени мы видим много общего с самосожжениями, самоутоплениями и самоистреблениями, которые с особенной силой проявились в конце XVII и в XVIII веке в нашем отечестве, которые не скоро исчезли вполне и даже проявились в 1862 году. Терновские события составляют лишь одно из последних звеньев в этом своеобразном явлении, свойственном русскому народу.

Когда в декабре прошлого года счетчики народной переписи постучались в дверь терновского скита, то высунувшаяся рука передала им записку, которая носит яркий архаический характер и отличается всеми признаками исторического переживания. «Мы христиане, — говорилось в записке. — Нам нельзя никакого нового дела принимать, и мы не согласны по-новому записывать наше имя и отечество. Нам Христос есть за всех и отечество и имя. А ваш новый устав и метрика отчуждают от истинной христианской веры и приводят в самоотвержение отечества, а наше отечество — Христос. Нам Господь глаголет во святом Евангелии своем: Рече Господь своим учеником: — «всяк убо иже исповестъ Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех, а иже отвержется Мне пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех»[54 – Угроза, страшнее которой действительно и представить нельзя. А ведь они были верующие, верующие! Несчастные! Ну и что же, «вера ваша спасла вас»? Пришел «Утешитель, Дух истины»? Никто не пришел. Уползли вы, бедные, в могилу, и умерли, с какою верою умерли! Эта смерть, может быть, есть самое ужасное и самое значительное событие XIX в., куда важнее Наполеоновских войн! Как смерть Сократа была потрясающее, многозначительнее Пелопоннесской войны, многоценнее и многопоследственнее ее — так и смерть этих терновских бедняков куда обильнее смыслом всей дипломатики XIX века, воплощенной пошлости. Такой народ, со способностью такого восприятия, такого слышания, — если этот святой народ услышит с Неба ли, от человека ли настоящее живоносное слово, он повернет около себя весь мир, всю мировую историю, как около оси вертится земля. Но где такое слово? Увы, эта печальная смерть непререкаемо убеждает, что «Слово», принесенное ему, которое он счел за «Слово Жизни», — на самом деле есть, было и будет «Словом Смерти»! Вот это-то доказательство, если б мы были к нему внимательны, и уравнивает смысл смерти тридцати терновских Сократов со смертью афинского мудреца. В. Р-в.]. Посему отвечаем мы сам вкратце и окончательно, что мы от истинного Господа нашего Иисуса Христа отвержения не хотим, и от Православной веры, и от Святой Соборной и Апостольской Церкви отступить не желаем, и чт1243; Святые Отцы святыми соборами приняли, — т1243; и мы принимаем, а чт1243; Святые Отцы и Апостолы проклинали и отринули, т1243; и мы проклинаяем и отрекаем. А вашим новым законам повиноваться никогда не можем, но желаем паче за Христа умереть».

Почти такого же содержания грамота и точно так же была подана в оконце раскольниками, которые сожгли в 1736 году. То же читаем в письме, поданном сгоревшими раскольниками в 1723 году[55 – А что же батюшки? Прочитали ли хоть? Непостижимо, что делается в головах и сердце нашего духовенства. Это какая-то шестая раса, неслыханная. В. Р-в.]; наконец, те же чувства находим в основании единичных самоубийственных решений.

Наибольший психологический интерес представляют время и события, непосредственно предшествовавшие роковым решениям терновских сектантов. По рассказам Ковалева, Виталия и Поля Младшая давали совет «запоститься». Мысль же о закапывании в яму возникла, по его словам, впервые у его жены Анны, которую называли Аношей[56 – Какие нежные названия! До чего из всех свидетельств видно, как нежны и деликатны были эти кротчайшие из людей. В. Р-в.]. Дело происходило таким образом. Всего за несколько дней до рокового дня 23-го декабря, во время беспокойной ночи, проведенной в избе Фомина, обсуждался вопрос о возможной судьбе детей в случае ожидавшегося заключения взрослых в остроги. Так как предполагалось «запоститься в остроге», то некоторые выразили мысль, что, по смерти взрослых, дети будут крещены по-православному. При этой вести Аноша, державшая на руках ребенка, крепко прижала его и произнесла слова: «Не отдам ребенка на погибель; лучше пойду с ним в могилу»[57 – Какое чувство! Какие слова! Решительно, что-то еще не слыханное в истории. Какая любовь к своему ребенку и живое чувство, что вот «Антихрист — там, Христос — здесь». В. Р-в.]. Об этих словах было немедленно доведено до сведения Виталии девочкой Фоминой (дочерью Назара Фомина), а впоследствии самим Ковалевым. Ковалев рассказывает, что Виталия, услышав про слова Аноши, вопреки его ожиданию — не только не выразила его жене порицания, но сказала: «Это она хорошо придумала, это — пророчество. Добро, что она это нагадала, ей первой будет спасение». И тут же Виталия строго сказала Ковалеву, что если он не согласится на аннушкино решение, то на него упадет грех за три души (Ковалев понимал: за душу жены и двух детей). Эти слова сильно действовали на Федора Ковалева, но еще более действовали подобные же слова матери, с которой, как видно, Виталия немедленно переговорила. После этого колебания у Федора исчезли, и он пристал к решению жены. С этого времени мысль о могиле или, как выражается Ковалев, «о яме»[58 – «Яма», вм. «могила», как-то еще страшнее. Свое слово, — выдавившееся при живом личном представлении своей будущей судьбы. И все у них «свое», у этих людей, — новое и оригинальное. Никаких повторений и ничего «с чужого голоса»; хотя все и течет параллельно и к тому же концу со старыми самосожигателями и самоутоплениками, под давлением тех же одних причин. В. Р-в.] овладела всеми. «В яму» — было всеобщим решением, в особенности в среде женщин. С этим временем, по словам Ковалева, совпадает необыкновенно напряженная и спешная деятельность Виталии. Она всех торопила, говоря: «Скорей, скорей», и стала принимать во всем не только распорядительное,

исполнительное участие, приговаривая погребальные принадлежности принадлежностями, приглашала к себе детей и женщин. Из рассказов старика Я. Я. рисуется внутренняя сторона событий, и выясняется, что события не были неожиданными, что исходным пунктом всех решений были обительницы скита, в особенности Поля Младшая и Виталия. Они подготовляли события и, по всей вероятности, подсказали и самые решения чрез посредство женщин и детей-подростков; одно из этих решений, в минуту возбуждения, было высказано Аношей среди большого общества. В таком именно смысле рисуется дело по тем данным, которые нам удалось получить из беседы со стариком Я. Я.

Некоторые восставали против мысли о закапывании, усматривая в этом замаскированное[59 – Да вовсе и не «замаскированное», а прямо и просто — самоубийство, как в самосожжениях, самоутоплениях. Тут важно, что эти послушные люди боятся нарушить очевиднейшую волю Божию, данную в факте: Бог дал жизнь (общая вера народа), человек рождается, чтобы жить. Но буря наклона к самоубийству так велика, что сметает эту аксиому самоощущения, и послушные люди только цепляются за форму, за подробности самоубийства: «Все же не сам и не своею рукою я зарезу себя, я удавлю себя, сожгу себя». Сожжет «огонь», утопит «вода», задавит «земля»... И нет мысли, что ведь и эти стихии должны быть безгрешны, что нельзя делать убийцами воду, огонь и землю, данные человеку на потребу. Но стихии уже мертвы в христианстве и бесчестны, вслед за «погаными» животными, которых Иисус выгнал из Храма под предлогом отвращения к сребролюбию торговцев. В. Р-в.] самоубийство: многие прямо говорили: «Это все равно, как наложить на себя руки»... «Как бы от одного греха уйти, да не попасть в другой». Для решения этих недоумений, по замечанию старика Я. Я., читали много старых книг[60 – Вот! Люди все «по книгам» делают, ничего по собственному побуждению. И корень, очевидно, и скрыт в этих «старых книгах» в кожаных переплетках с медными застежками, которыми Церковь пропитала дитя-народ. Корень — в Церкви, ее духе и учении, в ее идеалах. Есть социализм теоретический и есть социализм практический. Теоретиками были графы и белоручки, практиками — рабочие, умиравшие на баррикадах. В терновских плавнях простецы-труженики «творили волю пославшего их». В. Р-в.], и «великие были споры». В обсуждениях, которые велись в ските и вне его, Виталия стала принимать чрезвычайно живое участие, и ею была высказана мысль, что «все, что делается для Бога, — не грех»[61 – Мысль, очень распространившаяся и укрепившаяся в народе, которую следовало бы давно ограничить и оговорить в церковных «катехизисах». Тогда почему «для Бога» не роскошествовать, не объедаться? Почему «для Бога» пост, а не 4-е блюдо в обеде? Корень дела, очевидно, заключается в том, что «Бог» вдолблен народу в голову (духовенством) как вечно «уменьшающий порцию», «недодающий порцию», как «Бог скорбей», а не «Бог щедрот». В этой-то аксиоме народной и все дело: что Церковь открыла Бога народу как скупого, сокращающего и недодающего. Совершенно обратное «Богу щедрот», «Сотворившему мир». В. Р-в.], и она вместе с Полей нашла в книгах будто бы подтверждение правильности такого мнения. После этого — наложить на себя руки для многих уже не казалось делом греховным. Таким образом, мысль о закапывании вышла, несомненно, из скита; и после борьбы и противодействия возымела, наконец, власть над умами обитателей хуторов. По-видимому, патетические слова Аноши были лишь случайным эпизодом в подготовленном Виталией плане. Но эти слова показали Виталии, что наступил час перейти от слов к делу. С этого именно момента и начинается та торопливая деятельность Виталии, о которой говорит Ковалев. Виталия, видимо, боялась упустить психологический момент и торопилась дать возможно быстрый ход делу. Она коварным образом приглашает к себе родную сестру свою Елизавету Денисову, из Николаева, под тем предлогом, что якобы она (Виталия) тяжко больна и желает проститься с сестрой. Отъезд Денисовой в терновские хутора был совершенно неожиданным для ее мужа, и для ее детей, и для родных. Как видно из рассказов Федора Ковалева, Виталия с приездом Денисовой быстро и решительно повела свое убийственное дело[62 – Тут о «коварстве» вызова и речи быть не может. Все — обреченные, обреченные ужасною логикой, ужасным духом «спасения». «Как я не спасу и любимую сестрицу?»... Если удержать термин «коварство», то ведь придется сказать и фразу, что «Виталия сама коварно закопалась в землю». В. Р-в.]. Она вышла из своего скрытого состояния, всех заторопила — и общими усилиями у Денисовой, по-видимому совершенно не подготовленной, исторгнуто было согласие на закапывание вместе с другими, так что уже на следующий день по приезде Денисовой в хутора произошло закапывание. Сам Ковалев удивляется быстроте, с которой Денисова согласилась на закапывание[63 – Очевидно, страшная сила убеждения, прозелитизма у Виталии — всегда плод самоубеждения. В. Р-в.]. Очевидно, что настроение в хуторах до такой степени было сильно, что Денисова сразу подчинилась общему решению[64 – Вихрь! Вихрь толпы, зараженной, безумной, испуганной! — «Кинусь вниз со святой колоколенки», ибо «колокольня»-то шаталась и в самом зерне своем содержала веру, что даже «стихии мировые поколеблются» (см. у ап. Луки, выше). В. Р-в.]. Таким образом, едва ли можно сомневаться в том, что Виталия звала к себе сестру с готовым намерением закопать ее вместе с другими. Не остается также сомнения и в том, что поспешный вызов Денисовой сделан был Виталией в тот именно момент, когда колебания хуторян были сломлены и когда уже две семьи — семья Фоминых и семья Федора Ковалева — изъявили согласие закопаться в яме. Ковалев настолько любил детей и свою Аношу, что уже не колебался идти с ними в общую могилу, побуждаемый к тому и женой и собственной матерью[65 – Прямо — ужасы, — неслыханные в истории! Говорят о Нероне, что он «зажигал свои светочи». Жалуются: «как он нас обижал», «как мучил», «как был жесток к христианам». Между тем не оправдывается ли Нерон и вся кровавая борьба, поднятая язычеством против христианства, из таких вот событий, какое случилось в терновских плавнях и которому подобных было множество. В. Р-в.]. По-видимому, Денисова должна была послужить лептой или жертвенной данью со стороны Виталии на этом алтаре сочиненного ею безумного замысла. Таким же жертвенным приношением со стороны Поля Младшего явился ее отец. И Виталия и Поля для успеха дела[66 – Одна принесит в жертву отца, другая сестру! Молох! Молох! Молох скопчества, Молох монашества! А началось все такою малостью, как «ограничим себя в питье и пище, ибо это угодно Богу», «ограничим себя одною женою, ибо это угодно Богу», и вообще «ограничим», ибо явился Бог ограничений и малостей, Бог нисходящих уменьшений. Чего же меньше могилы: туда и кинулись напоследок. В. Р-в.] нашли необходимым дать каждая от себя по человеческой жертве. И в самом деле, из рассказа Федора Ковалева видно, что Виталия, решившаяся вызвать к себе сестру, с приездом ее сразу направила дело к исполнению и проявила в это время необычайную настойчивость и быстроту, которая удивила самого Ковалева. Она не щадила красок и сильных слов и не останавливалась ни перед какими средствами: она говорила, что и «антихрист пришел», что «конец мира наступит не то что через год-два, а может быть через два-три дня», что «тот, кто не захочет закопаться, делает пустой расчет на каких-нибудь два-три лишних дня жизни». Виталия приводила своими речами всех в совершенное отчаяние. По словам Ковалева, Виталия останавливалась на подробностях предстоящей страшной смерти, она не скрывала ее ужасов и говорила, что закопавшиеся «проживут от одного до трех дней, не более, но затем непосредственно перейдут в чертоги небесные»[67 – Очевидно, слова проф. Сикорского: «для успеха дела» — совсем не идут сюда. И Поля Младшая отца своего, и Виталия сестру «жалели и — спасали». О хитрости и расчете здесь не может быть и речи, ибо в том же расчете она не стала бы раскрашивать ужасов смерти. Весь секрет всего события заключается в этом: «непосредственно перейдут в чертоги небесные». Но это была ее и их личная вера. В. Р-в.]. «Два-три дня мук, — говорила она, — ничто в сравнении с муками вечными»[68 – Вот!!! В. Р-в.]. «Подумай, — поясняла она каждому, — можешь ли ты пересчитать дождевые капли; сколько капель в дожде, столько лет муки в аду; лучше два-три дня в яме, и — небесное царствие»[69 – Нужно ли говорить, что это не «Виталии слова», а постоянное и ежедневное, будничное и праздничное учение всего Православия. Это в каждой церковной книге, на всякой странице Евангелия. «Будете гореть в огне неугасимом» или «получите

Ночь на 23 декабря проведена была намеченными жертвами в доме Назара Фомина. Сверх того, здесь была Виталия, Поля Младшая и монашка Таисия, известная под именем Таисии Рассейской, и слабоумный брат Ковалева, Дмитрий. В расстоянии нескольких аршин от дома, вдоль боковой стены его, идет тот погреб, который в эту ночь должен был сделаться человеческой могилой. С 7 или 8 часов вечера изба Фомина уже была наполнена людьми. Собравшиеся после церковной службы [70 – Как-то в городе Аренсбурге (на о-ве Эзеле) я шел к вечеру мимо русской церкви. Церковь небольшая, низенькая, умильная, как и все наши. Вижу через окна пучки горящих свечей и слышу, несется пение. Красиво. Остановился и слушаю. Пение грустное и робкое, такое приятное. Я вошел, ожидая, что это — погребение. Народу очень много. Свеч много. Тихо, задумчиво все, прекрасно. Догадался, что всенощная; и как было среди недели, то шепотом спрашиваю: «Какой завтра праздник?» — «Преображение», — ответили мне. Преображение! Торжество Спасителя и христианства, а Православие и этот праздник не умеет встретить иначе, как предмогильными, грустящими, щемящими душу напевами. Могила везде, везде в Православии! Иначе как «погребать мертвых» Православие и не умеет ничего делать. То, что в других христианских исповеданиях, хотя тоже грустных, все же не дошли до наших самоутапливаний и самозакапываний, не дошли до самоожжений, объясняется тем, что христианская грусть взята Православием в ее высшей ноте. В. Р-в.], пений, сопровождавшихся слезами, и взаимного прощания спустились в погреб и здесь общими усилиями началось приготовление могилы. Фомин, при участии Федора Ковалева и Кравцова, пробил отверстие в задней стене погреба, и затем все они трое с поспешностью начали рыть мину. Несколько часов длилась работа, и, наконец, была готова небольшая комнатка (мина) таких размеров, что человек вдоль и поперек ее мог свободно поместиться в лежачем положении; мина была пяти аршин длины, столько же ширины и более двух аршин высоты в средней части, — так как была сводообразной формы, и в средней части ее человек мог стоять, почти не сгибаясь. Раньше, чем была окончательно готова импровизированная могила, из дома Фоминых некоторые из оставшихся там спустились в погреб, и здесь почти все, не исключая и Виталии, принимали участие в приготовлении могилы — кто рыл, кто убирал землю. Все были в большом волнении, и всех торопила Виталия. Перед роковым моментом все жертвы оделись в смертное платье. После общей похоронной службы [71 – Змея тянет птичку... Птичка могла бы улететь: не связана, никто ее не держит. Но не улетает и сама летит в раскрытую пасть змеи, зная, что умрет там. То же явление здесь. Смерть, гроб со страшною силой тянет православных: и хотя они знают, что лягут в него и умрут, но он имеет какое-то такое очарование, что они уже не могут остановиться. А «православная церковь» во всех подробностях своих ритуалов, поэзии, смысла, доктрин, внушений есть «обстановка» этого магического процесса: как «белые фартуки», вымытые руки, прокипяченная вата и пр. и пр. есть «обстановка» и «предварение» операции. В. Р-в.], спетой всеми, первую вошла в приготовленную могилу Анюша с двумя детьми (мой курсив). Вопреки сведениям, сообщенным в газетах, что первым вошел Фомин, мы, со слов Ковалева, исправляем эту неточность: первой вошла именно Анюша, как вообще в этом беспримерном по своим ужасам событии женщины были впереди и направляли дело (мой курсив). Когда вошли все участники и готовился последним войти Федор Ковалев, уже в числе первых твердо решившийся умереть, то тут неожиданно возникло некоторое недоумение. Фомин, который должен был заложить мину свнутри, поколебался, боясь, как бы это действие не было равносильно наложению на себя рук [72 – Все боятся нарушить букву: до того покорны! Любовно покорны такому ужасу! О, что наружная, невольная «покорность», выработанная у католиков, сравнительно с этою нашей. Заметим, что этот Фомин, так деятельный в работе — первый и последний в ней, — сам закапывается с женою и 13-летней дочерью. В. Р-в.]: он усиленно, со слезами стал умолять Ковалева не входить в мину и заложить ее снаружи. Так как обстоятельство это вызвало неожиданную задержку, то Виталия дала распоряжение, чтобы Ковалев остался снаружи и закладывал мину. Таким образом, в мину вошли девять человек: Назар Фомин, лет 45, с женой Домной, 40 лет, и тринадцатилетней дочерью Прасковьей, — Евсей Кравцов, 18 лет, работник в доме Фомина, — Анюша Ковалева, 22 лет, с двумя дочерьми, 3 лет и грудной, — Елизавета Денисова, 35 лет, родная сестра Виталии, старик Скачков, лет около 70, отец Поли Младшей. Закрытие отверстия происходило быстро и с особенной торопливостью. Виталия, как простой рабочий, разбрасывала и утаптывала землю [73 – Как вихрь несет всех! Падение птички в пасть змеи наиболее быстро, когда она уже подлетела к ней. «Слишком страшно! Разом!!!» Несчастные. В. Р-в.] на дне погреба (мой курсив) с целью скрыть следы совершившегося. Отверстие заложено было камнем на глине, и, по словам Ковалева, с некоторыми усилиями его можно было бы раскрыть. Но для большей верности дела мина была заложена двойной стенкой: именно, внутри выведена была Фоминым вторая стенка, так что кладка Ковалева и кладка Фомина прилегали одна к другой. Фомин и Ковалев работали одновременно.

Как только заложен был Ковалевым последний камень, он вместе с Виталией, Полей Младшей и монашкой (мой курсив) Таисией быстро вышли из погреба, заперли его на замок и поспешно, почти бегом, удалились. Два или три дня Ковалев и не приближался к этому месту [74 – Крайний испуг... «Удав проглотил птичку: и мы не следим за движениями его желудка». В. Р-в.]. Теперь переходим к судьбе закопанных.

Слезы, молитвы, взаимные прощания и экстаз, в котором находились в последнюю ночь все решившиеся «закопаться в яме», были так велики, а торопливость, с которой шло все дело, была так необычна, что эти условия исключали для людей всякую возможность хотя бы на минуту остановиться и подумать о страшном будущем, которое скоро должно было для них наступить [75 – Поступали, как глухие и слепые, оглушенные и ослепленные какой-то мыслью. «Удав близок»... Все равно, ведь он всю жизнь тянул их, ноженьки — всех их «не держали», все скользили в бездну, как весь «раскол», все старообрядчество, «старая», крепкая, неподновленная вера. И вот дошли до удава, до которого немногие доходили. В. Р-в.]. Кроме Анюши Ковалевой и ее двух девочек — грудной и трехлетней, — в могилу вошли Назар Фомин с женой и тринадцатилетней дочерью Прасковьей, работник Фомина Кравцов, сестра Виталии Елизавета Денисова и старик Скачков, отец Поли Младшей. Все они вошли в яму с горящими свечами, книгами [76 – Вот! В книгах-то вся и разгадка! И неужели духовенство после этой ужасной смерти не почувствовало долг совести доказать, что у него нет «книг», которые незаметно и исподволь, не называя вещи своим именем, подвели этих людей к такой судьбе?! Неужели оно решится отрицать или скрывать, что действительно во всех книгах, какие оно дало народу, не содержится ни одного слова, где было бы сказано, что «жизнь хороша сама по себе и что ее нужно удерживать», ею дорожить просто потому, что она есть и как есть; — что «радость человеческая хороша и достойна», «счастье достойно же и к нему надо стремиться»... Ни одного такого слова в целой библиотеке! Вот где удав. В. Р-в.], иконами [77 – Вот! Все это постные, худые, изможденные, пугающие, грозящие лики (см. снимки из Спасо-Нередицкой церкви). В. Р-в.]; кроме того, они захватили с собой мужской тулуп, чтобы было на чем положить детей [78 – Удивительно! Какая нежность, забота, чтобы не причинить даже неудобства ребенку, которого заживо укладывают в могилу. В. Р-в.], и корыто, чтобы укачивать в нем грудного ребенка [79 – Удивительно! Трогательно, наивно. Сущие доверчивые дети... В. Р-в.] Ковалевой. Замуровавшиеся сидели со свечами и, вероятно, умерли раньше, чем погас последний огонь, судя по тому, что при открытии ямы в апреле найдено было, что крышка столика, на котором стояла свечка, оказалась значительно обгоревшей, — что могло случиться в ту пору, когда заключенные в могиле были мертвы или находились в агонии. Горение свечи в замкнутом пространстве могло еще продолжаться и в то время, когда человеческая жизнь уже была невозможна.

Сколько времени могли прожить оставленные всеми несчастные? Что они испытывали? Как умирали?

Грудной ребенок Анюши найден был у ее обнаженной груди, другая дочь ее была рядом. Три трупа взрослых мужчин найдены лежащими посредине пещеры. Старик — отец Поли — лежал головой в небольшом, вероятно им самим вырытом, углублении. Все эти трупы обращены были лицом вверх и были обсыпаны сверху и отчасти обложены землей. По мнению некоторых лиц, с которыми мы беседовали, земля положена была на головы и грудь этих трупов пережившими их товарищами по могиле. Мы думаем об этом иначе и выскажем наше мнение дальше. Труп Анюши, труп Денисовой, труп девицы Фоминой находились у самого заложеного отверстия. Очевидно, что в тяжкую минуту смерти эти более молодые субъекты теснились здесь, у свежезаделанного отверстия — у этого места, чрез которое они вошли и с которым могла связываться еще какая-нибудь, хотя малейшая, надежда на спасение. Судя по положению трупов, несчастные стояли здесь, пока их не оставили силы, и затем падали в беспорядке друг на друга и умирали. Субъекты постарше — мужчины и старик — очевидно, уже раньше оставили всякую надежду и ложились умирать, не подходя к отверстию. Они, как сказано выше, найдены лежащими в середине мины.

Едва ли нужно говорить о том, что смерть всех была ужасной. Можно сказать почти с уверенностью, что те, кто был постарше, умирали раньше, более молодые — после. Группа с Анюшей, найденная вблизи заложеного отверстия, вероятно, пережила других и, в ужасе близкой смерти, при виде умирающих и уже умерших, не отходила от отверстия, ожидая спасения и, быть может, тщетно призывая тех, кто уже был далеко.

Входившие в могилу, по-видимому, менее всего думали об ужасах медленной смерти от задушения; пока закладывали отверстие мины, они пели религиозные песни (мой курсив), но, когда Ковалев и другие ушли из погребя, — что было с заключенными в роковой яме — о том можно судить по тому положению, в котором найдены трупы три месяца спустя.

Одной из самых страшных перспектив, которую рисует себе человеческое воображение, это — смерть в замкнутом пространстве, и средневековые рассказы о людях, замурованных в нишах зданий, принадлежат к наиболее ужасным. В этих рассказах приводятся различные подробности и, между прочим, тот факт, что у заживо погребенных найдено было впоследствии разорванное платье, изгрызенные руки и т. под. Нам не нужно останавливаться на опровержении этих баснословных рассказов. Не так происходит смерть в подобных условиях, и не в таком положении найдены трупы несчастных, обречших себя на вольную смерть. Ни малейшей царапины не было найдено на трупах и никакого иного повреждения. Заключенные, по недостатку воздуха, мало-помалу задыхались и, тяжело страдая, постепенно теряли силы. Жажда свежести и холода была, без сомнения, нестерпимой, и, вероятно, под влиянием ее несчастные страдалицы клали себе холодную землю на грудь и на лицо^[80] — Медицинское объяснение. Вероятнее, что они сделали это для уподобления могиле (земляной обклад): «идем в Царство Небесное», «идем к смерти», «идем к гробу», «идем в землю». Они помнили Божье: «Ты еси земля и в землю отыдеши», и исполнили текст в подробности, в букве, как и всегда. В. Р-в.], чтобы хотя несколько освежить себя и облегчить свои муки. Этой же жаждой было вызвано и то, что старик Скачков, отец Поли, вырыл себе небольшое углубление в боковой стенке ямы и на свежую, холодную землю этого углубления, умирая, положил свою голову.

Как долго могла продолжаться агония? Это было обусловлено размерами пространства, в котором находились девять человек. По приблизительному расчету кубической вместимости ямы местные врачи выразили мнение, что смерть наступила в промежуток времени от полутора часа до восьми часов.

Не лишена интереса та подробность, что положение трупов было самое беспорядочное, какое можно себе представить, — в самых разнообразных позах: одни лежали на других, скорченные, согнувшиеся^[81] — Царство ужасов! Царь ужасов! Я думаю, последнее метафизическое объяснение этого события лежит, так сказать, за границами земли и планеты. Подобно тому, как Творец мира как бы играл воображением, создавая животных: «вот и желтенькая канарейка», и «серебристый фазан», и «зеленый какаду», и «голубой павлин, с пятнистым глазастым хвостом», нос птиц — и так и этак, толстый, длинный, крючком, прямо, — животные ползут, стелются (по земле), скачут, бегают, летают и, словом, все взял творческою мыслью в радости, разнообразии картин, радуясь радостью других, радуясь радостью грядущей: так великий противник Творца, такой же огромный, но черный, брызнул в лицо сотворенного мира меланхолией, грустью, печалью, отчаянием, скорбью, болью, болезнью, уродством, ужасом. Попытки инквизиции, рак, каменная болезнь, подагра — все им дано. Но вот его черное воображение, ненасытное человеческим страданием, поднялось еще несказанно высоко, и произошла вся эта история в Терновских плавнях. В. Р-в.]. Все указывает, что смерть была тяжкая и что несчастные в агонии метались, ползали, двигали членами, пока в них не прекратилась жизнь.

•
○ *

Четыре дня спустя, именно в ночь на 27-е декабря, произошел новый ряд вольных смертей и смертоубийств. Внешняя сторона события состояла в следующем. Верстах в полутора от усадьбы Ковалевых и Фоминых находится усадьба Суховых. Здесь была сделана года два тому назад выемка земли под постройку дома. И вот эта выемка послужила местом для новой общей могилы. В одном из углов выемки начата была и выведена в горизонтальном направлении длинная, наподобие бутылки, мина. Рыли мину — Сухов и Павлов. Они работали несколько часов ночью, и когда Ковалев с Виталией прибыли на это место — яма почти была готова. В эту яму готовились войти Сухов, его жена, их дочь Татьяна 7-ми лет и сын Максим 4-х лет и Павлов с двухлетней дочерью^[82] — Просто невероятно читать: до того ужасно! Целая цветущая семья, с молоденькими веточками, с почечками. То-то сбылось Писание: «Он ветки подломленной не сломит, и льна курящегося не погасит»... Что же христианские «изъяснители книг Ветхого Завета» пишут, что «егда Израиль уклонялся в язычество, то там... родители приносили в жертву Молоху детей своих». Да в религии «льна курящегося не загашенного» совершены были такие ужасы, перед которыми все эти финикийские и мексиканские человеческие жертвоприношения являются игрушечками. В. Р-в.] Александрой. Старушка мать Сухова, Виталия и Федор Ковалев все время присутствовали^[83] — Какие ужасы! Мать присутствует при закапывании сына и внуки! Какова подготовительная психология, какой ужас в этих «молитвах, с которыми» и т. д. совершались все эти ужасы. Черная месса. В. Р-в.], пока заканчивалось рытье ямы. Виталия деятельно помогала, разбрасывая и утаптывая вынутую землю для сокрытия всяких следов. Как и при первом закапывании, готовившиеся войти в могилу простились с оставшимися и друг с другом, надели смертное платье и, напустуемые Виталией, поодиночке проникли в яму. После повторного опроса Ковалева — готовы ли они

— умереть или, может быть, кто-либо выйдет из ямы — они твердо отвечали, что желают умереть. После этого Ковалев заложил вход и вместе с Виталией быстро направился в ковалевскую усадьбу, в скит. Это случилось далеко за полночь, вероятно, около двух или трех часов пополуночи, а начато было приготовление мины, как только стемнело и наступила ночь.

Что касается подробностей закапывания, личных свойств закопавшихся и психологической подкладки события, то нам удалось собрать следующие данные.

Яма, как уже было сказано, имела приблизительно форму длинногорлой бутылки, шейка которой имела два сужения и расширение между ними. Федор Ковалев, входивший в мину, где он простился с Суховыми и Павловыми, следующим образом описывает устройство мины. Вход был сравнительно узок, и через него можно пройти только ползком. Проползши аршина два по узкому каналу, вступали в расширение, в котором можно было свободно сидеть, не нагибая головы; расширение это Ковалев называл сенцами. Из сенец вел дальше узкий и тесный ход в следующее — последнее, уже довольно просторное помещение, имевшее вид земляного погреба и настолько невысокое, что в нем можно было стоять, только наклонивши голову. Ковалев, входивший в это помещение в морозную ночь, рассказывает, что дышать было свободно, но отдавало сыростью. Когда он вышел наружу, то, как сказано было, после двойного опроса могильных узников он стал закладывать мину. Пока он закладывал мину, он слышал, как там молились[84 — Кому молились — Тот и закопал: ведь закапывание — «по молитве», «во славу Божию», «по слову Божию»... Очевидно!!! Люди тут совершенно ни при чем, только жертвы, и, напр., этот закапывавший Ковалев не меньше жертва, чем его жена и дети, которых он закопал. Неужели это надо доказывать? В. Р-в.] и разговаривали. По-видимому, у Виталии или у кого-нибудь из других лиц существовали сомнения насчет прочности замуровки первой мины; поэтому для заделки этой мины были сделаны особые, исключительные приготовления, вполне обеспечивавшие заделку и исключавшие всякую возможность выхода. Быть может, это — плод предусмотрительности и решимости несчастных второй группы; но вероятнее, что это было делом Виталии, как мы заключаем о том из некоторых психологических соображений. В описанных сенцах мины Ковалев нашел большой, тяжелый камень и массу мелкого камня и свежей глины. С немалым трудом Ковалев, по указанию Виталии, вдвинул большой камень во второе горлышко мины; после чего оставалась незначительная работа — положить остальные камни. Заваливши камнями плотно отверстие, Ковалев, еще раз опросивши заключенных, стал забивать промежутки между камнями сырой глиной. Делал он это, как говорит, с той целью, чтобы дух не выходил оттуда и чтобы впоследствии по запаху никто не мог узнать, что здесь погребены люди. Затем заложены были сенцы и, наконец, заложены были землей и утрамбованы наружная шейка мины и наружное выходное отверстие. Рассказавши изложенные сейчас подробности, Ковалев заметил, что из первой мины (в усадьбе Фомина) возможно было бы высвободиться, если бы того пожелали заключенные, но из этой мины выход был невозможен.

Смерть лиц, заключенных в эту мину, была одной из самых мучительных. После заделки отверстия мины жизнь заключенных могла продолжаться от 1—3 часов. В первой мине (в усадьбе Фомина) кирпичная стенка погреба, составлявшая вместе с тем одну из стен мины, еще допускала некоторую возможность вентиляции чрез свои поры: здесь входное отверстие было не только заложено, но и законопачено глиной, и всякий обмен газов был невозможен — в силу этого явления задушения должны были наступить быстрее и резче. Картина, которую представляли открытые трупы, была наиболее поразительной и ужасной в сравнении со всеми другими смертями этого рода в терновских хуторах. Описания врачей и других очевидцев, с которыми мы по этому предмету беседовали, полны потрясающих подробностей. Все трупы этой ямы составляли одну общую кучу, в которой человеческие тела были сплетены самым беспорядочным образом, согнутые, скорченные, одни на других[85 — Царство ужасов. В. Р-в.].

Труп Сухова найден в полусидячей позе, с расставленными ногами и наклоненной головой и туловищем; у ног его лежал труп его жены, головой к нему, а трупы детей лежали на трупе матери, прислонившись к отцу. Очевидно, что среди быстро наступившего задушения могильные узники беспомощно ползали и метались, и жались к родителям, ища помощи в тяжких муках. Ни в этой могиле, ни в первой мине не найдено было ни одного трупа со спокойной позой, какая обыкновенно свойственна людям, умирающим от болезней естественной смертью. Напротив, все трупы до единого были в таких позах, которые свидетельствуют о предсмертных мучениях и судорогах, — что и естественно при насильственной смерти совершенно здоровых людей.

Все трупы этой мины, как и трупы, найденные в первой мине, одеты были в манатейках и кожаных поясах с четками в руках[86 — Монашеский мундир. Неужели апологеты еще будут говорить, что они «сами закопались», «сами виноваты»? В. Р-в.]. Сверх того на мужчинах были круглые шапки, а на женщинах так называемые апостольники[87 — Ну вот: все свидетели налицо. В. Р-в.]. Все были без обуви.

Что касается душевного состояния этой группы заживо погребенных, о нем можем сказать только немного. Наиболее симпатичным является Павлов, муж Настасьи, 26 лет. Как можно заключить из слов Настасьи, ее муж Иов был мягкого, доброго характера. Поддавшись общему течению, он долго уговаривал жену следовать за ним и, когда та не склонилась на его слова и просьбы, он вечером, в роковой день 26 декабря, взял с собой единственную дочь Александру и ушел с нею. Знала ли жена, куда ее зовет муж и куда он ушел, взявши крошечного ребенка? По этому вопросу мы имели разговор с вдовой Павлова — Настасьей, молодой женщиной лет 20-ти. Разговор приблизительно состоял в следующем. Настасья с грудным ребенком на руках, который родился уже после смерти мужа, на предложенный вопрос — «жалеет ли об умерших муже и ребенке» рассказала, что не может забыть о них, что она просила и умолила мужа не идти туда, но муж, в свою очередь, просил, умолял и требовал, чтобы она следовала за ним. По этому поводу между супругами происходили долгие, часто горячие разговоры, в результате которых каждая сторона осталась при своем. В тот вечер, как муж с девочкой ушел «неизвестно куда», Настасья ушла к своей матери. На вопрос, куда муж звал ее, она отвечала: «Не говорил куда, сказал только: «Пойдем со мной, там узнаешь»». Между супругами были также горячие разговоры о их дочери, и Павлов тайком взял дочь и ушел. На вопрос, прощался ли муж с ней, уходя, — она отвечала: «Вестимо, прощался, как не прощался».

— Но так ли прощался, как прощаются перед смертью? — Настасья отвечала, что она «не знала, что муж идет на смерть».

— Да он-то знал, что прощается в последний раз, и, должно быть, прощался, как перед смертью.

Настасья на это отвечала только грустной улыбкой.

Из рассказа Ковалева видно, что в ту пору, когда Павлов со своим двухлетним ребенком на руках входил в яму, он вспомнил о жене и произнес слова: «Эх, мне-то трудно, а ей — женское дело — и того труднее».

Для нас осталось неясным, под чьим непосредственным влиянием молодой Павлов решился закопаться. По всей вероятности, это произошло при посредстве семейства Суховых, которые закопались в этой же яме.

Остается не вполне ясным, что собственно спасло Настасью и как случилось, что она не последовала за мужем, так как Павлов пред тем, как уйти, раздарил свое имущество. Быть может, беременность Павловой и ожидание близкого разрешения послужили мотивом спасения ее[88 – Не удвоенное ли чувство в себе жизни, своей личной + потомства в ней? «Семя женщины сотрет главу Змия», т. е. «Дьявол будет побежден влечением к деторождению». Иконы, молитвы, пение, вериги, посты — все и постоянно умаляло жизнь в тех, других закопавшихся: огонек в них уже теплился и колебался — и погасить его вовсе не было трудно, хотелось им самим его погасить, ибо жить было трудно. Уже при жизни эти люди полузадыхались; и задохлись в «яме». Но беременность — это новое свежее пламя, зажженный вновь костер дров: утробный младенец еще не постился и не молился, и всем бытием своим кричал: «Хочу жить!» И этот свой инстинкт передал матери. В. Р-в.]

Старуха Сухова, постоянная жительница скита, по всей вероятности, уговорила как свою невестку, Прасковью Сухову, так и своего сына Матвея — закопаться. Об этом с большой вероятностью можно судить по тому, что старуха Сухова вместе с Виталией присутствовала при рытье могилы и при ее заделке.

Большую психологическую важность имеет вопрос о том, знала ли вторая партия закапывавшихся, что они — уже не первые, что раньше их закопались другие. На этот вопрос можно дать положительный ответ, что это им было неизвестно. Виталия и ее демонические сотрудницы держали все дело в большой тайне, и Виталия религиозными угрозами и клятвами взяла слово с Ковалева никому не говорить о том, чему он был свидетелем. Ковалев держал данное ей обещание, и, как показало затем следствие, от него трудно было добиться истины из-за его сдержанности. Но здесь, в торжественную и страшную минуту, участником которой он был, из уст его вырвалось невольное признание. Когда большой камень уложен был в горло мины и через минуту Ковалеву предстояло проститься с теми, кого уже навсегда этот камень отделял от людей, Ковалев торжественно сказал: «Прощайте, кланяйтесь там нашим, поклонитесь Анюте»[89 – В этих конкретных мелочах — какая вера в загробную жизнь! Поистине осязали ее. От того и умерли, что уже при жизни точно дотронулись до И. Христа, и как бы магнетическим током Он передал им всю силу Существа Своего, и они ушли к Нему «в яму» (в Голгофу). В. Р-в.] И только теперь, из обмена несколькими словами, оказалось, что вторая партия ничего не знала о первой. Тогда Ковалев кратко передал весть о девяти закопанных. Эта передача не казалась Ковалеву нарушением тайны, так как переход его собеседников в иной мир был делом бесповоротно решенным, почти уже совершившимся.

О том, что пятнадцать человек закопались живьем, — никто не знал за пределами терновских хуторов, но и в терновских хуторах страшная тайна хранилась строго, и вторая партия жертв шла в могилу, не зная о первой. Тайна была известна немногим и до поры до времени не была никем разглашена. Тем не менее местные власти нашли необходимым 5-го февраля подвергнуть аресту Виталию и с ней шесть других лиц. Арест был вызван тем обстоятельством, что эти лица во время народной переписи отказались дать о себе сведения; в силу этого они привлекались к ответственности за беспаспортность и были подвергнуты предварительному аресту. Поведение арестованных уже с первой минуты было необычно и невольно наводило на серьезные подозрения.

При первом допросе арестованные обнаружили явные признаки значительного возбужденного состояния. Они, в особенности женщины, употребляли столь резкий, страстный тон речей, такой вызывающий образ действий, что обстоятельство это не могло не обратить на себя внимание. Возбужденное состояние в особенности наглядно проявилось в том, что женщины завели спор между собой, и одна из них, именно Авдотья Ковалева, по самому незначительному поводу в резких и страстных формах сделала замечание Виталии, хотя поведение последней нисколько не оправдывало такого несдержанного отношения к ней. Поведение арестованных в тюрьме продолжало быть еще в более резкой степени таким же загадочным, каким оно показалось вначале. По наблюдению начальника тюремного замка, заключенные вели себя настолько странно, что положительно вселяли подозрение в приготовлении себя к смерти. Такое их поведение, главным образом, выражалось в том, что все они отказались от пищи и питья, и с 5-го по 9-е число февраля никто из них абсолютно ничего не ел и капли воды не пил, говоря, что кормить их не обязаны ни правительство, ни частные лица и что по своим религиозным убеждениям они могут принимать только ту пищу, которую сами зарабатывают личным честным трудом, и поэтому они и впредь не будут ни пить, ни есть[90 – Удивительная житейская добросовестность! С такими людьми, кажется, можно бы начать строить и 1928;1959;1955;1953;1964;1949;1953;1945; («Республику») Платона, и «Civitas Dei» бл. Августина, и «Civitas Solis» Кампанеллы, и «Небесный Иерусалим» творца Апокалипсиса. Это суть граждане всемирных идеальных построений. Но на горьких солончаках нашей истории они нашли «гражданство» только в «яме» (могиле). В. Р-в.]. Первый день заключения в тюрьме все они непрерывно молились, произнося шепотом какие-то молитвы, стоя большей частью на коленях, и, дойдя до изнурения, легли и уснули. На другой и в остальные дни они постепенно все меньше и меньше молились, очевидно вследствие чрезмерного физического изнурения, дошедшего до того, что все они едва могли стоять на ногах, причем две женщины и старик, не будучи более в силах стоять, опустились на пол. С этим стариком случилось следующее обстоятельство. Когда по распоряжению тюремного начальства заключенным предложены были фрукты — кажется, апельсины, — то старик, мучимый жаждой, схватил апельсин так быстро и так жадно съел, что его не могли остановить и удержать товарищи — сектанты. После этого они начали осыпать его угрозами и снова проявили большую возбужденность. Ввиду этого тюремное начальство распорядилось переодеть их в арестантскую форму. Переодетые в казенное белье и арестантскую одежду, они настойчиво просили начальника тюрьмы выдать им в камеру посмертную их одежду[91 – Священное убранство Православия — то же, что высокие шапки парфянских царей, «белая повязка» на голове у Диоклетиана или митры — на архиереях. Бедные демократы, не цари, не первосвященники: они берут только рубашку и порты в гроб, о котором всю жизнь думали, от которого некуда было отвернуться; и в конце концов они полюбили эту точку своего единственного созерцания. В. Р-в.], отобранную у них вместе с прочими их собственными вещами; когда же им в этом было отказано, они умоляли начальника тюрьмы, чтобы, в случае их смерти в тюрьме, они были похоронены не в казенном белье, а в их собственном одеянии, приготовленном ими исключительно для облачения после смерти[92 – Конечно, мундир! То же, что «риза» для священников, «Владимир» для сановников: знаки «отличия» для сих более счастливых чинов нашей империи. В. Р-в.]. 9-го февраля они обратились к начальнику тюрьмы с просьбой раздать всю их одежду, кроме посмертного одеяния, заключенным в тюрьме, так как они уже, кроме посмертной одежды, ни в чем больше не нуждаются. Ввиду их решимости умереть в тюрьме с голоду, эти сектанты 9-го февраля, по распоряжению товарища прокурора[93 – Вот у кого нашли «милость и жертву»... Ну, а попки? Кушали суп с грибом и спасали «душеньку». В. Р-в.] окружного суда, были из тюрьмы освобождены и отданы под домашний арест в дом той самой Александры Ковалевой, у которой они были задержаны.

Более желателен был бы перевод всех арестованных в психиатрическую лечебницу на испытание и лечение, ввиду того, что отказ от пищи и попытка на самоубийство вообще требуют помещения в лечебницу. Без сомнения, в лечебном заведении той или иной категории жизнь арестантов была бы сохранена, возбужденное состояние их было бы успокоено, и они могли бы дать показания врачам и следователям при больничной обстановке. Эти показания, вероятно, послужили бы высокоценным материалом для разъяснения беспримерных бытовых явлений русской жизни. Но теперь, со смертью Виталии и Поли, ключ к разъяснению этих явлений безвозвратно потерян. Об этом можно скорбеть тою скорбью, какую испытал бы историк, если бы был утрачен какой-нибудь ценный пергамент, какой-нибудь нескрытый документ, какой-нибудь *unicum*[94 – Действительно! Глубокое и прекрасное рассуждение. Сквозь медицинскую узость врача, который везде ищет патологии, видно, однако, золотое сердце. Ну, а попики? Духовное ведомство, миссионеры? Топтались на своих «требах» и жалованье. В. Р-в.]. Таковыми именно являются погибшие сектанты. Но прежде всего и более всего нельзя не горевать о том, что люди больные и ненормальные, требовавшие опеки и попечений, были лишены ее и отданы под надзор полиции[95 – Сектанты и старообрядцы всегда предпочитали иметь дело даже с полицией, чем с церковью, — находя в первой более понимания и человечности. «Возьмут взятку — и только». Духовные же власти и чины тоже от «взятки» не откажутся: но затем, все выбрав, имущество, — придут и за «душою» и упрячут в ту же земляную яму, каковыми в XVII и XVIII вв. были знаменитые монастырские «места заключения для грешников». В. Р-в.]. Вполне естественным последствием этого явилось то обстоятельство, что все эти люди погибли насильственной смертью. Искусство и меры полиции бессильны были охранить жизнь там, где для этого требуются искусство и попечение врачебное.

- - *

Дальнейшее течение событий было следующее. После первых закапываний, 23-го и 27-го декабря, наступила пауза, прошел благополучно месяц без новых жертв. Несмотря на проповедь Виталии, новые жертвы не являлись так скоро, как первые жертвы. Из рассказа старика Я. Я. оказывается, что проповедь Виталии и Поли Младшей не слабела, но результаты ее ограничивались тем, что являлись лица, готовые запоститься, но уже не было, по-видимому, желающих подвергнуть себя такому страшному способу самоубийства, как закапывание живьем. В течение января месяца в скиту и у некоторых лиц вне скита самоистязание ограничивалось скудной диетой. Жильцы скита получали мало пищи и меньше обыкновенного кваса, но никого не лишали питания совсем. Виталия лишь предлагала чрез Полю Младшую и других лиц своего штата советы есть хлеб и квас или только квас и яблоки, и, согласно заявлению жильца, отпускаясь соответственная порция. С возвращением Виталии из-под ареста в положении дел происходит заметное ухудшение. Некоторым жильцам скита в некоторые дни совсем переставали давать порцию[96 – Просто пост — вечно растущий: вот и все, и суть этого «запачивания». Мы, официальные, холодненькие, — взяли веру в статическом ее очерке, и «спасаемся», исполняя «форму», схему; а те, которых обзывают «фанатиками», имея нашу же веру, догму, символ и проч., взяли эту веру со стороны динамической как вечный прогресс души и усилие воли. «Царство Небесное подобно зерну горчишному, из которого вырастает дерево», оно «подобно закваске, которую женщина кладет в меру муки; и всходит все», — эти слова Иисуса, очевидно, зовут к динамической, а не статической вере. Вот в Терновских плавнях мука и взошла «вся», и «выросло дерево из горчишного зерна». Возвращаемся к «посту»: очевидно, нормальная церковь, закономерная и здоровая, должна дать нормы святого, здорового, между прочим и во вкушении пищи. Она должна показать идеалы святости и здесь: как? — труднейший вопрос! До того мы привыкли к святым «минусам», недоеданиям, недосыпаниям. Все дело должно, очевидно, начаться с представлений Рая и также Небесного Иерусалима. По-видимому, кругом года должно быть установлено не позволительное (яблоки с 17-го августа), а обязательное вкушение «первинок»: первых (каждого сорта) поспевших плодов, первой зелени, первых ягод, садовых, лесных. Равным образом должны быть установлены праздники: первых сборов — хлеба, картофеля, капусты. Эти сборы и вкушения должны быть «церковны» — совершаемы в храме и при участии и молитвах священника. Вместо теперешнего «великопостного» и проч. богослужения могут быть установлены богослужения осеннее, летнее, зимнее, весеннее. Летосчисление нужно восстановить от сотворения мира. Праздники должны быть не «двунадесятые» и проч., вообще без-народные и только клерикальные, их эгоистические, а трудовые и радующиеся. «Первый день хлебов», «первый день колокольчиков» (полевые цветы), «день первого жаворонка» (первая его песня в городе, в деревне). И, словом: С природою одною он жизнью дышал, Листов разумел прозябанье... это-то вот и нужно ввести в религию, на место их сословного молитвословия. В. Р-в.], другим уменьшали и начали предъявлять более строгие требования режима. Когда в начале февраля произведены были аресты за беспаспортность, то некоторые из беспаспортных и уклонившихся от записи не были арестованы или, как говорит Федор Ковалев, были забракованы из-за своей дряхлости или болезни, как, например, Поля Старшая и, если нам не изменяет память, Виктория и Сухова. Хотя эти три старухи не были арестованы, но они находились в крайнем нервном возбуждении и беспокойстве: они неотступно просили Ковалева: «Найди нам место и закопай нас». В таком же состоянии находилась и девица Авдотья Ковалева (сестра Федора). Она возвратилась из-под ареста в состоянии крайнего изнеможения вследствие того, что, находясь под арестом, она оставалась безусловно без пищи и питья и даже не утоляла своей жажды снегом, как делали ее другие товарищи по аресту; она не могла ходить, шаталась и падала в обморок, как только вставала. Она проводила свое время молча, в сидячем положении, согнувшись и прислонившись, и безропотно страдала; ее вид возбуждал безграничную жалость, как можно заключить из рассказов Ковалева.

Как только арестованные возвратились из тюрьмы, три старушки, остававшиеся дома («забракованные»), т. е. Сухова, Поля Старшая и Виктория Рассейская, стали усиленно просить Ковалева (как уже мы упоминали) закопать их. Они невыразимо тревожились, были в непрерывном страхе и постоянно говорили: «Нас заберут в острог и запишут». Успокоить их было невозможно, они не оставляли Федора Ковалева со своими умаливаниями — закопать их.

Здесь естественным является вопрос, откуда старушки узнали о закапываниях? Об этом им могла сказать старуха Сухова, которая была сама свидетельницей и участницей в закапывании всего семейства ее сына. Но вместе с тем, по словам Федора Ковалева, в это время уже повсюду, и в терновских хуторах и далеко за их пределами, как в колокола звонили, — рассказывали о совершившихся закапываниях, и в этом смысле посторонние люди предлагали жителям терновских хуторов пытливые вопросы. По мнению Федора Ковалева, тайна закапываний была разглашена Таисией Рассейской, так как Таисия была очень неосторожна и невоздержанна в речах. Таисия же, как было уже нами сказано, была свидетельницей первого закапывания.

Живо переданный нам Федором Ковалевым разговор его со старушками нам удалось записать отчасти почти стенографически, отчасти по свежим воспоминаниям.

— Все три просили меня: — «Найди для нас место, закопай нас, откопай яму, где Назар» (т. е. где был закопан Назар Фомин).

— Нельзя туда, где Назар: как вы будете лазить, топтаться по ним? И там негде сидеть, там нету места. Куда вы их уберете?

— Ну, сбоку выкопай другую мину.

Всю неделю старухи неотступно просили, но Ковалев все не соглашался. Но с возвращением Виталии из острога старушки снова окружили Ковалева своими просьбами.

— Скорей выпроваживай извошников (т. е. извошников, которые привезли арестованных — Виталию и других — из тюрьмы).

— Выпроваживай извошников и шукай[97 — «Шукай», т. е. «ищи», — местное выражение. Примечание проф. Сикорского.] для нас место, вези нас в скалу[98 — Известные каменоломни недалеко от хуторов. Примечание проф. Сикорского.]; там темно в пещере, там в пустоте мы умрем.

— Но вы кашляете, не удержитесь от кашля, и вас сейчас найдут.

Наутро старухи снова стали просить Ковалева все о том же. Тут к ним присоединилась и Виталия. Она сказала:

— Сотвори ты милость, сотвори любовь[99 — Ужасно! Все из «милости» и «любви» в «религии милости и любви». Поистине сказал смеющийся о них: «Они будут смотреть и не увидят, будут слышать и не услышат». Все заморожено, загнипнотизировано небесною ворожбою: и несчастные, в таких ужасах ползущие, все уверены по-прежнему, что они веруют в «умершего за грехи наши» и исповедуют «религию любви», принесенную им на землю!.. В. Р-в.], что ты за каменный: они схимницы и кланяются тебе, недостойному, в ноги.

Ковалев, уже чувствовавший великую тяжесть на душе от первых закапываний, старался, по возможности, отклонить от себя новую тяжелую миссию.

— Матушка, — говорил он Виталии, — теперь уже нету переписи, как бы греха не было?

Но Виталия и Поля Младшая на это страстно воскликнули: — «Господи! спроси грех[100 — Совершенно тон финикийского благочестия, когда они приносили детей своих в жертву Молоху: кроткий, тихий, покорный! «Спроси грех на нас» — это значило: «Не вмени ему, Господи, грех тот, что он отказывается или медлит закапывать в землю живых людей: прости ему это. Но как Ты захочешь же взыскать это с кого-нибудь, то взыщи лучше с нас». Поразительно, до чего здесь Бог представляется, как и всем христианам, неумолимым, жестоким, беспощадным; не умеющим прощать не только ошибки, но даже и обмолвки; и в то же время, комическим образом, он именуется «Милостивцем», «Спасом». В. Р-в.] на нас».

— Ну, благословите, — сказал после этого Ковалев Виталии. «Пойду». И решил идти в усадьбу Горзина (в версте от усадьбы Ковалевых). В это время во всей усадьбе не было других лиц, кроме самой Горзиной, так что, по соображениям Ковалева, в этой усадьбе можно было рассчитывать провести несколько часов, не рискуя встретить свидетелей.

В 8-м часу вечера, когда едва начинало темнеть, 12-го февраля, Ковалев вместе с тремя старухами и Виталией направился в усадьбу Горзина. В это время ему случилось проходить мимо сестры Авдотьи, которая сидела с поникшей головой. Она, не подымая головы, дернула Федора за платье и тихо, еле слышным голосом, сказала:

— Копай на четырех.

— Что ты, сестра! да ты совсем слабая, и без того сейчас помрешь.

Авдотья стала плакать.

— Для чужих стараешься, — сказала она, — а для сестры не хочешь.

Виталия вмешалась в дело и сказала:

— Греха нет, копай и для нее.

Все отправились в усадьбу Горзина. Виталия шла впереди с тремя старухами: Суховой, Полей Старшей и Викторией Рассейской; за ними шел Ковалев. А Авдотья Ковалева с трудом двигалась и постоянно отставала, так как была крайне слаба. Пришли на место.

Уже раньше Ковалев, обдумывая место, где можно бы закопать, не находил таких укромных углов в усадьбе Горзина, где можно было бы вывести мину вроде первых двух; и объяснил своим спутницам, что их можно закопать только в простой яме, если они на это согласны. Те на все соглашались.

Когда место было выбрано, Ковалев начал копать яму, а «они пятеро», говорит Ковалев, «сидели тут же рядом». Авдотья, еле живая, безжизненная, сидела и смотрела тупо, безучастно, как брат измерил место и начал работу. Ковалев отмерил в ширину столько места, «как на двух», и стал копать вглубь, постепенно расширяя могилу. Приготовление ямы потребовало около 6-ти часов времени, и только за полночь могила была готова. Она представляла собой обыкновенную могилу, какую роют для покойников, с тою разницей, что сверху она была «вроде как на двух», а внизу «как на четырех». Такую форму Ковалев придал могиле с тою целью, чтобы облегчить себе труд выемки земли. Глубина могилы была почти в рост его самого. Когда могила была готова, они переоделись в смертные платья[101 — Все это же «смертное платье», везде этот мундир православия. — «В каком вы министерстве служите?» — «О чем вы спрашиваете: взгляните на мундир мой!» У евреев, в ветхозаветной религии, «мундиром» служит талес, кусок шелковой полосатой материи: в нем они совершают ежедневно свои молитвы (накидывая на голову так, что края спускаются до земли), в него его тело будет обернуто перед тем, как положить его в могилу. Но что это такое? Невестин подарок! Невеста перед замужеством дарит жениху-мужу талес! Итак, каждая

молитва еврея идет к Богу как бы через призму жены его, и даже вот невестинские ожидания, радости, сомнений, молитв; через женин дух или, еще точнее — через женину плоть и дух. У нас, в Православии, в «безбрачии», в «девстве», этом смертном дево-скопчестве, которое ничего не помнит о земле и отвращается от земли, молитвы и могли пойти только через призму «смертной рубашечки», вот этого «савана». «Всю жизнь погребаемся», «сопогребаемся Христу», «всю жизнь ткем саван, в который оденемся по смерти». Ужасно! ужасная мысль, ужасное чувство! Вот откуда и родился монастырь, этот как бы коллективный саван над бытием человеческим, земным. В. Р-в.]. После этого Ковалев, стоя в могиле, принял сестру, как ребенка, на руки и спустил ее в могилу, так как она была крайне слаба, чтобы сойти самой. После этого Ковалев вылез из ямы и, подавая руку остальным, помогал им спрыгнуть вниз. Все четверо улеглись на бок, рядышком, плотно прижавшись одна к другой. Ковалев немедленно стал засыпать яму землей. По его словам, он кидал землю на ноги и затем на туловище лежавших в могиле; и, по временам приостанавливаясь, слышал, как они шептались между собой: «Прости, прости». Ковалев избегал бросать землю на лицо и на тело, чтобы не причинять ударов, и направлял комки бросаемой земли по стенкам могилы, от которых земля отражалась, разбиваясь в мелкие комья[102 – Какая деликатная осторожность! Какая везде подлинная любовь у этих прекраснейших людей, которые могли бы жить, цвести, благоухать такую прекрасною жизнью! В. Р-в.]. Прежде чем забросать землей голову и лицо, он приостановился и стал слушать, не слышно ли разговора и не пожелают ли встать из могилы; но к удивлению заметил, что уже не слышно ни разговора, ни движения[103 – Удивительно. Это они притаились в сладком ожидании: «Сейчас увидим Христа и Бога нашего» (умрем и увидим). Раз вся жизнь вытянулась по направлению к сей «жемчужине, которую увидев купец продает весь свой товар, чтобы купить ее одну» (слова Иисуса в Евангелии о Своем Царстве), то естественным заключением такой одно-мысленной жизни и такого страстного ожидания-желания — будет, конечно, самозакапывание, самосожжение, самоутопление. В. Р-в.]. Тогда он быстро бросил несколько полных лопат земли, которая закрыла головы. После этого Виталия велела ему утаптывать землю; и он, потоптавшись в могиле, начинал снова забрасывать ее землей, снова топтался, снова бросал землю, пока не дошел до уровня почвы. Остальная земля была разбросана им и Виталией, и все сровнено с землей. После этого он и Виталия направились в ковалевскую усадьбу и вернулись туда уже на рассвете, после четырех часов пополуночи.

Смерть четырех заживо засыпанных землей лиц должна была произойти быстро и наступила непосредственно вслед за прикрытием лица землей. О быстрой смерти свидетельствует вид трупов, в каком они выкопаны из земли, именно: сильно выпученные глаза, опухший высунутый язык, синий цвет лица[104 – С «выпученными глазами, опухшим, высунутым языком и синим лицом» пришли эти «девы» на «тот Свет», к «Полуночному Небесному Жениху». Чего же еще они ожидали на земле? Встречи! И вот вышел Иисус, отворил перед ними, четырьмя кроткими старушками, Райские Двери... И проходят мимо Иисуса, обещавшего «и лозы надломленной не переломить», — эти синие девы с высунутыми языками и вытаращенными глазами в Рай Христианский как его правые отныне жители, как купившие место в нем дорогою ценою. Входят... А оттуда идут им навстречу «мученики» первых веков, все эти изжаренные и сваренные, с содранною кожей. Если бы был живописец, который это представил!!! Вот зрелище небесной и земной (в терновских хуторах) половины христианства. В. Р-в.] и проч. Этих признаков не было на трупах из первых двух мин, где смерть происходила гораздо медленнее.

С возвращением Виталии и других из-под ареста 9 февраля нравственная атмосфера в терновских хуторах существенно переменялась, и это ясно сказалось при закапывании третьей группы сектантов — что произошло 12-го февраля. И настроение лиц, которые шли на смерть, и обстановка смерти резко отличались от того, что мы видим при первых двух закапываниях (23 и 27 декабря). Протекшие с того времени полтора месяца произвели перемену в общем настроении сектантов и, по всей вероятности, во взглядах их на события. Можно сказать, что уже заметна была и сказалась глубокая реакция против отвратительных человекоубийственных действий, которые были внушены мирному населению хуторов кружком фанатических затворниц. Федор Ковалев, беспрекословно зарывавший первую и вторую группы и чувствовавший себя при этом как человек, совершающий священнодействие[105 – Вот! «Священнодействие...» При чем тут «фанатизм», при чем «затворницы»... Все выросло из одного зерна: идеи христианской жертвы. «Он (Ковалев) — жертвоприношитель; мы (закопавшиеся) — евхаристия». «Христос умер за нас, мы умираем за Христа». Там — жертва Небес за род человеческий; здесь — восторженная ответная жертва человека Небу. В. Р-в.], — теперь согласился на зарытие третьей группы только после продолжительных просьб зарывавших старушек, после неотступных настаиваний их и после особых просьб самой Виталии, которая притом должна была дать, по его требованию, торжественное заявление, что она берет на себя грех этого дела. В самом скиту только один человек, слабый старик, согласно требованию Виталии запостился по выходе из тюрьмы, но все другие не отказывались вполне от еды и принимали пищу, хотя в ограниченном количестве, но в правильные промежутки. Из лиц, живших вне скита, т. е. из мирян, только Авдотья Ковалева оставалась абсолютно без еды, все же другие принимали пищу. Не остается сомнения, что наклонность к самоистреблению значительно ослабела, и даже на заморение себя голодом почти не находилось желающих. Сам Федор Ковалев не только возлагал ответственность за закапывание на Виталию, но и пытался возражать ей, высказывая суждение: «Матушка, нынче уже нету переписи, как бы греха не было». Само закапывание трех старушек и с ними Авдотьи Ковалевой носит совершенно иной характер, чем первые два закапывания. Там не было страха, там был экстаз, люди находились в умилении[106 – Вот! В. Р-в.], не были лишены способности выражать свои чувства, беседовали, молились, плакали, радовались[107 – Вот, вот! Чего проф. Сикорский ищет медицинских причин: были, единственно, религиозные причины, концепция «Земли и Неба» в Православии, но взятая не логически как форма и формальность, а динамически — как вечный идеал! Кстати, эта история, описанная проф. Сикорским, дает разъяснение и смерти Гоголя — «запостившегося» и отнюдь не перешедшего из Православия в какую-нибудь секту, но переписывавшегося с оптинскими монахами-старцами, имевшего духовником священника-монаха, полу-«святого» о. Матвея Ржевского. В. Р-в.], были одушевлены чувствами возбуждающего характера. Здесь было противоположное душевное состояние. Три старушки и Авдотья Ковалева находились под постоянными гнетущими чувствами: у них были печаль и отчаяние[108 – Сбивчивость в понимании проф. Сикорским всего дела: жили они все печально, и первые две группы, но только восторженно умерли. Чувства гнетущие, печаль, страх, отчаяние — все это было их жизненными спутниками! От печали они и решили толкнуться в гроб: но, в самый гроб входя, — улыбнулись. Нельзя же эту улыбку распространять на колорит прежней жизни. Впрочем, это ясно само собою. В. Р-в.], и это ясно сказалось в последнюю минуту, когда они четверо сидели тупо, молча[109 – Они были все старушки уже, молчальницы, «затворницы». Их молчание нельзя принять за «отчаяние», с которым якобы они решились на смерть. См. выше у самого проф. Сикорского, как они просили у Федора Ковалева закопать их. В. Р-в.] несколько часов, пока на их глазах готовилась для них могила.

Не подлежит сомнению, что в Виталии начиналась реакция против того безумного фанатического дела, виновницей которого она стала. Уже резкое замечание, которое ей сделала Авдотья Ковалева в первый день ареста, когда она укоряла Виталию как бы в измене

прежним ее убеждениям, показывает, что в ту пору Виталия уже сознавала необходимость отступления назад и, сообразно этому, изменяла тон своих речей и образ действий, — чт1243; и ввело Авдотью Ковалеву в заблуждение. Существенная перемена, которую мы видим в душевном состоянии и деятельности Виталии, состояла в том, что она начинает принимать меньшее участие в делах и, видимо, начинает испытывать страх. Она уже не заботится о новых делах, но, главным образом, думает о ликвидации старых и всего более заботится о сохранении в тайне того, что уже произошло. Она закликает Ковалева никому не выдавать тайны дел, в которые он посвящен, ни под каким видом не показывать мест, где произошли закапывания; она употребляет заклинания и религиозные угрозы за нарушение этой тайны. Страх и упадок духа Виталии в особенности заметен в том, что, как увидим ниже, она гораздо меньше руководила событиями и сама подчинилась их случайному течению: самое закапывание третьей группы является далеко не делом Виталии, а состоялось по естественному ходу вещей. Наконец, Виталия, как бы в противоположность тому, что проповедовала и чего требовала от других, начала втайне отступать на деле от своих собственных убеждений. Требуя от всех поста[110 – Пост — начало самоуморения, самозакапываний, самосожжений и проч. Религия, где есть посты как идеалы жития, непременно где-нибудь выразится и в идеальном самоубийстве. Все само собой! Все от зерна! Кто подносит горящую спичку к стене дома, уже не может говорить: «Я только держал горящую спичку — она маленькая». Человек имеет веру, человек имеет страсть. Кто сказал ему: «Попостись немного — это хорошо», «угодно Богу», тот и «запустил», и «закопал в землю» или утопил и сжег всех этих благородных идеалистов! Словом, «великое учреждение поста», в связи со всеми прочими чертами веры, было и остается единственною причиною описываемого проф. Сикорским. Заметим, что ничего подобного нашим постам нет даже в католичестве, и соответственно этому у них «запащивания» до смерти и не появились. В. Р-в.], умеряя и уменьшая порции у скитников, сама она, по-видимому, употребляла пищу не в самых скудных размерах, судя по тому, что ее труп найден не очень исхудалым, а в ее желудке и кишках при вскрытии найдены остатки пищи, тогда как у других лиц, вместе с нею закопавшихся, в желудках не найдено никаких остатков пищи.

По-видимому, главнейшим условием, поколебавшим веру и фанатизм Виталии, была начавшаяся реакция против самоистребления; но еще большее влияние произвел начинавшийся общественный суд, сказавшийся в стоустой молве. В народе[111 – Реакция здравомыслия, естества человеческого, всеобщего зоологического аппетита бытия, чт1243; все так ненавидимо и презираемо «учителями церковными»; реакция этнографии против навеянного (из Византии, Галилеи). И в последнем слове — протест язычества против христианства. «Наш народ язычник, — сокрушенно качают головами миссионеры, проповедники, чиновники Духовного Ведомства, — по кабакам ходит, с девками любитя». «Еще не пришел в совершенство»... Вот этот «не пришедший в совершенство народ» и поднял кулаки против «пришедших в совершенство» терновских постников. В. Р-в.] слышались проклятия и ужас против закапываний, о которых, как говорил Ковалев, повсюду рассказывали — как в колокола звонили. Еще не было раскрыто дело, еще не были найдены могилы, но общий говор о страшных терновских событиях уже стоял в воздухе, и виновница этих событий уже чувствовала на себе всю тяжесть приговора народной совести. Упадок духа Виталии очевиден, и ее самоубийство является событием, вытекавшим из страха и отчаяния. Это вовсе не был торжественный акт, каким было первое закапывание, это было суетливое бегство растерянной души с лица земли[112 – Гениально выражено. В. Р-в.]

События между 12-м и 28-м февраля, т. е. от времени закапывания третьей группы до закапывания Виталии, носят на себе характеристический отпечаток случайности и отсутствия руководящего начала. Как можно заключить из рассказов Федора Ковалева и старика Я. Я., у Виталии не было определенного плана, и она предписывала только пост, но сама, как мы видели, не вполне строго следовала этому режиму. Состояние общего упадка духа и общего гнета овладело всеми. Но в особенности это состояние сказалось на старухе Ковалевой. Быть может, во всех терновских событиях никто больше ее не пострадал душою[113 – Ужасно читать! Чья душа не содрогнется и не заплачет? В тысячах духовных книг рассказывается, как в Сирии и Финикии на великих религиозных торжествах «люди отдавались блуду», «отдавались в экстазе». «Сие творилось в гнусно-языческих, натуралистических религиях». Авторам сих книг и статей следует продолжить рассказ и закончить: «Но мы поворотили все назад, против естества и чувственности: и на великих торжествах христианства, в минуты наибольшего экстаза и в точках наибольшего одушевления происходило вот что»... И рассказать далее историю, описываемую здесь. В. Р-в.] Она потеряла все, что было[114 – «Потерять все», «потерять ради Христа» — этому и учит Евангелие. Ковалева была купчихой, «продавшею все свои сокровища, чтобы купить жемчужину» земляной ямы, гроба. Ведь и великие наставники и руководители Церкви, оставляя все, «заключались в земляной пещере», «в яме» же почти, о чем без числа повествуется в церковных книгах. В. Р-в.] самого дорогого — свою наиболее даровитую и наиболее мягкую и симпатичную дочь, Авдотью, потеряла горячо любимую невестку и двух внучат, потеряла в числе закопанных много других лиц, более или менее близких родных. Оставшиеся в живых не могли дать ей утешения в страшных потерях. Но в особенности она страдала при виде Федора Ковалева, который из веселого семьянина, окруженного молодой жизнью, сделался полузатворником, полумонахом, перешел на житье в скит и при свиданиях с матерью приводил ее в отчаяние своим тупым видом[115 – Это r1233;sum1233; отсчитываемое медиком-наблюдателем, не вмешивающимся в религиозные и церковные споры, не разрешает ли множество таких споров вернее и точнее, чем всякие рассуждения и всякие исторические монографии? «Из веселого семьянина человек переходит на положение угрюмого одиночки», «молодая жизнь меркнет», «все увядает», «люди затворяются друг от друга», «везде воцаряется тупой, понурый вид»: не это ли как бы тень от «затмения солнца», ползущая вокруг исповедников нового исповедания, двинувшихся в натуральное человечество Европы, Америки, Африки? В. Р-в.] и страданиями, которые он начинал чувствовать и о которых первая узнала мать. Но более всего на старухе Ковалевой отражался гнет того факта, что она являлась главным ответственным лицом за все случившееся, как старшая в семье, как хозяйка дома, с согласия которой совершились все события; так как Виталия, хотя распорядилась всем самовластно, обо всем, однако же, сообщала старухе Ковалевой, видимо, желая подкрепить себя ее авторитетом и ответственностью. «Тетиньке» — как называла Виталия старуху Ковалеву — обо всем докладывалось, на все спрашивался якобы ее совет. Самая решимость колебавшегося Федора Ковалева закопаться в первой группе состоялась, главным образом, под нравственным давлением матери. Таким образом, старуха Ковалева в своей душе носила всю тяжесть совершившихся событий. Нравственный гнет, который она испытывала, был тем более тяжел, что вся ее жизнь прошла честно, добродетельно, в любви к людям и к своим близким, и ничто не предвещало ей такой страшной старости...

Как можно судить по рассказам Федора Ковалева, душевное состояние его матери было чрезвычайно тяжелое, и это резко отразилось на ее внешних чертах. Ее лицо потемнело, глаза впали, черты лица опустились, и весь корпус ее согнулся вперед и вбок: она представляла самый жалкий вид[116 – Вот, вот! И это r1233;sum1233; медика запишем в состав «знаков евангельских», «стигмат» церкви. В. Р-в.]. Она стала молчаливой и проводила время в своем крошечном флигельке вблизи скита, где она постоянно находилась в обществе своего сына Дмитрия. Этому Дмитрия одни считали полуумным, другие называли его глухонемым. Он жил в передней того помещения, которое занимала Ковалева. Угол, в котором жил Дмитрий, представлял собой крошечное пространство без света, отделенное от остальной комнаты простой соломой, связанной в снопики. Помещение это ничем не отличалось от логовища животного.

Здесь жил психически больной Дмитрий, и своим тупым и молчаливым видом не мог дать матери других впечатлений, кроме самых тягостных. Но старуха Ковалева не разлучалась с ним; и он был единственный близкий человек, так как Федор в тоске, уже овладевшей им, избегал общества даже матери и проводил время в скиту.

Независимо от тяжелых нравственных чувств, которые переживала старуха Ковалева, ее сильно тревожила все расширявшаяся и росшая молва о закапываниях. Под влиянием этой молвы — быть может, и по другим соображениям — некоторые из чинов полиции предлагали Ковалевой не то требование, не то добрый житейский совет, чтобы она дала запись живущих у нее неизвестных лиц или хотя временно выпроводила бы их от себя, пока стихнет народный говор[117 — Уже не так строга была полиция; и духовенство, «кивая на соседа» и указывая в придирках светского начальства повод к самозакапываниям, отводит глаза в сторону от тех стареньких книжек в кожаных переплетах, которые само держит под мышкою. Без этих книг «поп — не поп» и «церкви нет». С ними они никак не расстанутся. С ними не расставались и сектанты. Дело-то все и лежит в этих книжках... И пока они есть, попы есть, монастырь стоит, Церковь жива: до тех пор всюду, где они есть, человек уходит в землю по щиколки, по колена по пояс, по грудь, плечи, горло, с маковкой... В терновских плавнях дошло до «маковки», и люди закричали, народ завопил, начальство «обеспокоилось»; а попы, по обыкновению, уклончиво и предательски отошли в сторону; но не «до маковки» везде в христианском мире самозакапываются. В. Р-в.]

— Ты запиши их — «Галька», «Манька» или как угодно, — говорили советники, — и пусть себе живут, как жили раньше, — никто вас не тронет[118 — Классические слова... Так всегда говорит государство. В душу оно не лезет. Государство есть форма и требует, в сущности, всегда немногих формальностей... И не о нем явиться мысли: «это — Антихрист». «Антихрист» «невидимый», как и формулирует свое чувство народ, ходит за спиной у него; это тот «советник», угнездившийся ему в душу, который, перелезши через забор, хозяйничает в душевном обиходе человека. В. Р-в.] (так рассказывает про это Федор Ковалев).

Сношения с властями, никогда раньше не пугавшие Ковалеву[119 — Замечательно! Попы, да и глупая пресса, так-таки и приписали терновские ужасы «требовательности начальства» и «испугу перед начальством»... Как будто могли хотя бы чего-нибудь испугаться люди с такою решимостью. Да, как оказывается, и не было вовсе этого испуга. Терновские самозакапывания — это влечение к идеалу, тоска по идеалу, а не бегство от чего-то. А идеал этот — идеал всей России, идеал народный и исторический, и кроме этого идеала — и нет другого у Церкви, да и нет вообще без него и самой Церкви. В. Р-в.], как женщину всем известную и безукоризненную по своей репутации, — теперь ее уже сильно беспокоили ввиду возможности раскрытия страшной тайны, сохранение которой становилось изо дня в день все менее и менее вероятным.

С психологической точки зрения является трудно понятным факт, почему в это именно время Виталия все свое влияние сосредоточила на старухе Ковалевой и, оставивши без внимания других, остановилась именно на ней, запугивала ее и непрерывно твердила: «Ты пропадешь без меня, тебя враг уловит хитростью». Эти и подобного рода выражения, по словам Федора Ковалева, постоянно слышались в беседах Виталии с его матерью. Судя по многим данным, собранным нами, необходимо заключить, что Виталия в это время уже имела в виду лишение себя жизни и всю силу своего характера употребляла на то, чтобы склонить старуху Ковалеву на совместную с собою смерть; о других лицах Виталия заботилась меньше, но равным образом имела положительное намерение, как увидим ниже, вовлечь и их в мрачную драму общей гибели. Мы называли раньше это стремление Виталии трудно понятным с психологической точки зрения, и оно в самом деле не перестает быть таким, несмотря на все усилия проникнуть в его смысл[120 — Ничего нет «непонятого», если стоять на психологической, а не на психиатрической (специальность проф. Сикорского) точке зрения. С почетною старухой, которую Виталия любила, уважала и которая была для нее авторитетом «не токмо за страх, но и за совесть», она, как настоящая хозяйка дела, хозяйка «веры и спасения», последнею сходит в могилу, «убрав все хозяйство» (погребя других), «приведя в чистоту храмину» (смерть). Но остался же «сор» в избе, вот эта возможная слабость и колебания старухи Ковалевой. Нужно было подобрать все «дочиста» и закопаться не только самой, но и с другою «хозяйкою», с почитаемым старшим авторитетом, хотя и пассивным. Так капитан судна, наступающий, последним сходит с него, когда уже на нем никого нет. Все переселилось в Царство Небесное»: и идет сзади, последняя, сама Виталия, идет с матерью — владетельницею этих мест. Тут удивительно сочетались порыв веры с этим великорусским, старорусским укладом хозяйства, экономики, быта, дома «Схимницы» и вместе точно «Марфы Посадницы»... Какой бы матерьял для политической жизни! В. Р-в.]. По-видимому, эта психологическая загадка должна быть или может быть объяснена таким образом, что Виталия не хотела смерти, боялась ее и избегала: посылая других на смерть, в могильные ямы, сама она предполагала оставаться в живых. Она смело истребляла людей, думая, что этим путем спасает их, хотя в то же время решительно не имела в виду применять к самой себе подобное средство спасения. Но, кажется, гораздо вероятнее, что, широко жертвуя человеческими жизнями, Виталия думала не столько о спасении людей, сколько о торжестве дела, которому служила и которому отдалась. Но, когда обстоятельства и неумолимая логика вещей стали изрекать свое грозное судное слово, когда реакция и ропот сказались в среде, прежде ей беспрекословно повиновавшейся, когда страх уголовной ответственности чуялся в воздухе, — Виталия пришла к мысли о неизбежности самоубийства и, ужасаясь самой мысли быть одной[121 — Совершенно неосновательное рассуждение, чуждое какого-либо понимания психологии людей. Судит эмпирик и о всех «как бы сам поступил». Это слишком недостаточно и неисторично. В. Р-в.], она с решительностью и изобретательностью, свойственной ее характеру, составила план самоубийства, обставленный всем ореолом того положения, которым она пользовалась в скиту и в среде населения терновских хуторов. Это было одно из тех беспощадных и холодных решений, на которые способна была эта женщина, не чувствующая до поры до времени страха перед самыми страшными вещами.

Стремление Виталии во что бы то ни стало привлечь Ковалеву к самоубийству — не подлежит сомнению, судя по рассказам Федора Ковалева и старика Я. Я. Для этого она пользовалась всем и не упускала ни одного случая. Так, когда Ковалевой со стороны полиции дан был совет записать жильцов хоть вымышленными именами, то Виталия тотчас воспользовалась этим случаем, говоря, что «враг хочет хитростью обойти ее, хитрым крючком захватить ее», и при этом добавила, что без нее Ковалева «попадет в расставленные врагом сети», что ввиду этого должна жить и умереть вместе с нею. Состояние Ковалевой было таково, что, независимо от тяготевшего над нею авторитета Виталии, к самоубийству ее могли побудить тоска и отчаяние, вызванные всем совершившимся, и готовый пример многих предшествовавших смертей. По-видимому, никто так долго не сопротивлялся мысли о самоубийстве, как старуха Ковалева. Это видно из того, что убеждения Виталии, склонявшей Ковалеву, были многочисленны и продолжительны, как это видно из слов Ковалева. Ускорило развязку обстоятельство случайное, но и крайне характерное. Деятелем в заключительной фазе терновской драмы явился слабоумный Дмитрий Ковалев.

Как мы уже упоминали выше, о болезненном состоянии Ковалева существовали различные мнения: одни считали его глухонемым, другие полумумным. Хотя его называли глухонемым, однако же не подлежит сомнению, что он обладал слухом, ибо, по словам Федора, он по временам очень хорошо слышал. С другой стороны, Дмитрий Ковалев не был и немым, так как, хотя вообще он был молчалив и иногда по целым дням и неделям ничего не говорил, однако же по временам говорил очень ясно и отчетливо. Наконец, еще одной чертой, свойственной Дмитрию, была его крайняя возбужденность, наступавшая по временам и заставлявшая даже братья его на цепь. Тот, кто знаком с психическими болезнями, не затруднится на основании приведенных фактов распознать в Дмитрии Ковалева больного, страдающего идиотизмом. Больные этого рода мало или вовсе не говорят, вследствие слабости мыслительных процессов; но в лихорадочном жару, а также в возбужденном состоянии они вдруг начинают хорошо говорить и проявляют умственные способности, превышающие обычную, вседневную норму их ума. Таков был именно Дмитрий Ковалев, как в том мы убедились из расспросов о нем брата его Федора. Хотя Дмитрий Ковалев присутствовал при первом закапывании, но, по-видимому, потрясающая сцена не оставила на нем никакого впечатления. Равным образом на нем, казалось, не отразились и все другие события, свидетелем которых он был. Так как его присутствие обыкновенно никого не стесняло, то от него, как и от ребенка, не держали никаких секретов. Однако же исключительные события отразились и в его тупой голове, и вот однажды он, совершенно неожиданно для всех, произнес патетический монолог, который поразил мать, но в особенности поразил Федора. Дело состояло в следующем. Дмитрий стал в позу и страстно заговорил:

— Мать, что ты все вот т1225;к, да т1225;к?

При этих словах Дмитрий не без искусства скопировал согнутую несчастную фигуру своей матери.

— Что ты журишься[122 – Тревожишься — местное выражение. Примеч. проф. Сикорского.], — продолжал он, — плюнь на все, а там, — при этом он указал на небо, — там будет тебе хорошо.

Сцена эта произвела большое впечатление на старуху Ковалеву. Она произвела также сильное впечатление и на Федора Ковалева и, быть может, заставила колебавшегося Федора взять на себя предстоявшую ему страшную роль — закопать мать[123 – Какие ужасы! Кстати: да была ли хоть пересказана в духовных журналах терновская трагедия? О, равнодушные... В. Р-в.]. До какой степени описанная сцена имела влияние на Федора Ковалева, можно заключить из того, что во время свидания нашего с Ковалевым 28-го июня Ковалев, ныне уже почти освободившийся от тумана, которым он был окутан, все еще выражал изумление перед описанной сценой с его братом, и даже до некоторой степени был того мнения — не говорил ли его брат по внушению свыше, и в этом смысле даже предложил нам вопрос. Но в ту пору, когда сама сцена произошла, Федор Ковалев принял ее за небесное откровение.

Виталия воспользовалась словами Дмитрия Ковалева и склонила старуху, его мать, умереть вместе с нею, еще раз подтвердивши: «Ты без меня пропадешь».

Каким образом склонены были к общей смерти другие участники, об этом мы не имеем сведений, но некоторые высоко интересные сообщения по этому вопросу получены нами от старика Я. Я. Это прежде всего касается вопроса о способе самоубийства.

По-видимому, Виталия страшилась всех других видов смерти[124 – Естественное, неодолимое, вопреки всем идеям, всему навеянному, выражение страшной жизненности этого субъекта. Виталия, несомненно, была гениальная личность, Ломоносов в «подполье». В религии положительной, к добру и свету направленной, она сделалась бы великою жрицею, пророчицею, великою героинею; «1963;1969;1964;1949;1953;1961;1945;» [спасительница; эпитет богини (греч.)], как говорили в древности. По ее имени звался бы город, поселок, устав, закон. Но та же самая героиня древности, перенесенная в отрицательную религию, могла довести своих последователей только до самозакапываний. Какая последовательность! Какой ужас. В. Р-в.], кроме медленной смерти от голода. По освобождении ее из-под ареста 9-го февраля она, кажется, остановилась на мысли о лишении жизни путем голодания. В этом направлении дело и поведено было первоначально. По словам старика Я. Я., порции обитателей скита были значительно сокращены, а тем, кто изъявлял на то согласие, вовсе не давались ни пища, ни питье, как, например, старику, который был в числе арестованных и по выходе из тюрьмы не принимал пищи и скоро умер. Но, по-видимому, голодание было слишком тяжело для Виталии, и хотя она привыкла к постной и умеренной пище, но полный отказ от пищи и медленная смерть от голода были для нее нестерпимы[125 – Какая жизненность! До чего в самой все было нормально, в этой Виталии. Именно гений, поведший толпу за собою по смертоубийственной стезе, которая под ноги ей дана была историей, церковью, религиею. В. Р-в.], и она употребляла пищу, как показало вскрытие ее тела. Но затем неожиданно и решительно у нее родился другой план, именно смерть через закапывание в очень тесном пространстве. Быть может, быстрая смерть Авдотьи Ковалевой и трех старушек, свидетелем чего Виталия была, остановила ее мысль на этом способе, тем более что смерть от закапывания в минах, по ее мнению, могла быть слишком продолжительной, судя по тому, что первой группе закопавшихся она указывала трехдневный срок мучений, а она, без сомнения, с целью успокоения и ободрения, наверно показала возможно краткий срок. Можно предположить, что в действительности она считала этот срок более продолжительным, и ее воображение сразу отвернулось от перспектив столь продолжительных мук. Таким образом, она остановилась на мысли о закапывании в очень тесном пространстве. Этот способ являлся средним между закапыванием в просторных минах первой и второй партии и закапыванием живьем третьей партии. Она была свидетельницей этого последнего вида смерти и, при всей ее холодности, не могла не ужаснуться мысли о подобной смерти для нее самой.

Когда Виталия остановилась на способе смерти, она прямо и открыто[126 – Как все благородно и гордо у этой девушки. Именно — героиня, и именно — древности, попавшая в несчастную обстановку. В. Р-в.] объявила жильцам скита о состоявшемся решении. Уверенность ее в согласии всех была так полна, что назначен был срок, именно ночь на 21-е февраля, для исполнения. К удивлению своему, Виталия встретила неожиданное препятствие в старике Я. Я., который решительно отказался закопаться. Этот старик уже и раньше, в пору первых закапываний, не разделял мысли о необходимости насильственной смерти и склонен был думать, что такого рода смерть равносильна наложению на себя рук. Теперь он твердо заявил Виталии свой решительный отказ. Между ним и Виталией произошел следующий обмен мнений. Видя сопротивление старика, Виталия сказала, что больше не остается Святых Тайн для причащения, что имеется всего для одного раза; между тем ему, старику, весьма необходимо причащаться всякие сорок дней, и не стоит отсрочивать смерти при таких условиях. На это старик заметил: «Нынче Тайн нет, а там Бог пошлет, откуда-нибудь получим». Тогда Виталия сказала, что имеющиеся у нее Тайны — старые, от старинных хороших попов, а нынешние Тайны от теперешних попов той силы не имеют, и что он, старик, продолжая жизнь, будет лишен тех средств спасения, на которые рассчитывает: так как нынешние попы и даже

архиереи «одни против других орудут» и Тайн не выдают.

Так как Виталия была сильнее старика Я. Я. в диалектике, то он разговора с нею продолжать не мог, но прибегнул к извороту, сказав:

— Матушка, вы все долго молились, а я всего три недели, как надел черное платье; я еще недостаточно молился, мне еще надо помолиться, еще я не готов на смерть.

Отказ старика Я. Я. сильно разгневал Виталию. Последствием этого было то, что старик Я. Я., бывший с другим стариком в одной келье, немедленно был от него отделен и помещен особо, в отдельную камеру, и два дня не получал никакой пищи.

Отказ старика Я. Я. произвел такое сильное действие, что закапывание, назначенное на этот день, было отменено — и затем оно произошло неделю спустя, в ночь на 28-е февраля. Об этом Я. Я. узнал только впоследствии. Со времени его отказа ему не сообщали больше никаких новостей, держали его в строгом уединении и крайне скудно и неаккуратно кормили[127 – Выброшен, сброшен со счетов «святости»... В. Р-в.].

Главнейшим аргументом, к которому Виталия в это время наиболее прибегала, было запугивание угрозами небесных кар, между тем как раньше в ее словах звучала надежда, указание на грядущие блага и проч.[128 – Оба мотива — вечные мотивы Церкви, поставившей людей между страхом ада и обещаниями рая (загробного). «Рай» и «Ад» — это есть изъятие свободной воли у человека, свободного решения... Замечательно, что в Ветхом Завете, при полном вообще молчании о загробном существовании, и нет никаких картин «ада» и «рая». Люди там наказываются угрозой бесплодия, догорания, угасания семени и крови и «лика человеческого» здесь, на земле; как обилием потомства награждаются. Таковы естественные выражения, с одной стороны, религии семени и потомства, — и, с другой стороны, религии «бессеменного зачатия» и бесплодия. В. Р-в.]

Местом для закапывания был избран тот самый погреб, которого так добивались три старушки третьей группы, т. е. погреб в усадьбе Фомина, где зарылась первая группа. Этот погреб находился очень близко от усадьбы Ковалевых и скита, что значительно облегчало предстоящую задачу.

Сравнительно поздно, в ночь на 28-е февраля, направились туда все участники мрачного дела.

На этот раз все шло с чрезвычайной торопливостью. Ночи, по справедливому замечанию Федора Ковалева, были уже в это время года короче, и уже по одному этому необходимо было торопиться, чтобы до наступления утренней зари со всем покончить. Яму могли рыть только двое мужчин — Федор Ковалев и его брат Дмитрий. Но более всего поспешность внушена была Виталией, которая и с первыми закапываниями торопилась, а здесь время ожидания лично для нее, как для жертвы, могло быть особенно тягостным[129 – Грубая ошибка медика: тягостное — замедляет, «руки опускаются», а оживляет — близость исполнения давних желаний. «Оставьте меня, мне хорошо», — говорил Гоголь на молитве перед смертью, умирая с голоду. В. Р-в.]; в силу этого она чрезвычайно торопила обоих работавших Ковалевых и со всеми почти присутствующими помогала приготовлению мины, причем сама она трудилась более других, убирая землю.

Прежней мины, которая заключала в себе тела первой группы закопавшихся, не коснулись, но было назначено Виталией смежное место, именно — левая боковая стенка погреба, в которой стали рыть мину в направлении перпендикулярном или несколько под углом к первой мине. Расстояние входных отверстий первой и настоящей мины было не более двух с половиной или трех аршин. Вырытая мина представляла собой широкую, но не высокую нишу, дно которой было на одном уровне с дном погреба или несколько ниже. Ниша была в длину около двух аршин, шириной около трех с половиной, а в высоту имела не более трех четвертей аршина. Чтобы прорыть мину, было необходимо вынуть несколько камней неглубокого фундамента боковой стенки погреба. Когда яма была готова, быстро последовала торопливая, неторжественная процедура закапывания. Несчастные жертвы поместились в мине в следующем, кажется, порядке: Дмитрий Ковалев, Виталия, Поля Младшая, Таисия Рассейская и старуха Ковалева[130 – Старуха Ковалева, Поля Младшая и, главное, Виталия — это и суть как бы «гвардия самозакапывания»; машинист, лоцман и капитан корабля «спасения». Виталия эту группу и сберегла под конец; если она раньше не закопалась, то не по смущению или боязни, а оттого, что «кому же бы тогда устраивать спасение». Но, «подметя комнатку» и взяв клятвенное обещание с «закапывателя» последнего, Федора Ковалева, так же закопаться, она вышла из «комнатки» жизни в могилу небытия и «рая». В. Р-в.]. Вырытая ниша была достаточно широка, чтобы в ней поместились шесть человек, лежа боком, вплотную друг к другу; но длина ниши была короче роста человека, и все поместившиеся в этой, поспешно сделанной, неудобной могиле должны были согнуться, прижав голову к груди и поджав ноги. Когда они улеглись, Федор Ковалев, по распоряжению Виталии, заложил мину камнями, засыпал землей и утрамбовал. На этот раз совершенно один, Ковалев быстро ушел от этого страшного места и страшного дела!

Что касается психического состояния[131 – Удивительная тенденция проф. Сикорского все дело представить как психиатрический факт — чему охотно подмигнули попики. «Больные! страдающие!», «не в здравом уме и полной памяти», «невропатологические субъекты!» На самом деле, конечно, мы имеем дело с невропатологической религией, с «заразным контактием», но привитым к людям абсолютного душевного здоровья, здоровья повышенного, — темпераментов, умов и сердец ярких. Это как бы сердце и кровь птицы, бьющееся горячее, живее, чем у четвероногих (обычные «православные»); и оттого-то эта живая кровь ярче схватила ядовитый контактизм, сильнее заразилась им и скорее погибла. Все события самозакапывания не являют ни в одном случае смутности ума, запутанности воли, ничего порочного и вообще никакого следа патологичности: кроме вот этой идеи «умереть о Господе», отнюдь, впрочем, не прибегая к самоубийству (как и оговорено строго при первом закапывании); а так, просто: «жили для Господа, умрем о Господе: все — в Господе». Но это же есть мысль всех православных людей; даже всех религиозных людей. Но в других религиях, не патологических, нормальных, это привело бы и привело к расцвету, плодородию, жизни вечной и радостной здесь, на земле; а в религии, все перенесшей «туда», всякую радость, сияние и цвет вынесшей за порог гроба, в это ужасное, всепожирающее «загробное существование», которое, как вампир, сосет живую жизнь, — в этой религии «загробных утешений» само собою идеалисты веры рванулись «туда»!.. Какой же игрок ведет игру без желания скорее выиграть, какой автор пишет сочинение без желания скорее кончить книгу, и путник без желания закончить путь: так и всякий настоящий христианин не может не жаждать скорее умереть, скорее кончить земной, слезный путь — и перейти в вечную радость. Так все естественно — и при чем тут личная, индивидуальная патология? В. Р-в.], в котором находились в последнюю ночь закопавшиеся, то оно ближе всего подходит к общей спутанности чувств, вытекающей из страха. Наиболее была свободна от этого

Виталия. Для нее предстоявшая смерть была более всего следствием убеждения в необходимости подобного шага. Ее последние распоряжения касались более всего сокрытия тайны. Она многократно передавала в этом смысле Федору Ковалеву свои распоряжения, сопровождаемые клятвами и религиозными угрозами. Виталия грозила Ковалеву страшной ответственностью, если, по его вине, тела закопанных, в особенности ее тело, будут открыты. «Тебе будет великий грех, если нас откроют», — сказала она. Она, между прочим, мотивировала свое требование и тем, что открытие трупов может повлечь за собой вскрытие тел[132 – До чего все это распорядительно и умно! Разумеется, она имела воззрение всего народа, что «вскрытие умершего тела» есть такое же «осквернение» его, как если бы в лаборатории стали химически исследовать причастие или стали бы расколупывать и ковырять икону. По мысли русских (Православия) — жизнь есть грех, а умершее тело ео ipso есть «святое», икона. Отсюда высокое торжество погребения, где перед телом, как перед образами, зажигают церковные свечи. В. Р-в.]. Сказался ли в этом требовании обычный человеческий страх при мысли о вскрытии собственного тела или же имелись в виду со стороны Виталии религиозные или иные основания — осталось неизвестным. Затем она взяла с Ковалева строгое клятвенное обещание, что он после их смерти не останется в живых. Она прямо говорила ему: «Не живи после нас, не ешь, умри с голоду».

В ответ на это Ковалев дал обещание: «Как вас зарюю, не буду жить».

Из подробностей, относящихся к самой смерти, можем привести только, что, легши в могилу, все жертвы тихо шептались между собой; слышалось, как они говорили: «Прости, прости»; старались поудобнее лечь в тесном помещении. Наблюдения единственного свидетеля событий, Федора Ковалева, который и сам был в это время сильно взволнован, носят характер отрывочный. Впрочем, при быстроте и торопливости, с которой шло дело, психическое состояние жертв, кроме страха и спутанности, едва ли могло содержать другие элементы.

Пространство, в котором были заключены шесть жертв, хотя и допускало некоторую вентиляцию через заложенное входное отверстие, но, в сущности, помещение было так мало, что жизнь могла продолжаться самое короткое время — от десяти до двадцати минут.

По вскрытии ямы 6-го мая погребенные найдены одетыми в монашеское платье, как и в первых группах[133 – Ну, вот! И ничего в этих самозакапываниях нет, кроме монашества, — самого обыкновенного и заправского монашества, но только горячо взятого (кровь и сердце птицы). В. Р-в.], а Виталия была одета в костюм схимницы[134 – Вот, вот! И — только! Уже схимники и самый постриг в схимничество, это высшее выражение, высший официальный пункт официального Православия, — есть не что другое, как история же, здесь рассказанная; есть нерешительный и малый образ самозакапывания! Боже, да ведь это известно каждому мужику и только неизвестно проф. Сикорскому. В. Р-в.], который представлял собою длинное суконное платье с капюшоном, надевавшимся на голову. Все это платье было расшито нашивками и надписями на церковнославянском языке[135 – Ну, вот! В церковнославянской-то печати, в церковных книгах и лежит ключ и разгадка всей тайны. В. Р-в.]. По снятии с Виталии одежд, при вскрытии тела на ней найдены вериги в форме двух крестов, из которых один приходится на груди, другой на спине, причем оба были между собою соединены в верхней и нижней части медной цепью небольшого веса. Нижняя часть этой цепи в виде пояса охватывала тело, и концы ее захвачены были замком, ключа к которому не было.

Кроме того, при трупе Виталии найдена небольшая жестянка из-под икры, на которой остались печатные наклейки с обозначением торговой фирмы. В жестянке этой находилась небольшая серебряная чаша, крошечная ложечка и шелковый платочек для вытирания губ, т. е. предметы, относящиеся к причащению. Найдены были также старинные книги и другие предметы.

IV

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда был арестован Федор Ковалев и стали известны главнейшие подробности терновских событий, взрыв общего негодования был направлен против Федора Ковалева как главного якобы виновника страшных дел. Даже в прессе можно было встретить выражения, характеризовавшие Федора Ковалева[136 – Пресса наша, понятия не имеющая о церковном учении, более и всего скрывает от «большой публики» его смысл. При всяком подобном событии (а сколько аналогичных, приближающихся) она кричит: «Дикость! изуверство! невежество!» В. Р-в.] как изувера и самого дикого человека, какого воображение может представить себе. События, в центре которых обстоятельства поставили Ковалева, были так исключительны и так ужасны, что человеческая мысль не могла не облекать в те же краски и человека, который стоял среди этих событий и принимал в них столь видное участие. Однако уже и теперь можно сказать, что участие Ковалева в терновских событиях, хотя и было очень видным, но далеко не было существенным. Нам, как и всякому, казалось естественным познакомиться поближе с этим человеком, чтобы тем до некоторой степени облегчить себе понимание бытовых явлений, которые при первом взгляде на них вызывали ужас, но при ближайшем ознакомлении возбуждают совершенно другое чувство... — безграничную гражданскую скорбь[137 – Как это хорошо сказано! О, какой это христианин... т1243; бишь анти-христианин этот Сикорский, со своим простым человеческим сердцем. В. Р-в.].

Первоначально мы составили себе некоторое представление о Ковалеве из рассматривания его фотографии, снятой с него вскоре после ареста его, т. е. в конце апреля. Затем, два месяца спустя, мы имели случай видеть его лично, именно — 28-го июня. Впечатление получилось весьма неодинаковое, так как черты лица в апреле и в июне оказались существенно различными, притом в такой степени, как это приходится наблюдать лишь весьма редко. Как показывает фототипия, сделанная с тираспольской фотографии, на лице Ковалева ясно отпечатываются следующие черты:

Сокращение мышцы, сдвигающей брови.

Сокращение пирамидальной мышцы носа.

Сокращение мышц, опускающих углы рта.

Вместе взятые, эти мышцы придают лицу выражение печали, озлобленности. Существующее напряжение всех остальных мышц туловища и лица придает общему выражению Ковалева отпечаток воли, напряженной под влиянием чувств, т. е. фанатической решимости. Этот отпечаток значительно усиливается еще и тем, что мышцы обеих половин лица сокращены неравномерно, именно — левая лобная

мышца сокращена сильнее, чем на левой, отчего правый глаз кажется меньше левого. Эта неравномерность мимики на одной и другой стороне лица является знаком вырождения[138 – Признаюсь, и я, грешный, такой же «вырождающийся субъект», как этот Федор Ковалев: у меня даже левая часть бороды скорее и гуще растёт, чем правая. Но я замечал, что и у всех почти людей, по крайней мере у всех деятельных, устремляющихся и чуть-чуть ярких, есть эта асимметрия лица. Художники отлично о ней знают, и вот не заметили ее только медики и «психиатры». В. Р-в.] и указывает на принадлежность Ковалева к психопатической семье[139 – А мать Ковалева, эта беспримерная старуха, столь ясная, спокойная и уравновешенная, по собственной же характеристике проф. Сижорского? В. Р-в.].

Наше ознакомление с чертами лица Ковалева при личном свидании с ним показало совершенно иную мимику, именно — почти незаметное сокращение пирамидальной мышцы носа, а равно отсутствие резкого напряжения в мышцах лица и туловища[140 – Все это исследование весьма похоже на размышления Пикквика над камнем «с неизвестными древними надписями», которые оказались резами какого-то кучера (Диккенс. «Записки Пикквикского клуба»). Кто же не знает, что две фотографии, снятые в один и тот же день или в одну и ту же неделю, — даже серия фотографий — являют совершенно разные выражения лица, т1243; вот с поднятою бровью, т1243; опущенною, со сжатыми или распушенными губами, с лицом т1243; сердитым, т1243; спокойным и даже сонным, смотря, напр., по тому, сердится ли снимаемый на своего фотографа, или уверен в его работе, или он скучает повторяющейся неудачною его работою; от того, сыт он или голоден, выспался или не выспался, и проч., и проч. Раз фотограф непременно хотел меня снять, но ему не удавалось: получилось несколько снимков, восхищавших его и приводивших меня в негодование. Это было на протяжении 2-х недель, когда я заходил за карточками членов семьи моей: эти мои карточки до того были не похожи друг на друга, что нельзя было бы поверить, что они сняты с одного субъекта. Так много зависит от момента, настроения снимаемого, от освещения, позы и поворота, какие ему придает фотограф, не всегда знающий суть и психологию снимаемого лица. Верны только художественные портреты живописцев — плод осторожной и долгой работы над лицом. В. Р-в.]. Но вместо того замечается сокращение верхней орбитальной мышцы, сдвигателя бровей, и мышцы, опускающей угол рта. В такой комбинации мимических сокращений фигура Ковалева производит впечатление человека доброго, преданного тихой грусти и грустному раздумью (единовременное умеренное сокращение орбитальной мышцы и сдвигателя бровей). Вместе с тем неравномерность мимики стала заметна меньше, что указывает на то, что некоторые природные неправильности в характере, резко заметные в апреле, в настоящее время (28-го июня) значительно сгладились[141 – Ну, а где же «психопатическая семья», от которой родился Ковалев? Все это не наука, а детский лепет около науки. Хотя изучение выражений человеческого лица, но настоящее, — есть не только наука, но огромная наука! Я уверен, что душа разлита по наружной форме человека и сосредоточена в лице его: от чего и возможно действовать на нее через «пассы» (гипнотизм), эти пластические движения рук около поверхности тела и особенно около лица, и можно лечить «душу» через обтирания и омывания тела. Здесь и там (ванны и гипнотизм) ни малейшего нет воздействия на мозг, предполагаемое седалище души, а действуют на поверхность тела, кожу, на пластику и художественный вид ее: и через них действуют на душу, воображение, сердце, ум, мысль! От того это «морщим брови», мысль; и вообще у нас «играет лицо» в страстях, при волнении. А о мозге, «играет» ли он при этом, ничего не известно, да и трудно себе представить это и допустить это. «Играющий» желудок, «играющая» печень, «играющие» почки, «играющий» мозг — как-то это дико. В. Р-в.]. Столь резкая перемена в чертах, происшедшая в течение двух месяцев, почти разрешает вопрос о значении и сущности участия Ковалева в терновских событиях. В период этих событий Ковалев находился под могущественным влиянием другой личности и в такой мере усвоил себе ее нравственный облик и характер, что это отразилось даже на основных чертах его лица. Можно сказать с совершенной научной точностью, что преступник, совершающий иной раз самые тяжелые преступления, остается по основным чертам характера тем же человеком, каким он был раньше; здесь же у Ковалева мы видим временное преобразование всего характера. Обстоятельства дела и признания самого Ковалева подтверждают приведенное заключение, основанное на физиогномических наблюдениях.

Отношение Ковалева к тяжелому мраку, окутывавшему жителей хуторов осенью прошлого года, было вполне отрицательное. Опасности, которые предсказывала Виталия, не пугали Ковалева; он долее всех оставался оптимистом, и даже в самую последнюю минуту, когда уже всеми овладела мысль о грядущих бедах и о необходимости искать от них спасения в смерти, — Ковалев все еще продолжал думать, что необходимо выждать события, но не идти к ним навстречу, не предвирать их. Он первый останавливал свою жену, склонявшуюся к смерти, и в наивности своей даже принес на нее жалобу Виталии, в уверенности, что Виталия своим авторитетом остановит страстный порыв молодой женщины. Он даже имел слабую догадку о действительной истине, т. е. был уверен, что ничего особенного не произошло в мире и что события должны идти тем же порядком, как они шли до настоящего времени. Под влиянием этого чутья истины он первоначально обнаруживал скептицизм в отношении того, что проповедовала Виталия и чему все начали верить. Для разъяснения своих сомнений он даже воспользовался случаем, как мы видели, и обратился с вопросами к случайно встреченному полубразованному собеседнику, и был очень рад и ободрен, встретив в нем поддержку своему скептицизму.

Но причиной всех дальнейших ошибок Ковалева была его умственная недалекость и слабая воля, другими словами — его малая одаренность от природы. Он — только добрый человек, но недалекий и соответственно тому слаб волей[142 – Вот как народ наш, как вообще масса — все эти, увлекаемые на путь смертный, люди. В. Р-в.]. В этих основных чертах его характера и кроется источник тех личных несчастий, которые он сам приготовил себе, погубивши собственными руками жену, детей, мать, брата, сестру[143 – Просто ужас читать: было ли что-нибудь подобное во всемирной истории, подобная ужасная психология, ужас такого религиозного вдохновения?! Но изречено: «Кто не оставит отца и мать», «не возненавидит их Имени Моего ради — тот не есть мой ученик». Все из начала: и даже схимники и схимницы, четки и славянская печать — все это такие же обреченные, такие же несчастные и грустные люди, как и терновские «затворники». Я много смеялся над попиками: однако «простим и им вину их»... «не знают бо, что творят». И они — несчастные... И все это, вся тысяча лет, даже две — одно несчастье, слезы, грусть, отчаяние, порок и преступление — одного неведения. Заразила птичку змея: а птичка-то хороша, хотя и дрыгает ножками в предсмертной сладкой муке. В. Р-в.]. На Ковалева оправдались те глубокие идеи, которые в своих художественных произведениях впервые старался раскрыть Шекспир, — что причиной несчастий человека являются не столько внешние условия, сколько неправильности или недочеты, лежащие в самом характере человека. Это мы видим на Ковалева. В самом деле, имея столько здравого смысла и воли, чтобы протестовать и бороться с порывами жены, склонявшейся на смерть, он сразу уступил Виталии и своей матери, когда те поддержали его жену[144 – Очень просто: и проф. Сижорский уступил ли, заговори в лицо ему, с проникновенным убеждением, Гиппократ, Гален, Пастер, Бильрот, Шарко... Вся всемирная история плывет в (рациональных) гипнозах и самогипнозах. В. Р-в.]. Здраво понимавший слова своего случайного собеседника, он вернулся домой просветленный и ободренный его беседой; но здесь, увидев слезы и волнения, поддался этим волнениям — и слова его собеседника и его собственные догадки остались в глубине души бессильным знанием.

Во всей дальнейшей трагической жизни Ковалева ясной бороздой сказываются основные черты его характера. В течение января в его бедном порабощенном уме успело всплыть сознание безумности закапываний, и когда старушки приставали к нему с просьбой закопать их, у него доставало разума и воли отказывать им, полемизировать с ними и отклонять в течение многих дней их упрашивания и умаливания; но достаточно было сказать несколько слов Виталии, и он, несмотря на правильную постановку дела своей оппозиции, подчинился ее требованию и явился орудием ее воли — в самом прямом смысле этого слова, в такой мере, в какой ребенок может явиться орудием воли взрослого. Мы не станем приводить дальнейших примеров, так как они были бы излишними.

Нравственное освобождение этого порабощенного человека совершалось медленно, но оно началось тотчас после смерти Виталии. Рассказы об этом Федора Ковалева, отличающиеся детской искренностью и простотой, полны психологического интереса.

Закопавши Виталию, своих близких и большую часть жильцов скита, Ковалев вернулся в опустевший скит, где он нашел старика Я. Я. и еще двух-трех лиц. Согласно данному Виталии обещанию, он не ел и не пил, оставаясь в твердом намерении запоститься; и ждал, что через три-четыре дня наступит светопреставление[145 — Вообще это замечательно: в Евангелии дана определенная концепция того, чт1243; есть и чт1243; будет, но — в отдалении. «Давно прошло», «не скоро будет»: и мы не страшимся, потому что слишком далеки от обоих концов. Но едва эта «какая-то» концепция, хотя бы вследствие умственной иллюзии, приближается, становится «вот-вот», осязаемою, неизбежною — как людьми овладевает такой ужас, что они предпочитают немедленную смерть нескольким дням ожидания. Еще любопытнее, что это не случайность: идя на распятие, Иисус и предсказал этот особенный страх, в котором люди будут звать: «Горы, падите на нас! Холмы, покройте нас!» (как земля и покрыла несчастных в терновских плавнях). Итак, вот концепция, о которой мы сказали, как о неизвестном: «какая-то». Чт1243; же она: добро, зло? грех, святость? благодеяние, несчастье? «От взгляда на нее — умирают в страхе»: и этим, кажется, все сказано и окончательно сказано. В. Р-в.], как предсказывала Виталия.

— «Три или четыре дня ничего не ем и не пью, — рассказывал Ковалев, — вижу — нет светопреставления; я напился водицы на четвертый день. На пятый день нет светопреставления[146 — Какой реализм ожидания! Боже, какая все это история! И сколько быта, бытовых русских черточек! Эти «водица» и «баклажанчик» ожидающего «светопреставления» мужичка оставляют за собою подробности описаний ада в «Divina Comedia». В. Р-в.] — я съел баклажанчик. Так прошло две недели, — продолжал он, — вижу — светопреставления нет, в острок не берут, войны нету. Что такое, думаю себе[147 — «Что такое, думаю себе», — как это хорошо! Вот это и есть та вера, что «горами двигает», и даже больше этого. В. Р-в.], — и стал хлеб есть, и так помаленьку стал все есть»[148 — «Помаленьку стал все есть»... Подумать только, что без записи проф. Сикорского «по следам» мог бы исчезнуть этот документ веры, не худший, чем «Слово о полку Игореве». И, может быть, сколько таких пройденных без освещения, неописанных фактов настоящей русской истории... В. Р-в.]

Таким образом, освободившись от гнета чужой мысли и воли, Ковалев стал правильно понимать окружающие явления и сообразовать с этим пониманием свои действия. Как постепенно воспрянула и восстановилась его порабощенная личность — об этом в его рассказах содержатся некоторые указания, которые мы и приведем.

Размеры нравственного обезличения, до которого доведен был Ковалев, станут понятными, если мы подумаем, что не только мысль и воля у него были подавлены, но даже и чувства были глубоко расстроены, несмотря на то, что эта сторона души у Ковалева развита гораздо лучше, чем мысль и воля. Мы позволим себе войти в некоторые подробности и выскажем соображения, которые нам кажутся не лишними для лучшего уяснения этого сложного вопроса. Как известно, долг может иногда побудить человека идти против естественных чувств, но в нормальном человеке это сопровождается внутренней борьбой, в которой элементы долга лишь берут перевес над обыкновеной природой человека, не уничтожая ее в корень. Но мы сочли бы чудовищным такое долговое существо, в котором естественных чувств не доставало бы вовсе; да и самой заслуги нравственной не существовало бы, если бы не было борьбы между долгом и естественными требованиями. Известный убийца Карл Маш, совершивший в своей жизни множество убийств, рассказывает о себе, что когда ему случилось однажды совершать убийство в доме, где были дети, то, подойдя к ребенку, которого он также должен был убить, он на минуту остановился и затем некоторое время колебался, так как пробудившееся в нем чувство жалости мешало ему наносить удары с тем спокойствием, с каким он убивал взрослых. Солдат, расстреливающий по долгу службы приговоренного к смерти, не может с легким сердцем исполнить свой тяжелый долг, и старая практика научила военных людей давать в числе других заряженных ружей одно незаряженное, чтобы тяжелый долг — стрелять в человека, был облегчен некоторой вероятностью, что смертоносное оружие лишено заряда. Каково же должно быть нравственное и эмоциональное состояние человека, совершившего ряд чудовищных убийств со спокойствием, которое кажется почти невероятным[149 — Автор-медик здесь (как и во всей книге) совершенно забывает о мотивах якобы «убийства» — которое на самом деле было жертвоприношением «Иисусу Сладчайшему» (выражение акафиста), так же мало походившим на работу убийц или солдат, как возжжение восковой свечи в храме имеет мало общего с поджогом чужого дома. Здесь все было «для любви», «во имя Божие», с «родными». До чего бывает слепа наука, ослеплены ученые! Кажется, наряду с «пороками нравственности», «пороками своей профессии» и проч., придется изобрести термины: «порок учености», «известный недостаток ученых». Если «сапожник всегда без сапогов», босой или ходит в опорках, то ученый всего чаще «слеп вне самого точного и ограниченного поля зрения», куда он смотрит и за пределами которого для него начинается такая тьма, где он видит и понимает меньше всякого смертного. Все ученые суть телескописты: видят ясно и ярко кружочек неба; а все небо, для всех видное, — для них невидимо. В. Р-в.] В таком именно состоянии Ковалев совершил все закапывания. И, однако же, этот человек раньше был совершенно другим: он был глубоко потрясен, когда от жены услышал впервые о намерении закопаться. Но затем давление авторитета Виталии[150 — Нравственного авторитета, богословского: а то можно подумать, что он боялся Виталии или был стеснен, придавлен ее мнением. В. Р-в.] и матери и тяжелые волнения, которыми была полна терновская атмосфера, а затем потрясающая сцена первого закапывания — ввергли его в состояние нравственного безразличия и бесчувственности[151 — Ни из чего не следует и ни на чем не основано. В. Р-в.]. Спокойствие, с которым Ковалев передавал подробности потрясающей сцены закапывания живьем своей сестры, справедливо производило наиболее тяжелое впечатление на всех, кто выслушал этот рассказ непосредственно от самого Ковалева. Нравственная бесчувственность сказалась почти во всем[152 — Совершенно ни в чем! Разве этот человек был с другими жесток? был лжив? Он был и остается нежнейшею и кроткою душою, глубочайше нравственно-чуткою. Напротив, от нравственной-то чуткости он и закопал своих ближних, сострада им. Без нее, без этой нравственной возбужденности в сфере ошибочной религии, ничего бы и не было в скиту. В. Р-в.], Ковалев перестал испытывать чувство страха; и ночью, после совершенных им убийств, не испытывал боязни. Таково было состояние этого человека, в сущности[153 — «В сущности»... — Как хорошо это в устах ученого. «Вы честный человек, хотя в сущности и мошенник», или обратно: «Вы мошенник, хотя в сущности честный человек». У Сикорского: «Ковалев — нравственно бесчувственный человек, хотя в сущности по природе добр». В. Р-в.] доброго по природе!

Нравственное восстановление Ковалева идет медленно, и в ту пору, когда мы имели случай беседовать с ним (28 июня), его нравственные силы еще носили глубокие следы потрясения, но уже он стоит на верном пути, и черты его душевного склада освободились от тумана, которым были закрыты. О процессе этого восстановления мы из бесед с Ковалевым узнали следующие подробности, которыми и дополняем сказанное выше.

В первые дни после закапывания жены и детей Ковалев находился в полном нравственном безразличии и бесчувствии, и лишь в дни Рождественских праздников, 25-го и 26-го декабря, войдя вечером в свою опустелую избу, он впервые почувствовал жалость к умершим и заплакал, но сердце не отходило. В первое время печальные воспоминания о погибшей семье приходили нечасто; и хотя они давали отраду душе, но не могли быть вызваны, а сами собой редко приходили. Большею же частью в душе оставалось тупое безразличие, которое формулировалось в такую фразу: «Не жалко и не страшно, потому что они пошли не на муку, а в Царствие Небесное»[154 – Ну, вот! В двух строчках вся терновская история, полное объяснение ее! Во всей брошюре проф. Сикорского нет двух таких строк, столь ярких, как бы налитых смыслом, — что зрелый колос. «Они пошли в Царство Небесное», о котором поет вся Церковь, — поет и славит это Царство и манит в него. В. Р-в.]. И, однако же, мысль о переходе близких в Царствие Небесное не давала душе никакой радости[155 – «Радости» и прежде, и вообще никогда, не было в скиту, и это его суть («режим»); от этой сути никогда не радующейся религии, ничему земному и на земле не радующейся, — все и произошло. В. Р-в.], оставляя в ней какую-то тяжелую и непонятную пустоту. Самое чувство стыда и виновности как бы совсем угасло, и Ковалев, находясь в день вскрытия могилы Виталии на глазах многотысячной толпы, ничего особенного не чувствовал[156 – Вот! Полная вера в себя и свое дело! Это покрепче, потруднее, наконец, это гениальнее и человечнее, чем Галилей перед инквизиторами. В. Р-в.]. И лишь много времени спустя он, по его собственным словам, стал чувствовать нравственную тягость, когда толпа устремляла на него взор и посылала ему проклятия в то время, как его проводили по улице. Но с течением времени мало-помалу печальные воспоминания и тихое раздумье постепенно просветляли его душу, и по мере восстановления чувств мысль Ковалева шаг за шагом начала освещать протекшие как в кошмаре[157 – «Как в кошмаре»... Но, Боже, ведь и вся горячая поэзия, вот для Пушкина или Байрона, была «кошмаром»; и пламенная философия — «кошмар» же (Платон, Шопенгауэр), а уж особенно всякая вера, пророки, апостолы... «Мы видим сны: но как они милее действительности!» «Мы грезим, и грезы милее жизни!» Но ведь без этого, без грез, без снов, без религии, философии, поэзии и «кошмаров» вообще — чт1243; был бы человек и его жизнь? — Корова, пасущаяся на траве. Не спорю — хорошо и невинно; но очень уж скучно. В. Р-в.] события. Теперь Ковалев начинает понимать, что «горше всех Виталия виновата»[158 – Ну, да: «философ» скитский, «мистагог» самозакапываний, «митрополит Филарет» отделившегося кусочка старой, «истовой» веры... В. Р-в.], и в объяснении своей веры в нее говорит: «Она не ест, не пьет, молится, грамоту читает[159 – «Грамоту» и все книги — «начетчица», академик местный. Итак, перед слитным авторитетом святого и мудреца, как бы Серафима и катехизатора-Филарета, могла ли устоять темная, безграмотная толпа? Мудрая Виталия «Царство Небесное» показала. В. Р-в.] — и она это все одобряла», т. е. закапывания; «на нее все положились: Анюша, Фомина, — все на нее положились, потому что она постница, воздержница[160 – Ну, обычные церковные идеалы, всеобщие: «пост и воздержание» — да в этом все христианство, вся церковь. В. Р-в.]: никто не думал, что это — одна гибель» (т. е. гибель в том, что слушали Виталию). «И как это не перебили» (т. е. не помешали), «и не нашлось такого человека, чтобы рассказать» (т. е. объяснить, образумить), — закончил он с глубоким сожалением о невозвратном[161 – Как глубока и прекрасна его речь. Да он, этот «недалекий Федор», говорит лучше, внушительнее, яснее и убедительнее, чем проф. Сикорский. И он считает его «больным», а в самозакапываниях усмотрел один «психиатрический материал». В. Р-в.].

В заключение наших бесед, на вопрос о жене и детях, Ковалев снова повторил: «Сердце и теперь все болит и не отходит. Спать — сплю, а как проснусь — сейчас сердце болит. И как не болеть? Другой матери и другой жены не будет»[162 – Как глубоки и просты слова! Натуральный человеческий матерьял, до чего ты выше «облагодатственного», — как вот вся эта мостовая богословского булыжника, который ничего-то, ничего не почувствовал, когда разразилась такая история. В. Р-в.].

В настоящее время Ковалев со всеми говорит вполне откровенно и с особенной искренностью; на каждый вопрос отвечает подробностями, которые превышают самый запрос собеседника. Видимо, что в обмене мыслей он находит себе утешение. Из уст его часто слышится фраза: «И как не нашлось человека, чтобы объяснить».

К концу нашей продолжительной беседы с Ковалевым неожиданная ассоциация вызвала в нашем уме цепь мыслей о бедной простодушной чешской вдове, которая положила свою вязанку дров на пылавший костер Гуса. Она умерла с утешительной мыслью, что совершила доброе дело, прибавив лишний огонь для еретика. Такой же нравственно-бедный[163 – Непостижимо, почему «нравственно-бедный»?!! В. Р-в.] и простодушный Ковалев сделал нечто, беспредельно превосходящее подвиг чешской вдовы, и теперь прозрел и пришел к ясному пониманию своего непоправимого заблуждения. Самое симпатичное впечатление, которое оставил в нас своей личностью Ковалев, это — его наивные непрестанные усилия вспомнить и разбирать свои ошибки[164 – То-то: вечная жажда поучения, разъяснения. Вот так он был чуток и к Виталии, которая «разъясняла» — разъясняла, «зная грамоту»... Куда же овца пойдет, как не за пастухом? и сама Виталия куда бы пошла, как не за «святелямими». В. Р-в.] и давать самому себе советы, как надо было поступить тогда-то и тогда-то. В обмене мыслей, которого он, видимо, ищет, он находит себе утешение, как в источнике живой воды[165 – Вот! Какая прелесть доверчивого чистого ума. Сравнить-ка с нашими семинаристами и академиками. В. Р-в.], которая смыкает налет с его ума. Фразу, услышанную от нас по поводу народной переписи, что людей надо перечесать так же, как деньги в кошельке, — эту фразу он повторил несколько раз, как бы в противовес тому нелепому толкованию, которому он верил и которое так дорого обошлось ему.

Теперешний Ковалев — это тихая, неусыпающая грусть о невозвратном и неустанное искание истины для рассеяния следов еще не вполне исчезнувшего из души тумана.

События, подобные тем, которые случились в терновских хуторах, как ни кажутся поразительными и беспримерными, на самом деле представляют далеко не редкое[166 – Постоянное течение в Церкви, как бы тень около предмета, хвост около кометы, тяготение около земли, свет около солнца. Только это черный свет и около Черного Солнца. Не взглянешь на Него — ничего не поймешь («я ничего не понимаю», «невозможно этого постигнуть», — отговаривается часто в изложении проф. Сикорский); а взглянешь — поверишь, что Солнце в самом деле черно: и все сразу поймешь, до ниточки, до последнего слова. Этому Черному Солнцу, великой мировой Смерти, метафизике Смерти и поклоняются монахи, по самым одеждам своим именуемые «черноризцами». В. Р-в.] явление в нашей истории и неоднократно происходили не только в течение XVII и XVIII веков, но даже и в нынешнем столетии. Несмотря на разницу времени более

чем в два столетия, терновская драма в такой мере сходна с «Сходна в подробности»... Значит, одно течение, одинаковая соль в море. Да, все это — «горько-соленое море», «Мертвое Озеро». «И окаменеет всякий, кто оглянется на Содом и Гоморру», Бог ныне предаёт её пламени: и беги всякий, беги, не оглядываясь, отсюда — выводя детей, жен и домочадцев... В. Р-в.] с самоистреблениями, бывшими при царях Алексее Михайловиче, Иоанне и Петре Алексеевичах, что не может быть и речи о чём-нибудь новом и небывалом; напротив, на все случившееся необходимо смотреть как на печальное, но обычное историческое[168 — «Печальное и обычное явление» — в такой краткости не напоминают ли эти слова классическое изречение одного неумного крестьянина, уморившего с голода свою лошадь и удивленного её смертью: «Отчего она умерла? она должна была привыкнуть ничего не есть». Ни в каком случае не может быть «обычного» в явлении самосжигания или самозакапывания: ибо для каждого человека это новое страшное! И только для ученых, для историка, в чтении и в перспективе — это «серия», «ряд», частое, многое, и — все же не «обычное»!.. Хороши «обычаи» во «Святой» Руси!! Это что-то до того страшное в изложении профессора, что волосы на голове шевелятся. Но сбросим кошмар и разберемся. «Обычное явление» чего? удовольствия, утех? «Обычные явления» суть всегда приятные явления, для повторения которых не требуется побуждения и которые обращаются в привычку без объяснения. Здесь же в каждом случае — особое, личное побуждение к смерти. Ясно, что должно было существовать постоянное давление на душу чего-то: чт[1243; некоторые и иногда доводило до самоубийства и самозакапывания, а остальных не довело. Но именно «не довело», а вело-то всех сюда!.. Но сказано: «одна почва — каменная (попы), другая — с терниями (мы все), третья — при дороге» (купцы, ученые, люди с другими темами существования). Но как только встретилась рыхлая почва уединенной души, воспринявшей слово Иисусово и им одним живущей, то — вот монастырь, скит, пустыня, пещера, яма, гроб, самозакапывание, самоумерщвление. Не явно ли — возвращаюсь к давлению, — что тут давит что-то одно и постоянно. Что же это у русского человека? То, чем он дышит: это — вера его, столь искренно принятая. Самозакапываются не «вообще» русские люди, «привычные»: увы, «обыкновенно» закапываются, сжигаются церковные люди, люди церковного духа и склада, начитавшиеся церковных книг, доверившиеся их авторитету, вот как Ф. Ковалев слушал Сикорского и сперва Виталию. В «послушании Церкви» (любимый термин монастырей) и лежит все дело: в «послушании» не пассивном, а активном, все прогрессирующем, поднимающемся, и — «в послушании Церкви» не как «правилу и уставу» для несовершеннолетних, а как поэзии — для совершенных. Все это «путь Марии» — «севшей у ног Учителя и слушавшей слова Его». В. Р-в.] явление в русской жизни. Правда, явление повторяется все реже и реже[169 — «Реже и реже», потому что стали расти «плевелы» науки и школьного образования, появились «тернии» всяческих забот, экономики, нужды, фабрик. В терновском скиту — прекрасная природа, мягкий климат, обеспеченность, большая собственность: и — закопались. Как не закопаться? И Бокль говорит, что «благосостояние и досуг суть условия расцвета наук и искусств», ибо «дают свободному от заботы человеку углубиться». Вот и «углубились» — сперва в книги, а потом на три аршина в землю. В. Р-в.], но едва ли навсегда исчезло.

Издавна способы самоистребления были различные: из них самым частым способом было самосожжение[170 — Самый ужасный, острый способ. Самый томящий для воображения. «Сгорел во время пожара» — это годы помнят. Отчего же это избрано? Но отчего природа вырабатывает яды и заставляет умирать от них невинных птичек, прекраснейших и беззаботнейших (змеиный яд)? Вопросов много, ответов нет; вопросы так страшны, что, пожалуй, лучше для человека никогда не знать на них ответа. В. Р-в.]. Для этого выбирались избы, обкладывались горючим материалом и зажигались, причем почти всегда гибли все, кто не ускользнул от роковой засады. Иногда делалась специальная постройка для гари, например, более или менее значительное пространство обносилось оградой из весьма горючих материалов (смолы, стружек, соломы и даже пороха). Сожигались более или менее в значительном числе — сотнями и даже тысячами[171 — Ужасно! О, что перед этим и ужасы инквизиции! В. Р-в.]. При Петре Первом сгорел (сжег себя) князь Мышецкий со всей своей дворней — свыше 100 человек.

Другим нередким способом самоистребления было моренье голодом[172 — Как я уже говорил, пост есть начало этого: а пост везде, всегда, в каждом доме. «Ось», на которой едет «колесо Православия». Никто и никогда не «морил себя голодом», как выражается проф. Сикорский, а все «запашивались» — как ему докладывали в скиту, да он не расслышал или не дослушал. «Поститься» просто (по-нашему), «поститься истово» (мужики), «поститься строго» (монастыри), «поститься очень строго» (схимники, юродивые, «блаженные», святые), «держат великий пост» (великие святые Египта и Сирии, первых веков христианства), «запоститься, умереть» (ревностные люди старой веры у нас). Явно, что здесь везде мы имеем градации одного явления — нажим одного винта, в одну гайку, в одном направлении. В. Р-в.]. Кроме того, употреблялось самоутопление, причем старшие топили детей или младших, сопротивлявшихся смерти. Наконец, практиковались и закапывания. Андрей Иоаннов, описывая случившиеся при царе Алексее Михайловиче самосожжения, говорит: «В Новгородской области многие в могилах живые погребались, и тако живота своего бедного лишились; и в той же Новгородской области тоже многие тысячи огнем в овинах горели, и в лесах, — а в луговой стороне в морильнях от учителей своих запертые помирали»[173 — Д. И. Сапожников. Самосожжение в русском расколе. Москва, 1891 г., стр. 15. Примечание проф. Сикорского.].

Обстановка, при которой происходили самоистребления в два последние столетия, до такой степени напоминает обстановку терновских событий, даже до подробностей[174 — Вот! «до подробностей». Нечего и размазывать, все ясно... В. Р-в.], что нам невольно приходит на мысль, что в самоистреблениях мы встречаемся не просто с историческими или бытовыми явлениями, но в известной степени с явлениями патологическими, относящимися к разряду так называемых[175 — «Так называемых» — и успокоился. Но «называемых» еще не значит «объясненных». Хорошо «эпидемическое явление», которое в каждом единичном месте и случае готовится, зреет всю жизнь, которое основано на книгах, которые эти несчастные взяли с собою в могилу, и тем сказали: отчего они умирают и для чего умирают, сказали так ясно, мудро и просто (слова Ф. Ковалева)! Рассуждая как Сикорский, можно начать говорить, что океан имеет приливы и отливы на «исторической почве», или что луна так светит «по причине своей меланхолии, melancholia», и, наконец, что профессора обычно врут «по причине врожденного слабоумия, dementia» [безумие, помешательство — лат.]. Словом, тут d[1233; faut de science [недостаток знания — фр.], и можно не продолжать и не возражать. В. Р-в.] психических эпидемий. В самом деле, явления бытовые или исторические хотя и повторяются, но всегда с некоторыми переменами, обусловленными протекшим временем и историей; между тем явления патологические гораздо более неподвижны, гораздо менее изменчивы. Бред помешанных, галлюцинации алкоголиков гораздо менее подлежат изменяющему действию времени и обстоятельств и остаются в течение веков шаблонными и стереотипными. Этой именно особенностью отличается самоистребление в русском народе.

Что касается причин этого странного явления, то нам почти буквально приходится повторить то, что было сказано двести лет назад в одном официальном документе. Описывая одно из самосожжений, случившееся в 1684 году в Пошехонском уезде, в поместье Сикорских, в деревне Лейкине, официальное донесение заканчивается словами, — что «крестьяне сожгли сами себя, а для чего то учинили, про то никто не ведает».

Историки, занимавшиеся вопросом о самоистреблениях, высказывают касательно причин этого явления малоопределенные взгляды; но наибольшей определенностью отличается точка зрения Пыпина, который причину самоистребления видит в преследованиях, каким подвергнулся раскол со стороны правительства[176 – Ну, тоже мудрец! Да ведь «преследование»-то будет еще завтра; для чего же сегодня-то гореть? Ну, был ли хоть один пример в истории, чтобы «преследуемый» разбойником несчастный, — добежав до ножа на кухне, взял да и зарезался сам? «Правительственное преследование» было только последней каплей горечи в жизни постоянно горькой, было толчком, поводом, случаем, почти придиркою. Да очень часто вот те, что «топили маленьких детей», делали это и без всякого «правительственного преследования». Скорее они гибли не от «преследований», а среди общего равнодушия: но само это равнодушие-то опять вырабаталось под впечатлением вечной религиозной меланхолии, в которой жил несчастный народ. Затем, как в данном ужасном случае, все «преследование» заключалось в опросе сказать свою фамилию. Ясно, что это повод, песчинка на горе! Им раньше хотелось умереть — «прекрасной этой смертью», «христовой смертью», в «венце колючем» мучений, чтобы уподобиться «святым»... Это «путь святых» христианства, мученический всегда, везде, — и неужели нужно это доказывать? В терновском скиту случился акт такой веры, *actum fidei*, *auto-da-fe*, но только над собою, не над иноверцами, перед которым все подвиги Египта, Сирии, Радонежа, Задонска, Сарова кажутся слабыми... В. Р-в.]. Почти такой же взгляд, как Пыпин, но гораздо резче, высказывает о самосожжениях автор предисловия к новому изданию «Истории Выговской Пустыни». Но объяснения обоих авторов, если их признать верными, применимы только к некоторым случаям, так как известно из истории немало число несомненных примеров, которые не могут быть объяснены с точки зрения преследований[177 – То-то. И нечего было упоминать очевидно побочное обстоятельство. «Сгорел дом». — «Отчего?» — «В Китае растет чай, от этого». — «Как?» — «Связь ясная: там растет чай, у нас его пьют, и вот раз, попивши чайку, закурили папироски, обронили огонь, не заметили его, и дом сгорел. Дом сгорел от табаку и чая». Подумавши: «Дома горят от табаку, от чая, но есть удостоверенные случаи, что они горят и без чая и без табаку». Хорошее естествознание. В. Р-в.]. Нам кажется, что оба уважаемые историка обобщили частные случаи. В этом отношении интересны фактические данные, приводимые Сапожниковым; из этих данных видно, что самоистребления практиковались по преимуществу в некоторых местностях, тогда как в других местностях они не случались или случались реже, несмотря на то, что именно здесь отношение властей к расколу было более резко[178 – То-то и дело. Совсем «Китай» ни при чем, что горит Россия. В. Р-в.]. Наконец, такой крупный историк, как Соловьев, усматривает причину самосжигания не в преследованиях правительства, а в иных условиях. Очевидно и несомненно, что в самоистреблениях мы имеем дело с явлением сложным, которое не может быть объяснено одной исторической точкой зрения. Нам кажется, что важнейшим источником для объяснений самоистреблений могло бы послужить подробное психологическое и психиатрическое[179 – Психологическое еще можно допустить: тут — метафизика духа человеческого. Но едва произнесено слово «психиатрическое объяснение», как мы чувствуем, что ученый надевает на явление мешок, чтобы не дать никому ничего в нем увидеть. Этот мешок он тащит к себе как «собственность», но из «собственности» этой не получается ничего, кроме вещей, подобных вот этой брошюре. Насколько в ней высок человек, любящий братьев своих, оставивший о них единственный памятник внимания, заботы и фактической осведомленности, — настолько же в ней человек науки говорит все о «Китае» и «чае». В. Р-в.] исследование тех лиц, которые были непосредственными участниками событий; но так как источник этот для терновской драмы со смертью Виталии и других утрачен, то остается единственная возможность сделать некоторые выводы по этому важному вопросу, руководясь исключительно соображениями, основанными отчасти на фактических, отчасти на психологических данных. Психологические и психиатрические данные мы считаем в этом случае важным источником разъяснения и будем пользоваться этим источником, подтверждая наши выводы историческими справками.

К числу исторических данных относится прежде всего то обстоятельство, что самоистребление свойственно исключительно, или почти исключительно, расколу. В этом смысле можно сказать, что самоистребление — по крайней мере массовое, о котором у нас идет речь, — относится к широкой области церковной или религиозной жизни[180 – Ну, вот — выходит на настоящий путь. История рассказанная — просто глава в «Истории христианства», даже без упоминания о Православии. Тут не католичество, не православие, а просто один толчок, толкнувший все, весь мир, и православия, и католичества. «Царство ты, царство, духовное царство», — как поют Божии люди у нас. Вот океан. И вода в нем везде горька. И до того она велика и всеобъемлюща, что даже и неинтересно, что сожглись или закопались. Как христиане, поистине, и не интересуются даже, кто из них закапывается и кто сожигается: до того всем грустно и до того не до них; наконец, до того приблизительно так же все себя ощущают. В. Р-в.], но оно не вызвано политическими или иными условиями. Политическая жизнь, социальные бедствия, преследования правительства скорее вызывают появление мятежей, бунтов, активного сопротивления[181 – Вот, вот! Здесь проф. бьет в самый центр дела: и только бы взята ему скальпель и расчленил в одной скорлупке («русская вера», «церковь», «европейское христианство») два ядрышка: ядро натуральной нации — «Русь», от ее пресловутой — «святости». Это, судя по данным, сообщенным в его же труде, — люди добрые, спокойные и ясные; если не очень деятельные, то и не преувеличенно бездеятельные; однако в некоторых случаях, лицах — чрезвычайно деятельные, гениальные. Второе ядрышко — это «то, чему они учились», славянская печать, тексты. В. Р-в.]; в самоистреблениях же мы имеем дело с психологическим явлением глубоко пассивного типа[182 – Вот! Чудное объяснение. Это уже наука. В. Р-в.]. Этой своей стороной самоистребление ближе всего подходит к явлениям патологическим. Эта особенная черта не ускользнула и от внимания автора предисловия к новому изданию «Истории Выговской Пустыни». Он усматривает в этой черте средство уравнивать свое бессилие в борьбе — пожертвованием личностей. При всем глубоком уважении нашем к мнению почтенного историка, не можем не сказать, что в словах его содержится не объяснение психологического факта, а лишь простое засвидетельствование его.

Другую отличительную черту самоистреблений составляет то обстоятельство, что они всегда совпадали с какими-либо особенными событиями церковной жизни. Так, частые массовые самоистребления при Алексее Михайловиче, при царях Федоре, Иоанне и Петре Алексеевичах соответствовали времени появления раскола[183 – Просто момент возбуждения чувства — «великая отечественная война» веры. «Побеждаем Антихриста», «воюем с ним», «победим или не победим?» — «Если сойдем в яму, утопимся, сожжемся — то победим; останемся живы — победит Антихрист, жизнь». Ведь и сказал Он: «Радуйтесь, Я победил мир»; а любимый Его ученик добавил: «Не любите мира, ни того, что в мире: все что в мире — похоть очей и гордость житейская». Ну, вот «в яме» они и избыли все это, против чего предостерегал Апостол людей: он чит, и привел их сюда. В «яме» они одержали такую победу, как Русь при Бородине, англичане при Ватерлоо! Так все понятно — и зачем столько слов для объяснения? В. Р-в.]. В это время в русской жизни самоистребления были чрезвычайно часты[184 – Большая повышенность чувства, «великая отечественная война» веры. В. Р-в.]. Но и эта связь не противоречит предположению, что в самоистреблениях мы имеем дело с явлениями, не лишенными, между прочим, и болезненного оттенка. В самом деле, с психиатрической точки зрения можно считать вполне доказанным, что политические перевороты и религиозные события всегда оказывали влияние на увеличение числа душевных заболеваний или на более резкие проявления тех болезненных состояний, которые до этого времени были выражены слабо или оставались скрытыми. Этот факт, конечно, необходимо понимать в том

смысле, что всякого рода преобразования и перемены в жизни политической или в вопросах совести и т. п., составляя успех жизни, требуют напряжения и подъема сил. На такой подъем способны только лучшие люди, но не те, кто слаб душой и телом. Прогресс жизни подвигает вперед лучших людей и выбивает из строя или оставляет за флагом неподготовленных и слабых. В вопросах умственного или нравственного прогресса такими слабыми обыкновенно являются субъекты с так называемыми болезненными и неправильными характерами. Возникшее в недавнее время в психиатрии учение об этих характерах должно быть принято во внимание при объяснении исключительных явлений, о которых у нас идет речь. Болезненные характеры, менее заметные при обычном течении жизни, могут резко проявиться в ту пору, когда жизнь делает поворот, к которому эти натуры не могут так легко приспособиться, как натуры нормальные. В таком случае эти натуры обнаруживают странную деятельность, и даже заболевают психически в эпидемических размерах. Таким образом, преобразования или реформы отделяют здоровое от болезненного и являются той силой, которая увлекает за собой все здоровое и ломает все болезненное и слабое[185 – «Китай при пожарах»... Это Виталия-то «слабое и неправильное явление», «болезненная и слабая личность»!!! В. Р-в.].

Исследуя явления самоистребления с изложенной точки зрения, мы встречаемся с некоторыми существенно важными фактами, указывающими на видную роль болезненных натур при всех преобразованиях: натуры эти резко выступают со своей психопатической реакцией и, как странные персонажи в драмах, подчеркивают собою могучий ход реформы. На этих болезненных натурах и на их психопатической реакции мы остановим наше внимание тем более, что этот новый вопрос, созданный психиатрической наукой, не был предметом особого внимания историков.

Во всех случаях самоистреблений яркой чертой, заметной в настроении масс, является пессимизм, отсутствие веры в лучшее будущее[186 – Да о «лучшем будущем» христианство и не учит нигде — как это точно указал К. Н. Леонтьев, возражая Достоевскому и Толстому («Наши новые христиане»). В. Р-в.] и упадок духа. Типический пример такого состояния духа находим в «Письменных Известиях» чаусских раскольников. «Ныне, — говорится в Известии, — как духовные и земские власти не по избранию Святого Духа поставляются, а злата ради, того ради они нарицаются от бесов, а не от Бога; того ради нынешние власти во всем жестоки, гневливы, наглы, люты, яры, нестройны, страшны, ненавистны, мерзки, не кротки, лукавы; своими ересью и прельщением они отставляют человека от пути правого и сводят в погибельный путь»... «Ныне во все страны посылают указы и законения с посланники жестокими, — те нарицаются бесы, чувственные человеки»... «Ныне глад по всей земле, запустение Церкви, умножение ересем»... Как видно, речь идет не о каких-либо исключительных, но о самых обыкновенных общественных недостатках, а между тем тон, которым описываются эти недостатки, свидетельствует о крайнем пессимизме авторов и указывает на их болезненную чувствительность[187 – Просто очень нежные натуры, которые грубость государственную, едва задевающую грубых же людей, чувствуют, как бы по коже их дерет лошадиная щетка. Нежные натуры — и только. Так и пьянство ведь всегда было: но как апостолы и христиане первых веков закричали от боли при виде римских попок, даже едва ли очень значительных. В. Р-в.], на душевное страдание, вызванное преувеличенной оценкой обычных общественных зол. Таким оттенком отличается большая часть раскольнических писаний и жалоб, но в особенности такой отпечаток замечается в словах и жалобах тех, которые обрекали себя на самоистребление[188 – Нежнейшие, самые нежные! — вот и все! В. Р-в.]. Весьма замечательно, что даже и в этих крайних случаях жалобы нередко носили характер общих — печалований и всеобщего недовольства всем, без указания на какие-либо конкретные обстоятельства или частные события, вызвавшие такое настроение. Все такие жалобы отличаются общим и субъективным отпечатком мало мотивированной мировой скорби[189 – Да, знаменитый Никанор, архиепископ Одесский, — определяет все монашество как «мировую скорбь и мировой пессимизм». «Мы, ученые монахи, — носители мировой скорби», — сказал он о себе и от лица своих миру. В. Р-в.]. Читая эти жалобы и взвешивая психологические оттенки чувств, которыми они запечатлены, мы приходим к убеждению, что в большинстве случаев стремление к самоуничтожению вызвано было скорее субъективным состоянием, нежели внешними событиями. Внешние же события в этих случаях служили лишь поводом к самоистреблению, но вовсе не причиной: истинная причина коренилась в болезненном настроении и в давнем[190 – Вот! В. Р-в.], готовом пессимизме[191 – Вот! Вот! В. Р-в.], которым жили отдельные лица или целые группы людей.

Рядом с пессимизмом и с крайней болезненной чувствительностью всегда стоит склонность к самоубийству у раскольников XVII века. Эту связь тонко подмечает Андрей Иоаннов. «К самоубийству столько склонны, — говорит он, — что всегда наведываются[192 – Ну, какой же солдат не спрашивает о Бородине? Из самых расспросов ясно, что все эти несчастные смотрят на уход из «любодейного мира» как на славу и победу! как на неслыханную победу над страшным врагом — жизнью прельщающую, обольщающую («похоть очей и гордость житейская»). Ватерлоо, Бородино! В. Р-в.], где, когда и сколько сожглось или запостилось самовольно»[193 – Сапожников Д. И., стр. 151. Примеч. проф. Сикорского.].

Пессимизм и стремление к самоубийству яркой чертой проходит и в терновских событиях. С полным правом можно сказать, что события эти являются беспочвенными и безосновательными — и представляют собой плод измененного настроения духа, вызванного психопатическими причинами, но не внешними событиями. В самоистреблениях терновских, как и в самосожиганиях XVII века, мы видим следующие сходные психологические черты: замена рассудка чувством, слабая воля[194 – «Слабая воля»!.. O, sancta simplicitas [святая простота — лат.] — можно сказать эти слова Гуса о старушке, подложившей ему дровец, — и обо многих ученых. В. Р-в.] и склонность к самоубийству.

Было бы крайне важным делом разрешить вопрос о том, к какой болезни или к какому психическому состоянию относится группа указанных симптомов, — можно ли их отнести к большой истерии[195 – Sancta simplicitas! В. Р-в.] или к так называемому утомлению жизнью — *taedium vitae*[196 – Sancta simplicitas! В. Р-в.]. То и другое психопатическое состояние может появляться как у отдельных лиц, так и у целых масс людей. Появление их у отдельных людей не представляет никаких трудностей для объяснения. Что же касается эпидемического распространения болезненных состояний, то для объяснения их можно допустить отчасти общность условий, в которых живут массы. Главным же образом массовая психопатия является искусственным результатом психологического подбора. Этот подбор можно проследить в истории самосожиганий XVII и XVIII века, но в особенности в терновских событиях.

В истории самосожиганий мы постоянно встречаемся с фактом более или менее продолжительной подготовки масс путем пропаганды, увещаний и обманов со стороны так называемых учителей, как их называет народ, или расколуучителей, как они именуется официально. Эти учителя с помощью разнообразных приемов старались объединить субъектов болезненного и психопатического типа и направить их сообща к той цели, к какой те стремились, т. е. к самоистреблению. В этих случаях учителя, в сущности, делали то же, что теперь делают американские клубы самоубийц. Без сомнения, в этих случаях религиозные агитаторы пользовались существовавшей в населении

склонностью и старались ее развить и придать ей более широкие размеры.

о *

В прессе указаны были два события, толкнувшие терновских сектантов к самозакапываниям: всеобщая народная перепись и открытие мощей Святителя Феодосия Углицкого. Первое событие относится к области политической жизни, второе к церковной. Внешним образом терновские события несомненно связаны с всеобщей народной переписью, однако же по своему внутреннему характеру события эти всецело относятся к сфере религиозной, или церковной, жизни[197 – В 2-х этих строчках больше правды и мысли, чем в страницах текста: но что значит пропорциональность текста! Никто не обратит внимания на 2 эти строчки и, помня крупные полосы другого текста, будет твердить: «Патология! нервы! слабоумные!» И повторит это стоустая молва... Закивают головами хитрые попики... И та истина, та страшная истина, что это есть событие нашей веры, нашей религии, что здесь манифестовано наше исповедание, и, словом, как сам же проф. Сикорский обмолвился здесь: «События эти всецело (всецело!) относятся к сфере религиозной, или церковной, жизни», потонет в общем невнимании. «Они будут видеть и не увидят, будут слышать и не услышат», — сказал посмеявшийся над ними. Но для чего сам же проф. Сикорский столько городил о Китае и китайцах по поводу русского пожара??! В. Р-в.]. Правда, трудно указать непосредственную связь терновской эпидемии с церковным торжеством 9-го сентября; но по времени — некоторая связь, по-видимому, существует, и Федор Ковалев положительно указывает на начало сентября, как на время, когда беспокойство и брожение среди терновских раскольников резко обозначилось. Без сомнения, открытие мощей святителя Феодосия Углицкого явилось крупным событием не только в церковной, но и в народной жизни: оно вызвало общее народное возбуждение, выразившееся подъемом духа, паломничеством, усилением надежд и чаяний. Несомненно также, что на раскольников и других диссидентов это церковное торжество не могло не произвести противоположного действия: не могло не напомнить об их обособлении, о мучительном религиозном отщеплении и отделении от великого народного организма, с которым они соединены языком, бытом, обычаями и в то же время резко разграничены в церковном и вероисповедном отношении. При религиозности русского народа это разделение является весьма существенным обстоятельством для народной совести и влечет за собою нечто вроде безмолвного, непрекращающегося суда одной стороны над другой, т. е. православных и старообрядцев[198 – Очень глубоко. В. Р-в.]. Этот народный суд явно сказался во время открытия трупов погибших сектантов, когда тысячи зрителей своими массами загрохотали терновские хутора и когда сотни изумленных лиц, собравшихся на крышах, деревьях, возвышенных местах, устремили взоры свои на страшную картину откапывания трупов. В собравшейся толпе слышались угрозы, раздавались проклятия; в настроении тысяч присутствующих сказывалось строгое осуждение не только терновским сектантам, но и всему расколу[199 – Sancta simplicitas... При чем тут «раскол», что значат: «раскольники»?.. Это мы, наше, вот эти самые озлобленные по заборам мужики и бабы, — «судившие» о самозакапываниях, не догадываясь, что закопала несчастных вся «святая Русь» и эти зрители, все, все... Ибо все мы исповедуем то же, что они: но лишь прохладно, когда те все взяли в пламени и буре. В. Р-в.]. Это осуждение принимали на свой счет не одни терновские обитатели, но и многочисленные представители других раскольнических толков и согласий, присутствовавшие при открытии трупов. Они чувствовали тяжесть события, которое ложилось укором на весь раскол[200 – Тут постарались наши миссионеры с вековым уверением: «раскол — это совсем не то, что мы». — «Не то, что мы», «закопал раскол»: но неужели пункты расхождения раскольников и «нас», этот «Исус» вместо «Иисус», трехперстное сложение вместо двуперстного и хождение «навстречу солнцу» (при богослужении) вместо хождения «по солнцу» — имеют специфическое свойство производить самосожжения, самозакапывания и проч. или даже производить меланхолию, грусть, тоску?! Явно, что обрядовые различия раскола и нас никакого отношения не имеют к духу церкви, который взят раскольниками, как бы горячая земляца, прямо из-под ног святых угодников. Конечно, не обряды церковные, а дух церкви закопал их: и он у них один с нами. В. Р-в.], без различия его партий. Как на подробность, свидетельствующую о таком настроении старообрядцев, можем указать на тот факт, замеченный многими, что окрестные старообрядцы старались всеми мерами заглазить и смягчить впечатление терновских событий и во время извлечения из земли трупов и вскрытия помогали полиции, переносили разлагающиеся трупы, до которых никто не хотел прикоснуться. По замечаниям наблюдателей, этим они хотели дать как бы некоторое удовлетворение негодованию и безмолвному осуждению массы, безропотно покоряясь суду народной совести.

Таким образом, разделение русских людей на старообрядцев и православных не остается без серьезных психологических последствий; оно способно колебать настроение народных масс, в особенности среди событий исключительных. Успех и подъем духа у одних может вызывать противоположные чувства у других. И в самом деле, многие события в церковной жизни православных вызвали у старообрядцев то фанатизм и озлобление, то упадок духа и скорбь. Скорбь, печаль, упадок духа и неразлучная с ними наклонность к самоубийству[201 – Что «монахи являются носителями высшей мировой скорби на земле» и что «в печали и упадке духа они даже иногда останавливаются на самоубийстве, а некоторые — как Иоанн, еп. Смоленский, — и прибегли к нему», — об этом свидетельствует в «Записках из истории ученого монашества» архиеписк. Никанор Одесский, и не раскольник, и до открытия мощей Феод. Углицкого. В. Р-в.] появляются именно у лучшей части раскольников, у людей с нежной душой, для которых рознь по высшим вопросам жизни является источником глубокого страдания, истинной мировой скорби[202 – Тут уж не «патология»... Но для чего раньше, затемняя все дело, было говорить о «патологии», «нравственной невменяемости», слабоволии; и даже что это вообще «худшие, слабейшие элементы своего времени и племени, гибнущие в свежем воздухе новых реформ»? Все «китайский чай» попутал. В. Р-в.]. В этом смысле и торжество 9-го сентября не могло остаться без влияния на старообрядцев.

Это церковное торжество произвело вообще немаловажное впечатление на народную душу. И в самом деле, если мы сравним два параллельные и почти одновременные события — канонизацию Святителя Феодосия и канонизацию трех святых Западной церкви, то перевес окажется на стороне русского церковного торжества по силе и степени народного участия в нем. Таким образом, каковы бы ни были взгляды на сущность и значение церковного торжества 9-го сентября, нельзя не признать, что оно произвело значительное впечатление на народные массы, — впечатление весьма не одинаковое для православных и для старообрядцев. По понятиям народной совести, открытие мощей Феодосия Углицкого явилось событием, оправдывающим одну сторону и осуждающим другую. Говорят, что такое именно настроение замечалось осенью минувшего года в среде терновских сектантов и послужило основанием пессимизма, который так резко проявился именно в это время.

Пессимизм особенно был заметен в терновском скиту, и деятельность Виталии и ее сотрудниц по скиту является попыткой противодействовать этому настроению, найти героическое лекарство против болезни, которая грозила поразить многих. По-видимому, эта решительная женщина задалась смелой мыслью устроить в терновских хуторах священное место, богатое останками мучеников, у

таинственных могил которых должны будут стекаться поклонники, подобно тому как это случилось в Чернигове[203 – Красивое объяснение, но едва ли правдоподобное: слишком люди эти просты и серьезны, слишком думали о спасении души своей, личной души, чтобы помышлять об исторических монументах и соперничестве с Феодосием Углицким, открытию мощей которого, как и всем событиям «Никонианской» церкви — уже, по их мнению, павшей, извратившейся и лживой (см. выше их отзывы), — они не придавали, вероятно, никакого значения. В. Р-в.]. Это предположение, слышанное нами на месте происшествия, подтверждается поведением Федора Ковалева. Когда в его присутствии происходило откапывание замурованных сектантов, его настроение носило характер уверенности и торжественного ожидания[204 – Удивительно! Ну, что таким людям Феодосий Углицкий или Серафим Саровский. В. Р-в.], но он сразу упал духом, когда его взору представились трупы с признаками разложения и с ползавшими по ним червями: он увидел не то, чего ждал. Это обстоятельство поколебало его фанатическую уверенность в правоте религии, которой он служил, и явилось исходной точкой поворота в его мыслях и началом откровенных признаний.

Несомненно, что Виталия и Поля не чужды были некоторых исторических сведений о самоистреблениях в русском расколе. Об этом можно судить по стилю и содержанию той записки, которая была подана из скита счетчикам народной переписи и которая была отредактирована, по всей вероятности, Полей Младшей. Записка эта во многом напоминает те челобитные и заявления, которые писались в XVII веке раскольниками, готовившимися к гари. Весьма правдоподобно, что в уме Виталии или Поли Младшей, на основании исторических сведений, созрел план ответить на церковное торжество 9-го сентября так, как отвечали раскольники XVII и XVIII века на церковные реформы. С этой целью Виталия и Поля Младшая воспользовались готовыми описаниями самоистребления в русском расколе и, подобно учителям XVII века, возбудили известное настроение в терновском скиту и отсюда направили его в терновские хутора. Их личные качества обеспечили им успех печального дела.

В заключение нельзя не высказать некоторых общих мыслей, которые невольно возникают в уме при чтении скорбного сказания о беспримерном несчастье[205 – Как благородно... Да, «беспримерное несчастье», как говорит медик, филантроп, дарвинист, материалист. В. Р-в.], поразившем раскол в лице терновских сектантов. Никогда печальное состояние раскола не обнаруживалось в более мрачных красках, как в терновской драме. Поэтому не должно быть в отношении несчастных сектантов иного чувства, кроме безграничной жалости, и иного отношения, кроме самых искренних братских усилий к примирению и объединению с ними. Каковы бы ни были понятия о расколе с догматической и обрядовой стороны, нельзя не признать того факта, что все держащиеся старой веры — дети того же доброго русского народа, что они строго хранят в себе все его народные черты и остаются верными народному духу даже за пределами отечества.

Ввиду этого истинная забота о них (а не одни догматические словопрения с ними) является самым настоятельным и самым неотложным долгом церкви и государства». — Проф. И. А. Сикорский.

Конец и Deo ignoto[206 – неведомому Богу (лат.).] «слава»...

Примечания

1 Намек на предисловие к только что вышедшей тогда моей книге — «В мире неясного и нерешенного», где я говорю, что пора от «горизонтальных созерцаний» (политических, общественных, культурно-светских) перейти к «созерцаниям вертикальным» (родовым, генерационным, мистическим). В книге этой развита теория пола и вообще выдвинут рождающий, родящий элемент, не очень «чистенький» (снаружи), не очень хорошо пахнущий (общее мнение), но какой-то терпкий, стойкий, неуступчивый, цепкий. Это — пол, говоря литературно и научно, похоть, «похотливость» — говоря «свято-отеческим» языком. Я взял эти (якобы) «нечистые вожеления», от которых христианство отрещивается и «молит Бога» со страхом: и, не пугаясь, — вывел его к свету и сказал: «Отсюда происходит такая чистая вещь, как дитя, — такое единственное в мире по совершенству существо, как младенец». Но если таков плод пола, значит, и весь он то же, что яблонька с золотыми яблочками, что золотоносная земля. Автор письма и кинулся на эту мою «золотоносную землю», крича: «Не надо этой новой Колумбовой Америки, проживем нашим Старым Светом», «он — труден, но — идеален». В. Р-в.

2

Т. е «дики, непривычны и непонятны» корневища, долженствующие быть скрытыми под землю, — когда они выступают наружу, дают себя увидеть, когда на них взглядывают люди, общество... Да, это — «покрывало Изиды» (не долженствующее быть сорванным), мировая стыдливость, мировая застенчивость. «Все этим живем, а как показать — то разбежимся», «все это любим (в душе, про себя, молча), а вслух не смеем не обругать» (был бы сорван покров Изиды). Между тем это показывает, до чего пол — душевен: и душу никто не видит, душа никому не показывается. Она целомудренна, свята. И это, что мы вот «никому не показываем», — столь же целомудренно, стыдливо и никому не показывается, а не то чтобы мы его скрываем. Отсюда так «это» дорого, что, напр., девушка, женщина (а должен бы и мужчина, но он развратился и почти атрофирован в ощущениях пола) легче переносят оскорбления лицу своему, нежели полу своему; порицать, сочинить сплетню, пустить слух о «пятне на поле» девушки — ужаснее для нее, чем если бы был пущен слух, сплетня о лице ее, физиономии, душевных качествах, поступках. Между тем уже из уважаемости материнства, уважаемости во всем свете (кроме, впрочем, христианства), девушка всякая без исключения знает, что «это делать» — хорошо, благотворно, полезно для человечества. Но «не делает», чтобы не получить охулки на свой пол. Это — такая пугливая птичка, которая улетает не от окрика, а просто от нелюбящего, недружелюбного взгляда... «Улетает», как целомудреннейшее в нас. Небесная птичка! И я называю и хочу называть органы воспроизводительности органами целомудрия, манифестациями целомудренности; а что мы разбегаемся при виде их (при обнажении их), то это потому, что мы нецеломудренны, а они-то именно, и притом только они одни в нас и целомудренны. Все тело согрешило (после Адама); и грех не смел только коснуться этих органов; проказа дошла и остановилась на поясе (зоне) этих органов. Оттого «грешный человек» в «грешном состоянии» не знает существа этих органов и не узнает до «жизни будущего века». Только вот знаем, что все отсюда рождается, отсюда — жизнь. В. Р-в.

3

Помнится — это мое выражение из письма к нему. Автора я никогда не видал: но он был младшим товарищем моим по гимназии и в ту пору меня видал. А в некоторую грустную минуту своей жизни написал мне, и меня чрезвычайно привлекло и заняло настроение его души

4

В моем письме к нему я спрашивал: откуда у него такой печальный тон?.. И, как он много писал о «когда-то своей живой жене», то я высказал вопрос-догадку, на которую он здесь отвечает — «да». Таким образом, следя за тоном и переливами этого необыкновенно важного письма, ключа к победе христианства, — мы должны помнить, что его пишет «непоправимо несчастный человек» (слова его о себе) и тяжелый грешник. В. Р-в.

5

См. «Около церковных стен», т. I. Здесь проведен взгляд на христианство как на религию радости — светлую, белую. Как на выразителей белого и черного ощущений христианства указано на старца Зосиму и на завистливого, злого и нелепого изувера Ферапонта («Бр. Карамазовы» Достоевского). Нельзя сказать, чтобы это выражало даже и тогда мой настоящий взгляд на христианство: но я попытался толкнуть к этому белому пониманию его, чтобы увидеть, произойдет ли реакция. Подобно тому как в статьях о браке, печатавшихся в 1898—99 гг. в «Русском Труде» и «С.-Петербургских Ведомостях», я преднамеренно стал «размазывать» половую сторону брака, как бы растирать между пальцами его пахучесть, дабы посмотреть, не чихнут ли «батюшки» и «отцы духовные», он отворотятся ли Церковь и христианство. Отворотились. Как и тезис о белом христианстве вызвал резкий протест в С. А. Рачинском (автор «Сельской школы», Татевский труженик-педагог) и вот в авторе этого письма. У Рачинского это сказало официально; не то чтобы этот взгляд мой («христианство — бело») был противен его душе: но он был противен церковному духу и постольку был противен и душе его. Неизмеримо глубже и страстнее оказался протест у З-кого (автор настоящего письма). Протест этот страшно важен как показатель, что в человеческой душе есть вечные переживания, требующие, чтобы им отвечали в религии скорбные мотивы. «Религия радости», белая, светлая, — режет скорбящего человека (тон письма): не находя себе места в ней — он не находит уже никакого места себе, ему остается «уйти», умереть, наложить руки на себя. Религия скорби, мрака и даже наказаний, муки — ему роднее, его утешает; он вдруг находит «свое» там, свои чувствования, переживания, но возведенные в перл создания (историческое творчество церкви черной, монашества). Находит свое место, живет, поправляется, «воскресает», хоть для старости, хоть для остатка дней. Так. Но это — аномальность. И христианство или Церковь как «черная», монашеская, скорбная — аномальна. Можно и так закончить, что если аномальность есть последствие греха, есть состояние вывиха, то христианство, насколько оно черно, насколько оно истолковано монашеством, — есть вообще религия вывихнутого состояния: оно есть «плач и скрежет зубовой» грешников, убийц, содомитов и вообще всего «Ноева Ковчега», плавающего по океану, в котором собрано «все чистое и нечистое». Но если так, то Церкви нечего рядиться в «ризы непорочности»: совсем напротив... Более и более мы приходим к выводу, что есть две религии: нормы молодости, невинности, энергизма, и религия «охов», «ахов», стонаний умирания, как бы ослабления и опадения дерева после того, как плод спал. Религия мировой весны, религия мировой осени. Но повторяю, в качестве такового «прибежища всего падшего» христианство уже не вправе нисколько поднимать голову над солнцем и молодостью, невинностью и жизнью. И как одни в человечестве могут плакать, другим в человечестве нет причины не радоваться. В. Р-в.

6

Тут есть глубокая правда, но она влечет за собою новые вопросы: да очень ли нужна «норме» религия? нужна ли она как тяжеловесная, длинная, емкая? Какая была религия в раю? Видели Бога, общались с Ним — и только. Ни — Филарета, ни — долгих служб. Язычество и было от этого все коротко, немногоступно — и отступило перед христианством, «религиею грешников», как пресные воды ручьев и речек отступают и подаются перед горьким океаном. Вода в океане зеленая, соленая. По нему плавают корабли. Происходят на нем битвы. Так. Правды — нет. Счастья — нет. Но есть сила. Таково христианство. Все же «норме» и невинности просто с ним нечего делать. Да и оно, при всей глубине и силе своей, не может отринуть, что не в нем дело, оно только — стадия, для скорбей и пока скорби: и что выше его, как вечность и венец, малодумное и ясное язычество. Да так ведь и само Евангелие кончается: заключением к нему стоит Апокалипсис, и в нем появляется Небесный Иерусалим, у его обитателей-небожителей — белые одежды и пальмы в руках, и ходят они «на воды живые», т. е. просто — живут как есть. Да и в жизни нашей не так же ли? Когда избудут болезнь — уходит доктор, выносят лекарства, прибирают, убирают дом, открывают форточки. Все становится проще, яснее и — лучше. Нет ли тут религии? есть ли она? Богоощущение — есть; а религия, по крайней мере христианство, — ведь оно и было только лекарством, которое для чего же употреблять в нормальном состоянии? И сам Иисус не называл ли себя «врачом» «врачующим», — в котором «имеют нужду больные» и eo ipso' [вследствие этого лат.], в котором не нуждаются нормальные, спокойные, ясные... В. Р-в.

7

Да почему утети «смакуются», а вот пост не «смакуется», инквизиция не «смакуется»? Приложили термин пошлости и думают, что победили. Это есть просто — тезис, положительная жизнь, свет. Иной скажет: «Ах, свет — он идет от сальной свечки, вы им пользуетесь и, значит, стоите за сало, сальность». На такое остроумие нечего отвечать. Бесскорбная жизнь нужна между прочим для того, чтобы не разозлиться. Я скажу, что бесскорбный путь нужен для того, чтобы дойти к святости и правде. Довольно с вас? И замолчите. Нет, недаром многоженные татары так благодущны (это все замечают) и недаром такое благодущие царит в многоженном Ветхом Завете. В. Р-в.

8

Для вас — «ниспадания», а по-моему — восхождения. Вы не можете доказать, а я не хочу доказывать. Стол должен быть сытен и вкусен, жена добра и красива, дети — хороши и их много, деньги в достатке и с запасом, дом для себя и для гостей. Иначе, иной путь ведет вовсе к необеданью, бездомности, убоганию от соседства, к выгону гостей или всеобщему раззнакомленью. Отвратительно — и не понимаю, почему «божественно». В. Р-в.

9

Ну, поехал монах на своей метле. Никуда не приедет, кроме киевского шабаша ведьм (инквизиция, монастырские затворы, пытки и

10

Поразительно верно и глубоко. Христианство ничему не радуется, кроме себя. Ничему не сочувствует иначе как нехотя, negliжерски и высокомерно. Начиная с Евангелия, появился «Лик Христов», и потянул к себе любовь человечества, и не осталось этой любви у человечества, не осталось для себя (самосогревание) и своего (культура). И похолодело человечество и потускло. Уже у ап. Павла, несмотря на его пышные фразы о любви, какая любовь к своему народу? к старенькому, ветхонькому у евреев? Никакой. Так и византийцы пришли и затоптали у славян песни, хороводы, сказки... «Ничего не нужно, кроме нас». Так эти «спасители» человечества прошли смерчем по человечеству. И где прошел смерч — поломанные деревья, павшие хижинки; зато «купола» на губернских кафедральных соборах блистают сусальным золотом. В. Р-в.

11

Да, пора давно разглядеть подлинный смысл этого «первого чуда в Кане Галилейской». Во-первых: при чем тут брак?! какую играют роль брачующиеся, родители их, семья? Никакой. То же, что «море» во время «чудесного улова рыбы Петром». Это просто среда, обстановка чуда, и говорится не о браке, а о чуде («я», «мы», «наше» — а не люди и людское). Но человечество до того жалко и грустно побежало за этим «чудом в Кане Галилейской», обрадовавшись, что «и Он, Спас наш, не отвергал наших маленьких радостей, вот позволил человеку жениться и иметь детей»... Боже, какая перемена после Ветхого Завета, где человеку не «позволяли», а требовали от него сладкого и ему самому умножения, размножения, плодородности! Какое тогда было совпадение божеского и человеческого, «примиренность» небесного и земного. В. Р-в.

12

Вот! И не нужно скорби, а только эти «наивные белые платица», и пусть бы еще с цветами, с цветами в руках и у ног их. И везде — цветы, эти распускающиеся бутоны, белые, желтые, сиреневые, голубые, всякие. Около детей — родители, около бабок — внуки. И соседи. И домашние животные, помогающие человеку в труде, сопутствующие ему в жизни, — тут же. Какое чудо Бог сотворил, давши человеку в путь и в помощь «домашних животных», с этим инстинктом к «домашности» и к следованию за человеком. Да, эти зоологические чудеса не меньше «Каны Галилейской». Я не понимаю: к чему в эту полную чашу бытия вводить непременно и преднамеренно скорбь? Ну, придет смерть — умрем: она уже побеждена тем, что мы, двое умирающих родителей, оставляем четверых детей. Арифметика... Но она имеет и параллельную мораль: ибо если мы двое совершили сто добрых дел, то отчего детям нашим не совершить четыреста добрых дел? А если они или кто-нибудь из них совершит дела худые, то лишь бы женился: его дети натворят дел предобрейших. На ржи бывает спорынья; но ржаное поле мы все называем «нивой Божией». Ею питаются, ее благословляют. Довольно, довольно проклятий, Голгофы, — проклятий и проклинающих! Устали люди, прошел дождь. И вот — радуга, «соединяющая землю и небо в знак того, что еще потопа не будет». Но вот автор письма, с его, по-видимому, преступлением позади («убивец»), притом близкого, любимого существа, и безутешной скорбью сейчас? Из нас отделится один, лучший, — и пойдет за ним и с ним, во весь его долгий путь жизни, и даст грудь ему в подушку на ночь, а днем будет кормить его и работать на него. Скорбящему — утешение, дружба, помощь: скорбящему и — преступнику. И преступнику — никакого зла! Боже, как не понять, что преступление есть уже величайшее несчастье, что это — болезнь, подобная чахотке и раку, болезнь биографии, при которой счастье индивидуума органически расстроено! Преступление есть уже наказание, и преступник есть несущий наказание. Подобно тому как малоспособность и идиотизм есть несчастье и никто таких не сечет, так догадаются со временем, что и наказаний как чего-то преднамеренного и систематического (тюремное ведомство) не должно быть. Хотя и останется естественный факт человеческого негодования, и простой суд соседей, толпы, улицы. При общей кротости, разлитой в населении, он не будет суров и будет редок. И из законов останется только один: «не раздражай ближнего». В. Р-в.

13

сжался (лат.).

14

к вящей славе Божией (лат.).

15

Странное письмо и странная подпись. Автор — очевидно, русский, петербургский чиновник (судя по штемпелю на конверте), убежденный чиновник (подпись). Он остановился на эстетике мрачного, примеры которого откуда же и взять, как не из католичества. Но встав на сей путь — он уже похвалит инквизицию. «Жестоко, но красиво»... В тоне — и шутка, и серьезное. Начинает с шутки, а кончит серьезным. Католичество никогда не могло серьезно осудить auto-da-fe: «слишком красиво»... Тут начинается с полшутливых возражений гуманистам, филантропам, «людям мелкого ума» и недалеких созерцаний: и может зайти в такие бездны ужаса, что сердце поледенеет. Бедные честные русские — сами себя жгут; католики и «бюрократ», конечно, — другого сожгут! но, главное, если кто другой сам себя сожжет — они полюбуются и, ей-ей, не найдут сил в себе ни возражать, ни остановить: «слишком красиво». Остановит или помешает какая-нибудь «прозаическая душа», вот рыбак, вот урядник (см. ниже) — еще не углубившиеся в бездны христианской эстетики (Голгофа). Следом за этим письмом мы помещаем выдержку из эстетика-Леонтьева («Восток, Россия и Славянство»), где он хотя и покачивает головой, но явно любит или задумывается над случаем, еще ужаснейшим, чем самосожжение и инквизиция. И «случай» этот — тоже под впечатлением начитанности в «священных книгах»... Странное «священное писание», приводящее людей к 1243; к самоубийству, к 1243; к убийству. Заметим, что это — не Библия, животворная, животворящая, живородящая: это все «свои размышления» старцев, Отцов и «учителей Церкви», размышления над Евангелием, крестом и Голгофою. В. Р-в.

16

Что такое «фанатизм»? Только сильнейшая вера — вера, доведенная до равенства с реальным ощущением. «Верю в Рай как бы вижу

его, верю в ад как бы вижу его, верю в Бога как бы говорю Ему и от Него слышу». «Фанатизм» в истинной, и святой, и плодотворной вере может поэтому только привести к удешевлению плодов ее, т. е. к чему-то изобильному и благодатному до изумительного, до блаженства, до полного счастья. «Фанатизм» человеколюбивой веры заставит всю жизнь отдать состраданию и помощи ближним; «фанатизм» миролюбивой веры заставит новобранцев-рекрутов поломать данные им казенные ружья или закопать их в землю (наши толстовцы на Кавказе), «фанатизм» чадородия выразится в многоженстве (Ветхий Завет, мусульмане). Вообще какова вера — таков и «фанатизм» ее, белый или черный, плюсовой или минусный. — Но странный «фанатизм» Православия т1243; там, т1243; здесь приводит людей, напр., не к многоженству, а вот к истреблению и своего единоличного существования, к истреблению вообще живого, через самосожжение, самрутопление, самоудушение. В. Р-в.

17

Полное Православие — и совершенно нормальное, без всякого сектанства. Это показывает, что и в сектанстве случаи самоубийства, уже чрезвычайно частые, выросли на почве нормального Православия, но «фанатичного», горячего, пылкого, равнодушного. В. Р-в.

18

Идея «геенны вечной, где будет огонь неугасимый и плач и скрежет зубовой», — впервые была принесена и «обещана» Иисусом: ее нет в книгах Ветхого Завета. Это — новое. В. Р-в.

19

Еще и суд!! Ну, а объяснить дело, подняв другие горизонты на религию? Пожалуй, за это — тоже «суд», ибо таковое разъяснение уже означало бы «ересь». О, судьи! судите вы темных, судите и просвещение; и неужели, неужели не найдется и на вас если не «судьи», то осуждения?.. В. Р-в.

20

Да уж он сам себя уморил ужаснейшим видом смерти, к какой приговаривали личных врагов лютейшие из средневековых деспотов-разбойников. Какого же еще хочет ему наказания К. Леонтьев? Но, виноват: Леонтьев, врач и писатель, принял тайный постриг на Афоне, жил долго в Оптиной Пустыни и умер в св. Троицкой Лавре. Таковые, как бы ни страдал человек и человечество, все хотят еще подсыпать «угольков» ему. В. Р-в.

21

Автор, профессор медицины, берет слово «секты», «сектант» в чисто паспортном смысле: не углубляясь в то, что, раз «секты» и «сектанты», все в одном и том же направлении, появляются и в XVII веке, и в XVIII, и в XIX, и на юге в пяти верстах от шумного городка Тирасполя, и в снежных пустынях Архангельского края, — то, очевидно, здесь уже не в «Ковалеве и его родных» дело, а в религиозном дуновении, которое захватило и Ковалева, — захватило Тирасполь, Архангельск, Россию, Грецию, части Сирии, Африки и всю Европу; но, захватив, «инде находит почву, покрытую камнем», инде «птицы (— иные впечатления, школа, книжки, житейские хлопоты) расклеивают зерно», — и только в некоторых местах, семьях, в единичных душах находит «почву добрую, глубокую, рыхлую», где привившись и свившись и вырастает... в тираспольские явления! «По плоду узнаем корень» — можно с грустью прибавить. В. Р-в.

22

Никакого горя, нужды, угнетения земными обстоятельствами не было. «Вольные смерти» — чисто по внутреннему порыву, по религиозному вдохновению! В. Р-в.

23

«Старая вера», «ищем старую веру» — это у русских только «ищем истинную веру», «как заповедал людям Христос», «как Он, Батюшка, Спас Милостивый, хотел». Проф. Сикорский опять берет старообрядчество как паспортную кличку — отказываясь углубиться не в свою тему. В. Р-в.

24

Значит — вековой достаток, вековой покой: о котором Бокль заметил, что «благосостояние способствует углублению умов и зарождению наук и философии». Ковалев и его ближние пошли дальше «азбуки» и «складов» в Православии — и кончили тем, чем кончили. «И почва пышная, и солнышко грело»... В. Р-в.

25

Вот! Безбрачие, воздержание от имени, от порождения детей — есть первая или, скорее, сердцевинная ступень «сухого дерева», «огненной лестницы». Кто этим начал, и не остановится и будет последователен, уже непременно дойдет или до «самозакапываний» или до «самосожжения». «Если детей не надо, то почему я надобен? Кому?!» Не надо молодых веточек, не надо плодов — и ствол тогда не надо. «Руби все сплошь». Очень последовательно. Но безбрачие — сердце христианства (девственное зачатие Иисуса, девство Бога-Иисуса, завет Его о девстве же, Матф., 19). — Поэтому — «руби все сплошь», ибо «Я победил мир», «ныне суд Князю мира сего» и «не любите мира, ни того, что в мире». Все это составляет самую суть Христова пути, до времени скрываемую от малосмысленных и постепенно открываемую (в монашестве) только углубляющимся. «Царство Небесное подобно жемчужине, нашедши которую купец продает все свое имущество, чтобы приобрести ее одну». «Марфа, — ты заботишься о многом, Мария же избрала благу часть, которая не отнимется от нее», или, как сильнее сказано в славянском тексте — «избрала единое на потребу». Вот этих метафизичнейших мест Евангелия никак не удастся и никогда не удастся затоптать или обойти сторонникам «любви к ближнему», «возлюби ближнего своего как самого себя» и прочих троизмов, ничуть не новых и не оригинальных в устах Иисусовых. В речениях Иисуса мы должны различать чужие

и свои, Его собственные: эти-то и есть главные, а не великолепные трюизмы Востока или аксиомы Ветхого Завета, попутно задеваемые, повторяемые. Так лесник, рубя лес, несет на сапогах листву леса же. Мы, мирские, — и собираем листочки с сандалий Иисуса: но монастырь знает, что делает, когда смотрит только на топор, заткнутый за поясом дровосека. В. Р-в.

26

Вот! Курсивы в тексте ставлю я, чтобы показать, что эти «сектанты», изуверы и «сумасшедшие» суть просто люди монастыря и монашеского духа, но огненно-увлеченные, в противоположность тепло-хладным «православным» (официальная церковь). Что касается обвинений в «сумасшествии» (психиатры, ученые, культур-трегеры), то ап. Павел за 2000 лет предусмотрел и отразил это обвинение: «В мире мы будем казаться безумными», «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрое, и — немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное». Вот перед такими метафизическими строками, заставившими все человечество воскликнуть: «Священное Писание! Новое священное Писание» — повалились целые библиотеки, а не то что «экспертизы» и «r1233;sum1233;» толпы медиков. Монахи знают, чему они смеются, когда смеются. Точнее, они знают, почему никогда не смеются. В. Р-в.

27

Буквально катакомбы! И никто-то, никто не зарисовал, не дал плана этих наших русских «катакомб»... В. Р-в.

28

Вот! Ну, а внешний вид иконописи православной? а черные иконостасы с изможденными лицами чт1243; говорят? чт1243; говорят напевы церковные? Везде мрак. Вспомним грусть и трепет молитв — «От юности моя мнози борют мя страсти», «Се жених грядет в полнощи», вспомним — и тогда мы без труда поймем, что «обуреваемый страстями» юноша, девушка кинутся хоть через огонь навстречу «Полнощному», «Скорбному Жениху» и прильнут устами к его ранам, которыми Он иносказательно уже показал человечеству путь для соединения с Собою. «Он истек кровью за человечество, мы истечем кровью за Него», через кровь Он соединился с человечеством, мы через кровь же соединимся с Ним». Причем тут «сектанство», «секты»; это прямой путь Православия, не который зовут — но не грубо и прямо, а поэтически и иносказательно — все молитвы, напевы, посты, постничество, образа, все! Монастырь есть как бы Альпы христианства: а в Тираспольских плавнях поднялась острая игла этих Альп. В. Р-в.

29

И из монастыря гулять не ходят. «Тесное житие» есть продолжение поста, и как пост, так и монастырь, оба оканчиваются и завершаются в могиле. «Тесное, самое тесное житие! Три аршина длины, аршин ширины — жилище праведника, наконец-то праведника, коим сделался человек, став трупом». Фанатики католицизма говорят: «cadaver esto» [«да будет мертвым» — лат.]; наши же по обычаю не договаривают, но любовно — как бабочка около огня — кружатся около этой же формулы. В. Р-в.

30

Специалисты христианства, специалисты староцерковного духа, идеалов и буквы; без «плевел» и «камня». У нас с проф. Сикорским есть и «плевелы», в качестве лекций, журналов, газет; да и сердце покаменистее. И потому мы только научно исследуем все, не очень «отдаваясь молитве»... В. Р-в.

31

Поразительно, что все это исследует медик-психиатр, с любопытством к психиатрической стороне явления. Но где же любопытство православных? в духовных журналах, в лице профессора духовных академий? В. Р-в.

32

Вот! Это — всероссийское явление, острая вершина «Альп», раскинувшихся от Белого моря до Черного, от Атлантического океана до Великого. Везде есть прозелиты этого духа и учения (см. выше историю крест. Куртина во Владимирской губернии, случай с крестьянской девушкой возле Петербурга). А Сикорский пишет: «местное сумасшествие», да и православные богословы отмахиваются: «местное изуверство». В. Р-в.

33

Замечательно! До чего это трогательно! По естественным условиям природы внешней (климат, почва) и внутренней (предрасположения души) — какая это почва для роста добрых, великих, святых дел! Но на ниву естественных условий пришел «враг» «не от мира сего» и всеял в них «плевелы» своего учения: и погубил ниву, погубил до ужаснейшей смерти прекраснейших людей! В. Р-в.

34

Удивительно! Никакого в собственном смысле изуверства нравственного, сектанства нравственного не было: «натура» у этих людей языческая, «своя» собственная, «от батюшки с матушкой», и она — святая; заражен только ум, идеи, «убеждения», склонившие дерево вопреки росту в сторону, — «не любите мира, ни того, что в мире, ибо все в мире — похоть плоти, похоть очей и гордость житейская» (Иоанн, II, 16)... До чего сильно! Уж это не вяленькое-старенькое «возлюби ближнего своего»... Эта новая бурная «благая весть» и сорвала крону дерева в приднестровских плавнях, крону «древа жизни», языческую: и все и всех потащила в ужасные могилы. В. Р-в.

35

Удивительно... Золото русской природы: именно и не «деловитая», не — «практическая», хотя вместе, судя по всему очерку, — и деловитая, и практическая, но не утороплено, не жадно. Таково и было спокойное язычество, таков был спокойный рай. «Солнышко

восходит, солнышко заходит — наше утро, наш вечер, — и вчера и завтра». У Ковалевой — дети — семьянинка; прозелитизм — не от нее, она сама подпадает под вихрь девы (схимницы) Виталии (см. ниже) и ломается в судьбе своей, в своем характере, этим знойным, другим, «истинно христианским» (девственным, безбрачным) вихрем. Обратим внимание, что и пытавшаяся сжечь себя около Сергиевой Пустыни была девушкой, переодевшеюся в мужское платье (не монахиною, а монахом). Эти факты, как и бездна других подобных, все указывают на один источник: пламенная религиозность, и именно в этом духе вражды к полу, к миру, в духе, скопчества, — рождается в точке, где мы имеем не самца-мужа или деву-самку (будущую жену, будущую мать), а встречаем деву на переходе в юношу, которая никакого влечения к мужу не имеет и матерью никогда не станет («скопцы от чрева матери»). См. далее характеристику мужественной Виталии. Это суть лица третьего пола (не мужского и не женского): и в них-то и лежит ключ ко всему. В явлении 3-го пола лежит фундамент всех этих «дуновений» истории, которые в своем роде суть такое же «откровение» этой *naturae tertiae* [третьей природы — лат.], как до христианства мы имели «откровение» *naturae primae* и *secundae* [первой природы и второй — лат.] (мужской и женской). В. Р-в.

36

Вот! Языческие овцы, полуязыческие столпились и блеют над жертвою «истинно-христианского» отречения. В. Р-в.

37

Вообще женские монастыри — как все замечают — удачливее, идеальнее мужских. Это можно сблизить только с тем, что состояние вечного, неразрушимого девства («скопцы от чрева матери») как проявление 1959;1973;1961;1945;1957; истической [уранистической] организации, полно-половой, а не половинчато-половой, по наблюдениям медиков и биологов, вообще чаще встречается у женской половины рода человеческого. В. Р-в.

38

Эта уж и «практична», и «деловита», ее «на все хватает», и она «везде поспела». Какая-то универсальность и закругленность — как именно у полно-полых, как это вытекает из сути не «половинчатости». Она — дева; и, уж конечно, при ее уме и характере — сумела бы сыскать «женишка», если бы хотела и нуждалась. Но и не хотела и не нуждалась. Читатель не преминет отметить 1959;1973;1961;1945;1957; истические черты в ней: напр., таинственное тяготение ее к девочке-подростку и девочки-подростка к ней, при очевидном отсутствии идейной, умственной, вообще взрослой и деловой связанности. Но — «тянет»; есть «склонность», «симпатия», разумеется остановившаяся на воздушной черте и не сгустившаяся во что-нибудь твердое, во что-нибудь физическое и осязательное. В. Р-в.

39

Я не прибавляю ни слова. Это говорит медик-психиатр, объективный наблюдатель, которому 1959;1973;1961;1945;1957; истическая нить в описываемых событиях не приходит на ум. Обратите внимание на «огромное влияние» на деву, которая сама подчинилась своему влиянию всю округу, — и вы остановитесь перед этим как перед одним из тех чудес, какие рассказываются только об 1959;1973;1961;1945;1957; истях. В. Р-в.

40

Ну, обычное «медицинское» объяснение... «Гоголь умер потому, что читал аскетические сочинения, а не Фейербаха и Молешотта» и проч. «Поля знала грамоту и читала газеты — и от этого получила влияние на Виталию». Такая, подумаешь, премудрость в газетах и гражданской печати. Впрочем, что же: ведь «газеты» влияют даже на профессоров, наконец, и на профессор-психиатров, которые другой раз только «по газетам» и думают: и уж куда тут устоять бедной Виталии против такого монстра. В. Р-в.

41

«Сведениями и объяснениями» — гипотеза проф. Сикорского, не подтвержденная никакой ссылкой. В. Р-в.

42

Вот это — главное, в этом — все. Все остальное, «практичность» и проч., — «приложилось». Одушевленный воин нашел и оружие, и амуницию, и обоз. В. Р-в.

43

Проф. Сикорский не знает, что «о худших еще временах», в этом тоне печали и угрозы, заговорил (впервые в истории) И. Христос; что от «печали и ужаса» близких «времен антихриста» почти сходили с ума в первый христианский век; и так это настроение — т1243; оживляясь, т1243; замирая, в зависимости от почвы «каменистой» или «уготованной», но никогда не прекращаясь, — живет и до наших времен. Как бледны слова Виталии перед этим Иисусовым громом:

«Когда некоторые говорили о храме, что он украшен дорогими камнями и приношениями (начало роскоши, начало богатого в мире, «истинно-языческого» довольства), — Иисус сказал:

«Приидут дни, в которые из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне; все будет разрушено».

И спросили его: — «Учитель! когда же это будет? и какой признак, когда это должно произойти?»

Он сказал — «Берегитесь, чтобы вас не ввели в заблуждение; ибо многие придут под именем Моим, говоря, что это Я, — и это время близко; не ходите вслед их.

Когда же услышите о войнах и смятениях, — не ужасайтесь. Ибо этому надлежит быть прежде, — но не тогда еще конец.

Восстанет народ на народ, и царство на царство; будут большие землетрясения по местам, и глады, и моры, и ужасные явления, — великие знамения с неба.

Прежде же всего возложат на вас руки и будут гнать вас, предавая в синагоги и в темницы, и поведут пред царей и правителей за имя Мое (какая точность предсказания — в том числе включая даже и «землетрясения», чт1243; так близко к извержению Везувия, бывшему при императоре Тите, в пору, почти совпавшую с падением Иерусалима).

Преданы также будете и родителями, и братьями, и родственниками (какое разъединение кровных уз! восстановление родственников друг на друга, априорное еще до факта! И вечно «помешали родители и родственники» чему-то совершиться «Христову», везде эта как бы входящая в «древо жизни» распорка, клин).

И будете ненавидимы за имя Мое.

Когда же увидите Иерусалим, облагаемый войсками (какая точность!), тогда знайте, что приблизилось запустение его (какая точность!).

Тогда находящиеся в Иерусалиме да бегут в горы; и кто в городе — выходи из него; и кто в окрестностях — не входи в него. Потому что это дни отмщения, — да исполнится все написанное.

Горе же беременным и питающим сосцами в те дни; ибо великое будет бедствие на земле и гнев на народ сей. И падут от острия меча; и отведут его в плен иные народы; и Иерусалим будет попираем язычниками.

И будут знамения в солнце, и луне, и звездах, и на земле; уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится.

Люди будут издыхать от страха и ожидания того, что грядет на Вселенную; ибо силы небесные поколеблются» (Лука, XXI).

Это нагнетание страха на человечество — одна из метафизических сторон Евангелия, далекая от морального рационализма «возлюби ближнего своего». Страхом этим, как плугом, прошел наименовавший себя «Сыном Человеческим» по сердцам человеческим: и разрыхлил «почву» для принятия особенных семян своего учения. В. Р-в.

44

Все по Иисусу. Точь-в-точь. См. приведенный из Ев. Луки отрывок. В. Р-в.

45

Слезы страха, безнадежности. «Чего ждать?! Все погибает». Хорошая языческая почва и дрогнула перед напором этого страха, мирового-исторического в I-м в. по Р. Х. и индивидуально-морального у всякого вновь обращаемого до сих пор. Таким образом, «обращения» совершаются не путем «любви к ближнему», не через указание на какой-то «рай» впереди, а, скорее, через указание на ад впереди и путем разгона «любви к ближнему», который (разгон) есть основательный фундамент для этого трепета перед адом. Да ведь так это исторически и было. В России, в Англии (Нортумберланд), всюду Евангелие принималось вовсе не с умилением и в спокойствии, а трепетно и в страхе. И до настоящего времени всякая «реставрация христианства» опирается на возбуждение чувств страха и неуверенности. Спокойствие — это язычество, трепет — это христианство. А «любовь к ближнему» тут ни при чем. В. Р-в.

46

Нужно ли доказывать, что «культ Мадонны» по преимуществу выработан был и поддерживался мужчинами (вечный мотив этого культа передан в стихотворении Пушкина «Не множеством картин старинных мастеров» и Лермонтова «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою», а Иисусово поклонение, начиная с жен мироносиц, порывисто внесено было женщинами, внесено и пронесено по всей истории (св. Берта, св. Ольга, св. Клотильда). И вот, отмечая эту сторону, мы не можем не поразиться, что всякий раз, когда в смешанной человеческой толпе перевес берут женщины, они склоняют религию в сторону жестокости, самоистязания. Так как женщины вообще нежнее и мягче мужчин, то нельзя не отнести этого явления к той причине, что преобладание женщин в то же время являлось преобладанием Иисусова поклонения над Богородичным: и это не они, а оно приводило к жестокости и мраку, как это случилось и в Византии. До какой степени это основательно, можно видеть из того, что в единичных видениях и снах, если являлась Богородица, то она утешала или радовала, она всегда была «всех скорбящих радость»; напротив, если являлся Иисус — то он угрожал или требовал себе жертвы. Теперь, если счесть эти видения призраками, «показавшимися», от бл. Иеронима до казанского юноши (см. выше статью «Случай в деревне», начало), то ведь показаться могло только ожидаемое, и возникло оно от чтения Евангелия, от углубления в него. Т. е. в Иисусе главное, что Он хочет от человека жертвы, жертвы страданием. «Голгофа» Христа — это одно, и это всего миг; но за нею пошла Голгофа человечества, «во имя Христа» — и она уже тянется тысячелетия. Крест, к которому пригвожден был Он, — это опять одно, и всего три дня; но он повлек за собой «крест человечества» — и опять этому насчитывается девятнадцать веков. В. Р-в.

47

Общие христианские ожидания, ничуть не местные. Конечно, Феофан Прокопович в это не верил, так как он был только лизоблюд. Но всякий посерьезнее христианин постоянно живет этими чувствами. В. Р-в.

48

Стоящего на краю пропасти — тянет в пропасть, хотя он и знает, что там — смерть. Ибо тоска ожидания часто непереносимее физической муки. Однажды в доме у меня был тяжелый больной, близкий и дорогой человек (сам меня не любивший). Ошибившись в признаках и в толковании уклончивых слов докторов, я заключил, что больной «вот в эту ночь задохнется». С вечера и в ночь, когда я

наждал, что это непременно случится, тоска моя дошла до такой непереносимости, что я начал желать, чтобы это скорее случилось, чтобы больной вот теперь умер, сейчас, в эти минуты, не протягивая на всю ночь. Но христиане, которые не могут же не верить мрачным предсказаниям Христа даже о «колебании стихий небесных», не могут не жить постоянно как бы на краю ужасного мирового обрыва — такой «пропасти», перед которою чт1243; расселины гор или решеточка на краю колокольни. «Все упадем туда! Непременно! Он сказал, в этом — Церковь, религия!» И многие, не вынося этого ужаса, бросаются вперед сами. Вот, собственно, простая разгадка терновских самозакапываний. То же чувство, как у меня тогда ночью, ужаснее которого я не помню. Но бедные наши «сектанты», а в сущности, просто пламенно верующие — они эту непереносимую муку ожидания носят годы: и дивно ли, что многие-многие уже прижизненно мешаются, сходят с ума, оставаясь наружно здоровыми (в том числе Гоголь, замученный страхом, как передают современники-друзья его). В. Р-в.

49

Опять проходит 1959;1973;1961;1945;1957; истическое веяние. В. Р-в.

50

Значит, не просто «жила на побегушках», а влияла на людей такой каменной организации, таких громадных сил. Где не возьмет сильное, там возьмет милое. См. и у Достоевского — старец Зосима и «милый отрок» Алеся: верно подмеченная черта монастыря, монашества, где всегда ютится одно возле другого 60-летнее и 16-летнее. Ничего тут худого нет: но я настаиваю, что это 1959;1973;1961;1945;1957; изм в его ранней фазе, зародышевом состоянии, в каковом и вообще он не имеет «ничего худого», сказываясь поэзией, нежностью, скрепляя людей, согревая и осчастливливая их. Но это — земля, почва России или Эллады, и тут ни «любовь к ближнему», ни Христос не играют никакой роли. Между тем из монастырей, и именно из поэтической и лучшей их части, люди разбежались бы с ужасом, отвращением и скукою, отними из них этот 1959;1973;1961;1945;1957; изм. Так-то там, где не подпирают бревна, подпирает тонкая тростинка. Добавим и обратим внимание, что страх самим остаться без отроков и отроковиц был так велик у всех Святых (обычно старцев и стариц), что между ними не нашлось ни одного, кто дал бы этот простейший и ужасный по жестокости совет: во избежание «греха» разделить в разные монастыри старцев и отроков, устроить монастыри по возрастам, а не по одному полу. И до сих пор правительство церковное знает официально об «известном пороке», но оно не решается прибегнуть к этой легкой мере разделения. Таким образом, увы, — не столько «Небо греет землю», сколько «земля греет Небо», и только нужно постигнуть это глубоко и нежно, без пошлости и анекдота, постигнуть сердцем, в быту... вот как монахи постигают это в сокровениях сердца, в помышлениях умственных, чтобы сказать если и не «осанна!», то просто и житейски: «что же, холодно — будем греться около огонька, какой есть». Впрочем, моя собственная мысль простирается в более положительную сторону. В 1959;1973;1961;1945;1957; изме есть и анекдот, сало. Его я всемерно отрицаю и не имею на него взгляда иного, чем мир, гнушающийся этим. Но есть тут и тайна, глубокая, какую не начала даже разгадывать наука. На фундаменте 1959;1973;1961;1945;1957; изма вырастает такая глубина и чистота, «духовность» отношений и связи, кажется не всегда переходящей в физическую, или и перейдя — сохраняющей свою духовность и высший идеализм, что слово осуждения решительно бессилеет при виде конкретных примеров, и разорвать эти связи так же нельзя решиться, как зарезать живого человека или разъединить невинных жениха и невесту, «запретить любить» Ромео и Юлии. Отвлеченно и издали — осуждаем, а взглянув и вблизи — сочувствуем, как всему стягивающему людей в ком горячей и живой земли, питающей все доброе и ничего худого, родящей таланты и искусство, рождающей музыку и вдохновение, и, кто знает, даже не молитвы ли? По крайней мере, трое русских, положивших большой камень в движение Православия за вторую половину XIX века, авторитет коих в духовной литературе, в духовных сферах — непрекаем и отчасти народен (воспринят народом), — страдали этим недостатком или наслаждались этим счастьем, и все трое — по Апокалипсису — остались «не оскверненными женщиною» (врожденная аномалия пола). Аномалия эта потому только и осуждается, что неизвестны имена: откройся они — и все воскликнут: «Этих невозможно осудить!» Но, как это они считали в себе тайною — то и я не стану открывать имен их. Замечу только, что один из них есть великий деятель церковного пения, другой всю жизнь собирал мельчайшие подробности о жизни святых и вообще подвижников церкви, третий был гениальным защитником византийских церковных начал, устоев, духа. Все трое выше всего ставили монастырь и неудержимо влеклись к нему. Все трое были страстными уранистами, у двух (††) с переходом в физические связи. Имена эти всей России известны, всеобщие чтимы. В. Р-в.

51

Ужасно! Просто дрожит сердце! «Доченька, иди в могилу заживо: и я — с тобою». Какая нежность, какая печаль, и кто ужасный мог навести на человека эту печаль! Безжалостный, безжалостный! В. Р-в.

52

Вот главный мотив: «откажемся от веры». В устах этих людей как бы живые стоят стоны Апокалипсиса и Иисуса о том, чт1243; «будет со всяким, кто откажется от веры в Иисуса». В. Р-в.

53

Во внутреннем значении — совершенно ничтожным. Это батюшки закивали: «Все — перепись! Мы — при чем же?» Между тем «мы» и были настоящею и единственною причиною, как выражается ниже проф. Сикорский, «самосожжений», «самоутоплений» и вообще «самоистреблений» и «в XVII», и «в XVIII», и в XIX веках. Ваши черные книги, какие вы сунули народу в руки, и ад, а не рай, вами проповедуемый, — все это и повело к болезни страха, к печальному заболеванию отчаянием, высшим религиозным отчаянием, мировым, от которого и погибли эти люди, чистейшие, нежнейшие из людей. В. Р-в.

54

Угроза, страшнее которой действительно и представить нельзя. А ведь они были верующие, верующие! Несчастные! Ну и что же, «вера ваша спасла вас»? Пришел «Утешитель, Дух истины»? Никто не пришел. Уползли вы, бедные, в могилу, и умерли, с какою верою умерли! Эта смерть, может быть, есть самое ужасное и самое значительное событие XIX в., куда важнее Наполеоновских войн! Как смерть Сократа была потрясающе, многозначительнее Пелопоннесской войны, многоценнее и многопоследственнее ее — так и смерть этих

терновских бедняков куда сильнее смыслом всей дипломатики XIX века, воплощенной пошлостью. Такой народ, со способностью такого восприятия, такого слышания, — если этот святой народ услышит с Неба ли, от человека ли настоящее живоносное слово, он повернет около себя весь мир, всю мировую историю, как около оси вертится земля. Но где такое слово? Увы, эта печальная смерть непререкаемо убеждает, что «Слово», принесенное ему, которое он счел за «Слово Жизни», — на самом деле есть, было и будет «Словом Смерти»! Вот это-то доказательство, если бы мы были к нему внимательны, и уравнивает смысл смерти тридцати терновских Сократов со смертью афинского мудреца. В. Р-в.

55

А что же батюшки? Прочитали ли хоть? Непостижимо, что делается в головах и сердце нашего духовенства. Это какая-то шестая раса, неслышанная. В. Р-в.

56

Какие нежные названия! До чего из всех свидетельств видно, как нежны и деликатны были эти кротчайшие из людей. В. Р-в.

57

Какое чувство! Какие слова! Решительно, что-то еще не слышанное в истории. Какая любовь к своему ребенку и живое чувство, что вот «Антихрист — там, Христос — здесь». В. Р-в.

58

«Яма», вм. «могила», как-то еще страшнее. Свое слово, — выдавившееся при живом личном представлении своей будущей судьбы. И все у них «свое», у этих людей, — новое и оригинальное. Никаких повторений и ничего «с чужого голоса»; хотя все и течет параллельно и к тому же концу со старыми самосожигателями и самоутоплениками, под давлением тех же одних причин. В. Р-в.

59

Да вовсе и не «замаскированное», а прямо и просто — самоубийство, как в самосожжениях, самоутоплениях. Тут важно, что эти послушные люди боятся нарушить очевиднейшую волю Божию, данную в факте: Бог дал жизнь (общая вера народа), человек рождается, чтобы жить. Но буря наклона к самоистреблению так велика, что сметает эту аксиому самоощущения, и послушные люди только цепляются за форму, за подробности самоубийства: «Все же не сам и не своею рукою я зарезу себя, я удавлю себя, сожгу себя». Сожжет «огонь», утопит «вода», задавит «земля»... И нет мысли, что ведь и эти стихии должны быть безгрешны, что нельзя делать убийцами воду, огонь и землю, данные человеку на потребу. Но стихии уже мертвы в христианстве и бесчестны, вслед за «погаными» животными, которых Иисус выгнал из Храма под предлогом отвращения к сребролюбию торговцев. В. Р-в.

60

Вот! Люди все «по книгам» делают, ничего по собственному побуждению. И корень, очевидно, и скрыт в этих «старых книгах» в кожаных переплетах с медными застежками, которыми Церковь пропитала дитя-народ. Корень — в Церкви, ее духе и учении, в ее идеалах. Есть социализм теоретический и есть социализм практический. Теоретиками были графы и белоручки, практиками — рабочие, умиравшие на баррикадах. В терновских плавнях простецы-труженики «творили волю пославшего их». В. Р-в.

61

Мысль, очень распространившаяся и укрепившаяся в народе, которую следовало бы давно ограничить и оговорить в церковных «катехизисах». Тогда почему «для Бога» не роскошествовать, не объедаться? Почему «для Бога» пост, а не 4-е блюдо в обеде? Корень дела, очевидно, заключается в том, что «Бог» вдолблен народу в голову (духовенством) как вечно «уменьшающий порцию», «недодающий порцию», как «Бог скорбей», а не «Бог щедрот». В этой-то аксиоме народной и все дело: что Церковь открыла Бога народу как скупого, сокращающего и недодающего. Совершенно обратное «Богу щедрот», «Сотворившему мир». В. Р-в.

62

Тут о «коварстве» вызова и речи быть не может. Все — обреченные, обреченные ужасною логикой, ужасным духом «спасения». «Как я не спасу и любимую сестрицу?»... Если удержать термин «коварство», то ведь придется сказать и фразу, что «Виталия сама коварно закопалась в землю». В. Р-в.

63

Очевидно, страшная сила убеждения, прозелитизма у Виталии — всегда плод самоубеждения. В. Р-в.

64

Вихрь! Вихрь толпы, зараженной, безумной, испуганной! — «Кинусь вниз со святой колоколенки», ибо «колокольня»-то шаталась и в самом зерне своем содержала веру, что даже «стихии мировые поколеблются» (см. у ап. Луки, выше). В. Р-в.

65

Прямо — ужасы, — неслышанные в истории! Говорят о Нероне, что он «зажигал свои светочи». Жалуются: «как он нас обижал», «как мучил», «как был жесток к христианам». Между тем не оправдывается ли Нерон и вся кровавая борьба, поднятая язычеством против христианства, из таких вот событий, какое случилось в терновских плавнях и которому подобных было множество. В. Р-в.

Одна приносит в жертву отца, другая сестру! Молох! Молох! Молох скопчества, Молох монашества! А началось все такую малостью, как «ограничим себя в питье и пище, ибо это угодно Богу», «ограничим себя одною женою, ибо это угодно Богу», и вообще «ограничим», ибо явился Бог ограничений и малостей, Бог нисходящих уменьшений. Чего же меньше могилы: туда и кинулись напоследок. В. Р-в.

Очевидно, слова проф. Сикорского: «для успеха дела» — совсем не идут сюда. И Поля Младшая отца своего, и Виталия сестру «жалели и — спасали». О хитрости и расчете здесь не может быть и речи, ибо в том же расчете она не стала бы раскрашивать ужасов смерти. Весь секрет всего события заключается в этом: «непосредственно перейдут в чертоги небесные». Но это была ее и их личная вера. В. Р-в.

Вот!!! В. Р-в.

Нужно ли говорить, что это не «Виталии слова», а постоянное и ежедневное, будничное и праздничное учение всего Православия. Это в каждой церковной книге, на всякой странице Евангелия. «Будете гореть в огне неугасимом» или «получите Царство Небесное». Стереотип Православия, как и вообще христианства. В. Р-в.

Как-то в городе Аренсбурге (на о-ве Эзеле) я шел к вечеру мимо русской церкви. Церковь небольшая, низенькая, умильная, как и все наши. Вижу через окна пучки горящих свечей и слышу, несется пение. Красиво. Остановился и слушаю. Пение грустное и робкое, такое приятное. Я вошел, ожидая, что это — погребение. Народу очень много. Свеч много. Тихо, задумчиво все, прекрасно. Догадался, что всенощная; и как было среди недели, то шепотом спрашиваю: «Какой завтра праздник?» — «Преображение», — ответили мне. Преображение! Торжество Спасителя и христианства, а Православие и этот праздник не умеет встретить иначе, как предмогильными, грустящими, щемящими душу напевами. Могила везде, везде в Православии! Иначе как «погребать мертвых» Православие и не умеет ничего делать. То, что в других христианских исповеданиях, хотя тоже грустных, все же не дошли до наших самоутапливаний и самозакапываний, не дошли до самосожжений, объясняется тем, что христианская грусть взята Православием в ее высшей ноте. В. Р-в.

Змея тянет птичку... Птичка могла бы улететь: не связана, никто ее не держит. Но не улетает и сама летит в раскрытую пасть змеи, зная, что умрет там. То же явление здесь. Смерть, гроб со страшною силой тянет православных: и хотя они знают, что лягут в него и умрут, но он имеет какое-то такое очарование, что они уже не могут остановиться. А «православная церковь» во всех подробностях своих ритуалов, поэзии, смысла, доктрин, внушений есть «обстановка» этого магического процесса: как «белые фартуки», вымытые руки, прокипяченная вата и пр. и пр. есть «обстановка» и «предварение» операции. В. Р-в.

Все боятся нарушить букву: до того покорны! Любовно покорны такому ужасу! О, что наружная, невольная «покорность», выработанная у католиков, сравнительно с этою нашею. Заметим, что этот Фомин, так деятельный в работе — первый и последний в ней, — сам закапывается с женою и 13-летней дочерью. В. Р-в.

Как вихрь несет всех! Падение птички в пасть змеи наиболее быстро, когда она уже подлетела к ней. «Слишком страшно! Разом!!!» Несчастные. В. Р-в.

Крайний испуг... «Удав проглотил птичку: и мы не следим за движениями его желудка». В. Р-в.

Поступали, как глухие и слепые, оглушенные и ослепленные какой-то мыслью. «Удав близок»... Все равно, ведь он всю жизнь тянул их, ноженьки — всех их «не держали», все скользили в бездну, как весь «раскол», все старообрядчество, «старая», крепкая, неподновленная вера. И вот дошли до удава, до которого немногие доходили. В. Р-в.

Вот! В книгах-то вся и разгадка! И неужели духовенство после этой ужасной смерти не почувствовало долг совести доказать, что у него нет «книг», которые незаметно и исподволь, не называя вещи своим именем, подвели этих людей к такой судьбе?! Неужели оно решится отрицать или скрывать, что действительно во всех книгах, какие оно дало народу, не содержится ни одного слова, где было бы сказано, что «жизнь хороша сама по себе и что ее нужно удерживать», ею дорожить просто потому, что она есть и как есть; — что «радость человеческая хороша и достойна», «счастье достойно же и к нему надо стремиться»... Ни одного такого слова в целой библиотеке! Вот где удав. В. Р-в.

Вот! Все это постные, худые, изможденные, пугающие, грозящие лики (см. снимки из Спасо-Нередицкой церкви). В. Р-в.

78

Удивительно! Какая нежность, забота, чтобы не причинить даже неудобства ребенку, которого заживо укладывают в могилу. В. Р-в.

79

Удивительно! Трогательно, наивно. Сущие доверчивые дети... В. Р-в.

80

Медицинское объяснение. Вероятнее, что они сделали это для уподобления могиле (земляной обклад): «идем в Царство Небесное», «идем к смерти», «идем к гробу», «идем в землю». Они помнили Божье: «Ты еси земля и в землю отыдеши», и исполнили текст в подробности, в букве, как и всегда. В. Р-в.

81

Царство ужасов! Царь ужасов! Я думаю, последнее метафизическое объяснение этого события лежит, так сказать, за границами земли и планеты. Подобно тому, как Творец мира как бы играл воображением, создавая животных: «вот и желтенькая канарейка», и «серебристый фазан», и «зеленый какаду», и «голубой павлин, с пятнистым глазастым хвостом», нос птиц — и так и этак, толстый, длинный, крючком, прямо, — животные ползут, стелются (по земле), скачут, бегают, летают и, словом, все взял творческою мыслью в радости, разнообразии картин, радуясь радостью других, радуясь радостью грядущей: так великий противник Творца, такой же огромный, но черный, брызнул в лицо сотворенного мира меланхолией, грустью, печалью, отчаянием, скорбью, болью, болезнью, уродством, ужасом. пытки инквизиции, рак, каменная болезнь, подагра — все им дано. Но вот его черное воображение, ненасытное человеческим страданием, поднялось еще несказанно высоко, и произошла вся эта история в Терновских плавнях. В. Р-в.

82

Просто невероятно читать: до того ужасно! Целая цветущая семья, с молоденькими веточками, с почечками. То-то сбылось Писание: «Он ветки подломленной не сломит, и льна курящегося не погасит»... Что же христианские «изъяснители книг Ветхого Завета» пишут, что «егда Израиль уклонялся в язычество, то там... родители приносили в жертву Молоху детей своих». Да в религии «льна курящегося не загашенного» совершены были такие ужасы, перед которыми все эти финикийские и мексиканские человеческие жертвоприношения являются игрушечками. В. Р-в.

83

Какие ужасы! Мать присутствует при закапывании сына и внучки! Какова подготовительная психология, какой ужас в этих «молитвах, с которыми» и т. д. совершались все эти ужасы. Черная месса. В. Р-в.

84

Кому молились — Тот и закопал: ведь закапывание — «по молитве», «во славу Божию», «по слову Божию»... Очевидно!!! Люди тут совершенно ни при чем, только жертвы, и, напр., этот закапывавший Ковалев не меньше жертва, чем его жена и дети, которых он закопал. Неужели это надо доказывать? В. Р-в.

85

Царство ужасов. В. Р-в.

86

Монашеский мундир. Неужели апологеты еще будут говорить, что они «сами закопались», «сами виноваты»? В. Р-в.

87

Ну вот: все свидетели налицо. В. Р-в.

88

Не удвоенное ли чувство в себе жизни, своей личной + потомства в ней? «Семя женщины сотрет главу Змия», т. е. «Дьявол будет побежден влечением к деторождению». Иконы, молитвы, пение, вериги, посты — все и постоянно умаляло жизнь в тех, других закопавшихся: огонек в них уже теплился и колебался — и погасить его вовсе не было трудно, хотелось им самим его погасить, ибо жить было трудно. Уже при жизни эти люди полузадыхались; и задохлись в «яме». Но беременность — это новое свежее пламя, зажженный вновь костер дров: утробный младенец еще не постился и не молился, и всем бытием своим кричал: «Хочу жить!» И этот свой инстинкт передал матери. В. Р-в.

89

В этих конкретных мелочах — какая вера в загробную жизнь! Поистине осязали ее. От того и умерли, что уже при жизни точно дотронулись до И. Христа, и как бы магнетическим током Он передал им всю силу Существа Своего, и они ушли к Нему «в яму» (в Голгофу). В. Р-в.

Удивительная житейская добросовестность! С такими людьми, кажется, можно бы начать строить и 1928;1959;1955;1953;1964;1949;1953;1945; («Республику») Платона, и «Civitas Dei» бл. Августина, и «Civitas Solis» Кампанеллы, и «Небесный Иерусалим» творца Апокалипсиса. Это суть граждане всемирных идеальных построений. Но на горьких солончаках нашей истории они нашли «гражданство» только в «яме» (могиле). В. Р-в.

91

Священное убранство Православия — то же, что высокие шапки парфянских царей, «белая повязка» на голове у Диоклетиана или митры — на архиереях. Бедные демократы, не цари, не первосвященники: они берут только рубашку и порты в гроб, о котором всю жизнь думали, от которого некуда было отвернуться; и в конце концов они полюбили эту точку своего единственного созерцания. В. Р-в.

92

Конечно, мундир! То же, что «риза» для священников, «Владимир» для сановников: знаки «отличия» для сих более счастливых чинов нашей империи. В. Р-в.

93

Вот у кого нашли «милость и жертву»... Ну, а попки? Кушали суп с грибком и спасали «душеньку». В. Р-в.

94

Действительно! Глубокое и прекрасное рассуждение. Сквозь медицинскую узость врача, который везде ищет патологии, видно, однако, золотое сердце. Ну, а попки? Духовное ведомство, миссионеры? Топтались на своих «требах» и жалованье. В. Р-в.

95

Сектанты и старообрядцы всегда предпочитали иметь дело даже с полицией, чем с церковью, — находя в первой более понимания и человечности. «Возьмут взятку — и только». Духовные же власти и чины тоже от «взятки» не откажутся: но затем, все выбрав, имущественное, — придут и за «душою» и упрячут в ту же земляную яму, каковыми в XVII и XVIII вв. были знаменитые монастырские «места заключения для грешников». В. Р-в.

96

Просто пост — вечно растущий: вот и все, и суть этого «запашивания». Мы, официальные, холодненькие, — взяли веру в статическом ее очерке, и «спасаемся», исполняя «форму», схему; а те, которых обзывают «фанатиками», имея нашу же веру, догму, символ и проч., взяли эту веру со стороны динамической как вечный прогресс души и усилие воли. «Царство Небесное подобно зерну горчишному, из которого вырастает дерево», оно «подобно закваске, которую женщина кладет в меру муки; и всходит все», — эти слова Иисуса, очевидно, зовут к динамической, а не статической вере. Вот в Терновских плавнях мука и взошла «вся», и «выросло дерево из горчишного зерна». Возвращаемся к «посту»: очевидно, нормальная церковь, закономерная и здоровая, должна дать нормы святого, здорового, между прочим и во вкушении пищи. Она должна показать идеалы святости и здесь: как? — труднейший вопрос! До того мы привыкли к святым «минусам», недоеданиям, недосыпаниям. Все дело должно, очевидно, начаться с представлений Рая и также Небесного Иерусалима. По-видимому, кругом года должно быть установлено не позволительное (яблоки с 17-го августа), а обязательное вкушение «первинок»: первых (каждого сорта) поспевших плодов, первой зелени, первых ягод, садовых, лесных. Равным образом должны быть установлены праздники: первых сборов — хлеба, картофеля, капусты. Эти сборы и вкушения должны быть «церковны» — совершаемы в храме и при участии и молитвах священника. Вместо теперешнего «великопостного» и проч. богослужения могут быть установлены богослужения осеннее, летнее, зимнее, весеннее. Летосчисление нужно восстановить от сотворения мира. Праздники должны быть не «двунадесятые» и проч., вообще без-народные и только клерикальные, их эгоистические, а трудовые и радующиеся. «Первый день хлебов», «первый день колокольчиков» (полевые цветы), «день первого жаворонка» (первая его песня в городе, в деревне). И, словом:

С природою одною он жизнью дышал,

Листов разумел прозябанье...

это-то вот и нужно ввести в религию, на место их сословного молитвословия. В. Р-в.

97

«Шукай», т. е. «ищи», — местное выражение. Примечание проф. Сикорского.

98

Известные каменоломни недалеко от хуторов. Примечание проф. Сикорского.

99

Ужасно! Все из «милости» и «любви» в «религии милости и любви». Поистине сказал смеющийся о них: «Они будут смотреть и не увидят, будут слышать и не услышат». Все заморожено, загипнотизировано небесною ворожбою: и несчастные, в таких ужасах ползущие, все уверены по-прежнему, что они веруют в «умершего за грехи наши» и исповедуют «религию любви», принесенную им на землю!.. В. Р-в.

Совершенно тон финикийского благочестия, когда они приносили детей своих в жертву Молоху: кроткий, тихий, покорный! «Спроси грех на нас» — это значило: «Не вмени ему, Господи, грех тот, что он отказывается или медлит закапывать в землю живых людей: прости ему это. Но как Ты захочешь же взыскать это с кого-нибудь, то взыщи лучше с нас». Поразительно, до чего здесь Бог представляется, как и всем христианам, неумолимым, жестоким, беспощадным; не умеющим прощать не только ошибки, но даже и обмолвки; и в то же время, комическим образом, он именуется «Милостивцем», «Спасом». В. Р-в.

Все это же «смертное платье», везде этот мундир православия. — «В каком вы министерстве служите?» — «О чем вы спрашиваете: взгляните на мундир мой!» У евреев, в ветхозаветной религии, «мундиром» служит талес, кусок шелковой полосатой материи: в нем они совершают ежедневно свои молитвы (накидывая на голову так, что края спускаются до земли), в него его тело будет обернуто перед тем, как положить его в могилу. Но что это такое? Невестин подарок! Невеста перед замужеством дарит жениху-мужу талес! Итак, каждая молитва еврея идет к Богу как бы через призму жены его, и даже вот невестиных ожиданий, радостей, сомнений, молитв; через женин дух или, еще точнее — через женину плоть и дух. У нас, в Православии, в «безбрачии», в «девстве», этом смертном дево-скопчестве, которое ничего не помнит о земле и отвращается от земли, молитвы и могли пойти только через призму «смертной рубашечки», вот этого «савана». «Всю жизнь погребаемся», «сопогребаемся Христу», «всю жизнь ткем саван, в который оденемся по смерти». Ужасно! ужасная мысль, ужасное чувство! Вот откуда и родился монастырь, этот как бы коллективный саван над бытием человеческим, земным. В. Р-в.

Какая деликатная осторожность! Какая везде подлинная любовь у этих прекраснейших людей, которые могли бы жить, цвести, благоухать такую прекрасною жизнью! В. Р-в.

Удивительно. Это они притаились в сладком ожидании: «Сейчас увидим Христа и Бога нашего» (умрем и увидим). Раз вся жизнь вытянулась по направлению к сей «жемчужине, которую увидев купец продает весь свой товар, чтобы купить ее одну» (слова Иисуса в Евангелии о Своем Царстве), то естественным заключением такой одно-мысленной жизни и такого страстного ожидания-желания — будет, конечно, самозакапывание, самосожжение, самоутопление. В. Р-в.

С «выпученными глазами, опухшим, высунутым языком и синим лицом» пришли эти «девы» на «тот Свет», к «Полуночному Небесному Жениху». Чего же еще они ожидали на земле? Встречи! И вот вышел Иисус, отворил перед ними, четырьмя кроткими старушками, Райские Двери... И проходят мимо Иисуса, обещавшего «и лозы надломленной не переломить», — эти синие девы с высунутыми языками и вытаращенными глазами в Рай Христианский как его правые отныне жители, как купившие место в нем дорогою ценою. Входят... А оттуда идут им навстречу «мученики» первых веков, все эти изжаренные и сваренные, с содранною кожей. Если бы был живописец, который это представил!!! Вот зрелище небесной и земной (в терновских хуторах) половины христианства. В. Р-в.

Вот! «Священнодействие...» При чем тут «фанатизм», при чем «затворницы»... Все выросло из одного зерна: идеи христианской жертвы. «Он (Ковалев) — жертвоприноситец; мы (закопавшиеся) — евхаристия». «Христос умер за нас, мы умираем за Христа». Там — жертва Небес за род человеческий; здесь — восторженная ответная жертва человеков Небу. В. Р-в.

Вот! В. Р-в.

Вот, вот! Чего проф. Сикорский ищет медицинских причин: были, единственно, религиозные причины, концепция «Земли и Неба» в Православии, но взятая не логически как форма и формальность, а динамически — как вечный идеал! Кстати, эта история, описанная проф. Сикорским, дает разъяснение и смерти Гоголя — «запостившегося» и отнюдь не перешедшего из Православия в какую-нибудь секту, но переписывавшегося с оптинскими монахами-старцами, имевшего духовником священника-монаха, полу-«святого» о. Матвея Ржевского. В. Р-в.

Сбивчивость в понимании проф. Сикорским всего дела: жили они все печально, и первые две группы, но только восторженно умерли. Чувства гнетущие, печаль, страх, отчаяние — все это было их жизненными спутниками! От печали они и решили толкнуться в гроб: но, в самый гроб входя, — улыбнулись. Нельзя же эту улыбку распространять на колорит прежней жизни. Впрочем, это ясно само собою. В. Р-в.

Они были все старушки уже, молчальницы, «затворницы». Их молчание нельзя принять за «отчаяние», с которым якобы они решились на смерть. См. выше у самого проф. Сикорского, как они просили у Федора Ковалева закопать их. В. Р-в.

Пост — начало самоуморения, самозакапываний, самосожжений и проч. Религия, где есть посты как идеалы жития, непременно где-нибудь выразится и в идеальном самоубийстве. Все само собой! Все от зерна! Кто подносит горящую спичку к стене дома, уже не может говорить: «Я только держал горящую спичку — она маленькая». Человек имеет веру, человек имеет страсть. Кто сказал ему: «Попостись немного — это хорошо», «угодно Богу», тот и «запостил», и «закопал в землю» или утопил и сжег всех этих благородных идеалистов! Словом, «великое учреждение поста», в связи со всеми прочими чертами веры, было и остается единственною причиною описываемого проф. Сикорским. Заметим, что ничего подобного нашим постам нет даже в католичестве, и соответственно этому у них «запашивания» до смерти и не появились. В. Р-в.

111

Реакция здравомыслия, естества человеческого, всеобщего зоологического аппетита бытия, чт1243; все так ненавидимо и презираемо «учителями церковными»; реакция этнографии против наваянного (из Византии, Галилеи). И в последнем слове — протест язычества против христианства. «Наш народ язычник, — сокрушенно качают головами миссионеры, проповедники, чиновники Духовного Ведомства, — по кабакам ходит, с девками любитя». «Еще не пришел в совершенство»... Вот этот «не пришедший в совершенство народ» и поднял кулаки против «пришедших в совершенство» терновских постников. В. Р-в.

112

Гениально выражено. В. Р-в.

113

Ужасно читать! Чья душа не содрогнется и не заплачет? В тысячах духовных книг рассказывается, как в Сирии и Финикии на великих религиозных торжествах «люди отдавались блуду», «отдавались в экстазе». «Сие творилось в гнусно-языческих, натуралистических религиях». Авторам сих книг и статей следует продолжить рассказ и закончить: «Но мы поворотили все назад, против естества и чувственности: и на великих торжествах христианства, в минуты наибольшего экстаза и в точках наибольшего одушевления происходило вот что»... И рассказать далее историю, описываемую здесь. В. Р-в.

114

«Потерять все», «потерять ради Христа» — этому и учит Евангелие. Ковалева была купчихой, «продавшею все свои сокровища, чтобы купить жемчужину» земляной ямы, гроба. Ведь и великие наставники и руководители Церкви, оставляя все, «заклучались в земляной пещере», «в яме» же почти, о чем без числа повествуется в церковных книгах. В. Р-в.

115

Это r1233;sum1233;, отсчитываемое медиком-наблюдателем, не вмешивающимся в религиозные и церковные споры, не разрешает ли множество таких споров вернее и точнее, чем всякие рассуждения и всякие исторические монографии? «Из веселого семьянина человек переходит на положение угрюмого одиночки», «молодая жизнь меркнет», «все увядает», «люди затворяются друг от друга», «везде воцаряется тупой, понурый вид»: не это ли как бы тень от «затмения солнца», ползущая вокруг исповедников нового исповедания, двинувшихся в натуральное человечество Европы, Америки, Африки? В. Р-в.

116

Вот, вот! И это r1233;sum1233; медики запишем в состав «знаков евангельских», «стигмат» церкви. В. Р-в.

117

Уже не так строга была полиция; и духовенство, «кивая на соседа» и указывая в придирках светского начальства повод к самозакапываниям, отводит глаза в сторону от тех стареньких книжек в кожаных переплетах, которые само держит под мышкою. Без этих книг «поп — не поп» и «церкви нет». С ними они никак не расстанутся. С ними не расставались и сектанты. Дело-то все и лежит в этих книжках... И пока они есть, попы есть, монастырь стоит, Церковь жива: до тех пор всюду, где они есть, человек уходит в землю по щиколки, по колена по пояс, по грудь, плечи, горло, с маковкой... В терновских плавнях дошло до «маковки», и люди закричали, народ завопил, начальство «обеспокоилось»; а попы, по обыкновению, уклончиво и предательски отошли в сторонку; но не «до маковки» везде в христианском мире самозакапываются. В. Р-в.

118

Классические слова... Так всегда говорит государство. В душу оно не лезет. Государство есть форма и требует, в сущности, всегда немногих формальностей... И не о нем явиться мысли: «это — Антихрист». «Антихрист» «невидимый», как и формулирует свое чувство народ, ходит за спиной у него; это тот «советник», угнездившийся ему в душу, который, перелезши через забор, хозяйничает в душевном обиходе человека. В. Р-в.

119

Замечательно! Попы, да и глупая пресса, так-таки и приписали терновские ужасы «требовательности начальства» и «испугу перед начальством»... Как будто могли хотя бы чего-нибудь испугаться люди с такою решимостью. Да, как оказывается, и не было вовсе этого испуга. Терновские самозакапывания — это влечение к идеалу, тоска по идеалу, а не бегство от чего-то. А идеал этот — идеал всей России, идеал народный и исторический, и кроме этого идеала — и нет другого у Церкви, да и нет вообще без него и самой Церкви. В. Р-в.

120

Ничего нет «непонятного», если стоять на психологической, а не на психиатрической (специальность проф. Сикорского) точке зрения. С почетною старухой, которую Виталия любила, уважала и которая была для нее авторитетом «не токмо за страх, но и за совесть», она, как настоящая хозяйка дела, хозяйка «веры и спасения», последнею сходит в могилу, «убрав все хозяйство» (погребя других), «приведя в чистоту храмину» (смерть). Но остался же «сор» в избе, вот эта возможная слабость и колебания старухи Ковалевой. Нужно было подобрать все «дочиста» и закопаться не только самой, но и с другою «хозяйкою», с почитаемым старшим авторитетом, хотя и пассивным. Так капитан судна, настоящий, последним сходит с него, когда уже на нем никого нет. Все переселились «в Царство Небесное»: и идет сзади, последняя, сама Виталия, идет с матерью — владельницею этих мест. Тут удивительно сочетались порыв веры с этим великорусским, старорусским укладом хозяйства, экономики, быта, дома «Схимницы» и вместе точно «Марфы Посадницы»... Какой бы матерьял для политической жизни! В. Р-в.

121

Совершенно неосновательное рассуждение, чуждое какого-либо понимания психологии людей. Судит эмпирик и о всех «как бы сам поступил». Это слишком недостаточно и неисторично. В. Р-в.

122

Тревожишься — местное выражение. Примеч. проф. Сикорского.

123

Какие ужасы! Кстати: да была ли хоть пересказана в духовных журналах терновская трагедия? О, равнодушные... В. Р-в.

124

Естественное, неодолимое, вопреки всем идеям, всему навеянному, выражение страшной жизненности этого субъекта. Виталия, несомненно, была гениальная личность, Ломоносов в «подполье». В религии положительной, к добру и свету направленной, она сделалась бы великою жрицею, пророчицею, великою героинею; «1963;1969;1964;1949;1953;1961;1945;» [спасительница; эпитет богини (греч.)], как говорили в древности. По ее имени звался бы город, поселок, устав, закон. Но та же самая героиня древности, перенесенная в отрицательную религию, могла довести своих последователей только до самозакапываний. Какая последовательность! Какой ужас. В. Р-в.

125

Какая жизненность! До чего в самой все было нормально, в этой Виталии. Именно гений, поведший толпу за собою по смертоубийственной стезе, которая под ноги ей дана была историей, церковью, религиею. В. Р-в.

126

Как все благородно и гордо у этой девушки. Именно — героиня, и именно — древности, попавшая в несчастную обстановку. В. Р-в.

127

Выброшен, сброшен со счетов «святости»... В. Р-в.

128

Оба мотива — вечные мотивы Церкви, поставившей людей между страхом ада и обещаниями рая (загробного). «Рай» и «Ад» — это есть изъятие свободной воли у человека, свободного решения... Замечательно, что в Ветхом Завете, при полном вообще молчании о загробном существовании, и нет никаких картин «ада» и «рая». Люди там наказываются угрозою бесплодия, догорания, угасания семени и крови и «лика человеческого» здесь, на земле; как обилием потомства награждаются. Таковы естественные выражения, с одной стороны, религии семени и потомства, — и, с другой стороны, религии «бессеменного зачатия» и бесплодия. В. Р-в.

129

Грубая ошибка медика: тягостное — замедляет, «руки опускаются», а оживляет — близость исполнения давних желаний. «Оставьте меня, мне хорошо», — говорил Гоголь на молитве перед смертью, умирая с голоду. В. Р-в.

130

Старуха Ковалева, Поля Младшая и, главное, Виталия — это и суть как бы «гвардия самозакапывания»; машинист, лоцман и капитан корабля «спасения». Виталия эту группу и сберегла под конец; если она раньше не закопалась, то не по смущению или боязни, а оттого, что «кому же бы тогда устраивать спасение». Но, «подметя комнатку» и взяв клятвенное обещание с «закапывателя» последнего, Федора Ковалева, так же закопаться, она вышла из «комнатки» жизни в могилу небытия и «рая». В. Р-в.

131

Удивительная тенденция проф. Сикорского все дело представить как психиатрический факт — чему охотно подмигнули попки. «Больные! страдающие!», «не в здравом уме и полной памяти», «невропатологические субъекты!» На самом деле, конечно, мы имеем дело с невропатологической религиею, с «заразным контагием», но привитым к людям абсолютного душевного здоровья, здоровья

вышешного, — темпераментов, умов и сердец ярких. Это как бы сердце и кровь птицы, бьющееся горячее, живее, чем у четвероногих (обычные «православные»): и оттого-то эта живая кровь ярче схватила ядовитый контагий, сильнее заразилась им и скорее погибла. Все события самозакапывания не являют ни в одном случае смутности ума, запутанности воли, ничего порочного и вообще никакого следа патологичности: кроме вот этой идеи «умереть о Господе», отнюдь, впрочем, не прибегая к самоубийству (как и оговорено строго при первом закапывании); а так, просто: «жили для Господа, умрем о Господе: все — в Господе». Но это же есть мысль всех православных людей; даже всех религиозных людей. Но в других религиях, не патологических, нормальных, это привело бы и приводило к расцвету, плодородию, жизни вечной и радостной здесь, на земле; а в религии, все перенесшей «туда», всякую радость, сияние и цвет вынесшей за порог гроба, в это ужасное, всепожирающее «загробное существование», которое, как вампир, сосет живую жизнь, — в этой религии «загробных утешений» само собою идеалисты веры рванулись «туда»!.. Какой же игрок ведет игру без желания скорее выиграть, какой автор пишет сочинение без желания скорее кончить книгу, и путник без желания закончить путь: так и всякий настоящий христианин не может не жаждать скорее умереть, скорее кончить земной, слезный путь — и перейти в вечную радость. Так все естественно — и при чем тут личная, индивидуальная патология? В. Р-в.

132

До чего все это распорядительно и умно! Разумеется, она имела воззрение всего народа, что «вскрытие умершего тела» есть такое же «осквернение» его, как если бы в лаборатории стали химически исследовать причастие или стали бы раскопывать и ковырять икону. По мысли русских (Православия) — жизнь есть грех, а умершее тело ео ipso есть «святое», икона. Отсюда высокое торжество погребения, где перед телом, как перед образами, зажигают церковные свечи. В. Р-в.

133

Ну, вот! И ничего в этих самозакапываниях нет, кроме монашества, — самого обыкновенного и заправского монашества, но только горячо взятого (кровь и сердце птицы). В. Р-в.

134

Вот, вот! И — только! Уже схимники и самый постриг в схимничество, это высшее выражение, высший официальный пункт официального Православия, — есть не что другое, как история же, здесь рассказанная; есть нерешительный и малый образ самозакапывания! Боже, да ведь это известно каждому мужику и только неизвестно проф. Сикорскому. В. Р-в.

135

Ну, вот! В церковнославянской-то печати, в церковных книгах и лежит ключ и разгадка всей тайны. В. Р-в.

136

Пресса наша, понятия не имеющая о церковном учении, более и всего скрывает от «большой публики» его смысл. При всяком подобном событии (а сколько аналогичных, приближающихся) она кричит: «Дикость! изуверство! невежество!» В. Р-в.

137

Как это хорошо сказано! О, какой это христианин... т1243; бишь анти-христианин этот Сикорский, со своим простым человеческим сердцем. В. Р-в.

138

Признаюсь, и я, грешный, такой же «вырождающийся субъект», как этот Федор Ковалев: у меня даже левая часть бороды скорее и гуще растет, чем правая. Но я замечал, что и у всех почти людей, по крайней мере у всех деятельных, устремляющихся и чуть-чуть ярких, есть эта асимметрия лица. Художники отлично о ней знают, и вот не заметили ее только медики и «психиатры». В. Р-в.

139

А мать Ковалева, эта беспримерная старуха, столь ясная, спокойная и уравновешенная, по собственной же характеристике проф. Сикорского? В. Р-в.

140

Все это исследование весьма похоже на размышления Пикквика над камнем «с неизвестными древними надписями», которые оказались резами какого-то кучера (Диккенс. «Записки Пикквикского клуба»). Кто же не знает, что две фотографии, снятые в один и тот же день или в одну и ту же неделю, — даже серия фотографий — являют совершенно разные выражения лица, т1243; вот с поднятой бровью, т1243; опущенною, со сжатыми или распушенными губами, с лицом т1243; сердитым, т1243; спокойным и даже сонным, смотря, напр., по тому, сердится ли снимаемый на своего фотографа, или уверен в его работе, или он скучает повторяющейся неудачною его работою; от того, сыт он или голоден, выспался или не выспался, и проч., и проч. Раз фотограф непременно хотел меня снять, но ему не удавалось: получилось несколько снимков, восхищавших его и приводивших меня в негодование. Это было на протяжении 2-х недель, когда я заходил за карточками членов семьи моей: эти мои карточки до того были не похожи друг на друга, что нельзя было бы поверить, что они сняты с одного субъекта. Так много зависит от момента, настроения снимаемого, от освещения, позы и поворота, какие ему придает фотограф, не всегда знающий суть и психологию снимаемого лица. Верны только художественные портреты живописцев — плод осторожной и долгой работы над лицом. В. Р-в.

141

Ну, а где же «психопатическая семья», от которой родился Ковалев? Все это не наука, а детский лепет около науки. Хотя изучение выражений человеческого лица, но настоящее, — есть не только наука, но огромная наука! Я уверен, что душа разлита по наружной форме человека и сосредоточена в лице его: от чего и возможно действовать на нее через «пассы» (гипнотизм), эти пластические движения рук около поверхности тела и особенно около лица, и можно лечить «душу» через обтирания и омования тела. Здесь и там (ванны и гипнотизм) ни малейшего нет воздействия на мозг, предполагаемое седалище души, а действуют на поверхность тела, кожу, на пластику и художественный вид ее: и через них действуют на душу, воображение, сердце, ум, мысль! От того мы «морщим брови», мысля, и вообще у нас «играет лицо» в страстях, при волнении. А о мозге, «играет» ли он при этом, ничего не известно, да и трудно себе представить это и допустить это. «Играющий» желудок, «играющая» печень, «играющие» почки, «играющий» мозг — как-то это дико. В. Р-в.

142

Вот как народ наш, как вообще масса — все эти, увлекаемые на путь смертный, люди. В. Р-в.

143

Просто ужас читать: было ли что-нибудь подобное во всемирной истории, подобная ужасная психология, ужас такого религиозного вдохновения?! Но изречено: «Кто не оставит отца и мать», «не возненавидит их Имени Моего ради — тот не есть мой ученик». Все из начала: и даже схимники и схимницы, четки и славянская печать — все это такие же обреченные, такие же несчастные и грустные люди, как и терновские «затворники». Я много смеялся над попиками: однако «простим и им вину их»... «не знают бо, что творят». И они — несчастные... И все это, вся тысяча лет, даже две — одно несчастье, слезы, грусть, отчаяние, порок и преступление — одного неведения. Заразила птичку змея: а птичка-то хороша, хотя и дрыгает ножками в предсмертной сладкой муке. В. Р-в.

144

Очень просто: и проф. Сикорский уступил бы, заговори в лицо ему, с проникновенным убеждением, Гиппократ, Гален, Пастер, Бильрот, Шарко... Вся всемирная история плывет в (рациональных) гипнозах и самогипнозах. В. Р-в.

145

Вообще это замечательно: в Евангелии дана определенная концепция того, чт1243; есть и чт1243; будет, но — в отдалении. «Давно прошло», «не скоро будет»: и мы не страшимся, потому что слишком далеки от обоих концов. Но едва эта «какая-то» концепция, хотя бы вследствие умственной иллюзии, приближается, становится «вот-вот», осязаемою, неизбежною — как людьми овладевает такой ужас, что они предпочитают немедленную смерть нескольким дням ожидания. Еще любопытнее, что это не случайность: идя на распятие, Иисус и предсказал этот особенный страх, в котором люди будут взывать: «Горы, падите на нас! Холмы, покройте нас!» (как земля и покрыла несчастных в терновских плавнях). Итак, вот концепция, о которой мы сказали, как о неизвестном: «какая-то». Чт1243; же она: добро, зло? грех, святость? благоденствие, несчастье? «От взгляда на нее — умирают в страхе»: и этим, кажется, все сказано и окончательно сказано. В. Р-в.

146

Какой реализм ожидания! Боже, какая все это история! И сколько быта, бытовых русских черточек! Эти «водица» и «баклажанчик» ожидающего «светопредставления» мужичка оставляют за собою подробности описаний ада в «Divina Comedia». В. Р-в.

147

«Что такое, думаю себе», — как это хорошо! Вот это и есть та вера, что «горами двигает», и даже больше этого. В. Р-в.

148

«Помаленьку стал все есть»... Подумать только, что без записи проф. Сикорского «по следам» мог бы исчезнуть этот документ веры, не худший, чем «Слово о полку Игореве». И, может быть, сколько таких пройденных без освещения, неописанных фактов настоящей русской истории... В. Р-в.

149

Автор-медик здесь (как и во всей книге) совершенно забывает о мотивах якобы «убийства» — которое на самом деле было жертвоприношением «Иисусу Сладчайшему» (выражение акафиста), так же мало походившим на работу убийц или солдат, как возжжение восковой свечи в храме имеет мало общего с поджогом чужого дома. Здесь все было «для любви», «во имя Божие», с «родными». До чего бывает слепа наука, ослеплены ученые! Кажется, наряду с «пороками нравственности», «пороками своей профессии» и проч., придется изобрести термины: «порок учености», «известный недостаток ученых». Если «сапожник всегда без сапогов», босой или ходит в опорках, то ученый всего чаще «слеп вне самого точного и ограниченного поля зрения», куда он смотрит и за пределами которого для него начинается такая тьма, где он видит и понимает меньше всякого смертного. Все ученые суть телескописты: видят ясно и ярко кружочек неба; а все небо, для всех видимое, — для них невидимо. В. Р-в.

150

Нравственного авторитета, богословского: а то можно подумать, что он боялся Виталии или был стеснен, придавлен ее мнением. В. Р-в.

151

Ни из чего не следует и ни на чем не основано. В. Р-в.

152

Совершенно ни в чем! Разве этот человек был с другими жесток? был лжив? Он был и остается нежнейшею и кроткою душою, глубочайше нравственно-чуткою. Напротив, от нравственной-то чуткости он и закопал своих ближних, сострадая им. Без нее, без этой нравственной возбужденности в сфере ошибочной религии, ничего бы и не было в скиту. В. Р-в.

153

«В сущности»... — Как хорошо это в устах ученого. «Вы честный человек, хотя в сущности и мошенник», или обратно: «Вы мошенник, хотя в сущности честный человек». У Сикорского: «Ковалев — нравственно бесчувственный человек, хотя в сущности по природе добр». В. Р-в.

154

Ну, вот! В двух строчках вся терновская история, полное объяснение ее! Во всей брошюре проф. Сикорского нет двух таких строк, столь ярких, как бы налитых смыслом, — что зрелый колос. «Они пошли в Царство Небесное», о котором поет вся Церковь, — поет и славит это Царство и манит в него. В. Р-в.

155

«Радости» и прежде, и вообще никогда, не было в скиту, и это его суть («режим»); от этой сути никогда не радующейся религии, ничему земному и на земле не радующейся, — все и произошло. В. Р-в.

156

Вот! Полная вера в себя и свое дело! Это покрепче, потруднее, наконец, это гениальнее и человечнее, чем Галилей перед инквизиторами. В. Р-в.

157

«Как в кошмаре»... Но, Боже, ведь и вся горячая поэзия, вот для Пушкина или Байрона, была «кошмаром»; и пламенная философия — «кошмар» же (Платон, Шопенгауэр), а уж особенно всякая вера, пророки, апостолы... «Мы видим сны: но как они милее действительности!» «Мы грезим, и грезы милее жизни!» Но ведь без этого, без грез, без снов, без религии, философии, поэзии и «кошмаров» вообще — чт¹243; был бы человек и его жизнь? — Корова, пасущаяся на траве. Не спорю — хорошо и невинно; но очень уж скучно. В. Р-в.

158

Ну, да: «философ» скитский, «мистагог» самозакапываний, «митрополит Филарет» отделившегося кусочка старой, «истовой» веры... В. Р-в.

159

«Грамоту» и все книги — «начетчица», академик местный. И так, перед слитным авторитетом святого и мудреца, как бы Серафима и катехизатора-Филарета, могла ли устоять темная, безграмотная толпа? Мудрая Виталия «Царство Небесное» показала. В. Р-в.

160

Ну, обычные церковные идеалы, всеобщие: «пост и воздержание» — да в этом все христианство, вся церковь. В. Р-в.

161

Как глубока и прекрасна его речь. Да он, этот «недалекий Федор», говорит лучше, внушительнее, яснее и убедительнее, чем проф. Сикорский. И он считает его «большим», а в самозакапываниях усмотрел один «психиатрический материал». В. Р-в.

162

Как глубоки и просты слова! Натуральный человеческий матерьял, до чего ты выше «облагодатственного», — как вот вся эта мостовая богословского булыжника, который ничего-то, ничего не почувствовал, когда разразилась такая история. В. Р-в.

163

Непостижимо, почему «нравственно-бедный»?!! В. Р-в.

164

То-то: вечная жажда поучения, разъяснения. Вот так он был чуток и к Виталии, которая «разъясняла» — разъясняла, «зная грамоту»... Куда же овца пойдет, как не за пастухом? и сама Виталия куда бы пошла, как не за «святителями». В. Р-в.

165

Вот! Какая прелесть доверчивого чистого ума. Сравнить-ка с нашими семинаристами и академиками. В. Р-в.

Постоянное течение в Церкви, как бы тень около предмета, хвост около кометы, тяготение около земли, свет около солнца. Только это черный свет и около Черного Солнца. Не взглянешь на Него — ничего не поймешь («я ничего не понимаю», «невозможно этого постигнуть», — отговаривается часто в изложении проф. Сикорский); а взглянешь — поверишь, что Солнце в самом деле черно: и все сразу поймешь, до ниточки, до последнего словца. Этому Черному Солнцу, великой мировой Смерти, метафизике Смерти и поклоняются монахи, по самым одеждам своим именуемые «черноризцами». В. Р-в.

167

Вот! «Сходна в подробностях»... Значит, одно течение, одинаковая соль в море. Да, все это — «горько-соленое море», «Мертвое Озеро». «И окаменеет всякий, кто оглянется на Содом и Гоморру», Бог ныне предаёт ее пламени: и беги всякий, беги, не оглядываясь, отсюда — выводя детей, жен и домочадцев... В. Р-в.

168

«Печальное и обычное явление» — в такой краткости не напоминают ли эти слова классическое изречение одного неумного крестьянина, уморившего с голода свою лошадь и удивленного ее смертью: «Отчего она умерла? она должна была привыкнуть ничего не есть». Ни в каком случае не может быть «обычного» в явлении самосжигания или самозакапывания: ибо для каждого человека это новое страшное! И только для ученых, для историка, в чтении и в перспективе — это «серия», «ряд», частое, многое, и — все же не «обычное»!.. Хороши «обычаи» во «Святой» Руси!! Это что-то до того страшное в изложении профессора, что волосы на голове шевелятся. Но сбросим кошмар и разберемся. «Обычное явление» чего? удовольствия, утечи? «Обычные явления» суть всегда приятные явления, для повторения которых не требуется побуждения и которые обращаются в привычку без объяснения. Здесь же в каждом случае — особое, личное побуждение к смерти. Ясно, что должно было существовать постоянное давление на душу чего-то: чт1243; некоторых и иногда доводило до самосожжения и самозакапывания, а остальных не довело. Но именно «не довело», а вело-то всех сюда!.. Но сказано: «одна почва — каменистая (попы), другая — с терниями (мы все), третья — при дороге» (купцы, ученые, люди с другими темами существования). Но как только встретилась рыхлая почва уединенной души, воспринявшей слово Иисусово и им одним живущей, то — вот монастырь, скит, пустыня, пещера, яма, гроб, самозакапывание, самоумерщвление. Не явно ли — возвращаюсь к давлению, — что тут давит что-то одно и постоянно. Что же это у русского человека? То, чем он дышит: это — вера его, столь искренно принятая. Самозакапываются не «вообще» русские люди, «привычные»: увы, «обыкновенно» закапываются, сжигаются церковные люди, люди церковного духа и склада, начитавшиеся церковных книг, доверившиеся их авторитету, вот как Ф. Ковалев слушал Сикорского и сперва Виталию. В «послушании Церкви» (любимый термин монастырей) и лежит все дело: в «послушании» не пассивном, а активном, все прогрессирующем, подымающемся, и — «в послушании Церкви» не как «правилу и уставу» для несовершеннолетних, а как поэзии — для совершенных. Все это «путь Марии» — «севшей у ног Учителя и слушавшей слова Его». В. Р-в.

169

«Реже и реже», потому что стали расти «плевелы» науки и школьного образования, появились «тернии» всяческих забот, экономики, нужды, фабрик. В терновском скиту — прекрасная природа, мягкий климат, обеспеченность, большая собственность: и — закопались. Как не закопаться? И Бокль говорит, что «благополучие и досуг суть условия расцвета наук и искусств», ибо «дают свободному от заботы человеку углубиться». Вот и «углубились» — сперва в книги, а потом на три аршина в землю. В. Р-в.

170

Самый ужасный, острый способ. Самый томящий для воображения. «Сгорел во время пожара» — это годы помнят. Отчего же это избрано? Но отчего природа вырабатывает яды и заставляет умирать от них невинных птичек, прекраснейших и беззаботнейших (змеиный яд)? Вопросов много, ответов нет; вопросы так страшны, что, пожалуй, лучше для человека никогда не знать на них ответа. В. Р-в.

171

Ужасно! О, что перед этим и ужасы инквизиции! В. Р-в.

172

Как я уже говорил, пост есть начало этого: а пост везде, всегда, в каждом доме. «Ось», на которой едет «колесо Православия». Никто и никогда не «морил себя голодом», как выражается проф. Сикорский, а все «запацивались» — как ему докладывали в скиту, да он не расслышал или не дослушал. «Поститься» просто (по-нашему), «поститься истово» (мужики), «поститься строго» (монастыри), «поститься очень строго» (схимники, юродивые, «блаженные», святые), «держат великий пост» (великие святые Египта и Сирии, первых веков христианства), «запоститься, умереть» (ревностные люди старой веры у нас). Явно, что здесь везде мы имеем градации одного явления — нажим одного винта, в одну гайку, в одном направлении. В. Р-в.

173

Д. И. Сапожников. Самосожжение в русском расколе. Москва, 1891 г., стр. 15. Примечание проф. Сикорского.

174

Вот! «до подробностей». Нечего и размазывать, все ясно... В. Р-в.

175

«Так называемых» — и успокоился. Но «называемых» еще не значит «объясненных». Хорошо «эпидемическое явление», которое в каждом единичном месте и случае готовится, зреет всю жизнь, которое основано на книгах, которые эти несчастные взяли с собою в могилу, и тем сказали: отчего они умирают и для чего умирают, сказали так ясно, мудро и просто (слова Ф. Ковалева)! Рассуждая как Сикорский, можно начать говорить, что океан имеет приливы и отливы на «исторической почве», или что луна так светит «по причине своей меланхолии, melancholia», и, наконец, что профессора обычно врут «по причине врожденного слабоумия, dementia» [безумие, помешательство — лат.]. Словом, тут d1233; faut de science [недостаток знания — фр.], и можно не продолжать и не возражать. В. Р-в.

176

Ну, тоже мудрец! Да ведь «преследование»-то будет еще завтра; для чего же сегодня-то гореть? Ну, был ли хоть один пример в истории, чтобы «преследуемый» разбойником несчастный, — добежав до ножа на кухне, взял да и зарезался сам? «Правительственное преследование» было только последней каплей горечи в жизни постоянно горькой, было толчком, поводом, случаем, почти придиркою. Да очень часто вот те, что «топили маленьких детей», делали это и без всякого «правительственного преследования». Скорее они гибли не от «преследований», а среди общего равнодушия: но само это равнодушие-то опять выработалось под впечатлением вечной религиозной меланхолии, в которой жил несчастный народ. Затем, как в данном ужасном случае, все «преследование» заключалось в опросе сказать свою фамилию. Ясно, что это повод, песчинка на горе! Им раньше хотелось умереть — «прекрасной этой смертью», «христовой смертью», в «венце колючем» мучений, чтобы уподобиться «святым»... Это «путь святых» христианства, мученический всегда, везде, — и неужели нужно это доказывать? В терновском скиту случился акт такой веры, actum fidei, auto-da-fe, но только над собою, не над иноверцами, перед которым все подвиги Египта, Сирии, Радонежа, Задонска, Сарова кажутся слабыми... В. Р-в.

177

То-то. И нечего было упоминать очевидно побочное обстоятельство. «Сгорел дом». — «Отчего?» — «В Китае растет чай, от этого». — «Как?» — «Связь ясная: там растет чай, у нас его пьют, и вот раз, попивши чайку, закурили папироски, обронули огонь, не заметили его, и дом сгорел. Дом сгорел от табаку и чая». Подумавши: «Дома горят от табаку, от чая, но есть удостоверенные случаи, что они горят и без чая и без табаку». Хорошее естествознание. В. Р-в.

178

То-то и дело. Совсем «Китай» ни при чем, что горит Россия. В. Р-в.

179

Психологическое еще можно допустить: тут — метафизика духа человеческого. Но едва произнесено слово «психиатрическое объяснение», как мы чувствуем, что ученый надевает на явление мешок, чтобы не дать никому ничего в нем увидеть. Этот мешок он тащит к себе как «собственность», но из «собственности» этой не получается ничего, кроме вещей, подобных вот этой брошюре. Насколько в ней высок человек, любящий братьев своих, оставивший о них единственный памятник внимания, заботы и фактической осведомленности, — настолько же в ней человек науки говорит все о «Китае» и «чае». В. Р-в.

180

Ну, вот — выходит на настоящий путь. История рассказанная — просто глава в «Истории христианства», даже без упоминания о Православии. Тут не католичество, не православие, а просто один толчок, толкнувший все, весь мир, и православия, и католичества. «Царство ты, царство, духовное царство», — как поют Божии люди у нас. Вот океан. И вода в нем везде горька. И до того она велика и всеобъемлюща, что даже и неинтересно, что сожглись или закопались. Как христиане, поистине, и не интересуются даже, кто из них закапывается и кто сожигается: до того всем грустно и до того не до них; наконец, до того приблизительно так же все себя ощущают. В. Р-в.

181

Вот, вот! Здесь проф. бьет в самый центр дела: и только бы взять ему скальпель и расчленив в одной скорлупке («русская вера», «церковь», «европейское христианство») два ядрышка: ядро натуральной нации — «Русь», от ее пресловутой — «святости». Это, судя по данным, сообщенным в его же труде, — люди добрые, спокойные и ясные; если не очень деятельные, то и не преувеличенно бездеятельные; однако в некоторых случаях, лицах — чрезвычайно деятельные, гениальные. Второе ядрышко — это «то, чему они учились», славянская печать, тексты. В. Р-в.

182

Вот! Чудное объяснение. Это уже наука. В. Р-в.

183

Просто момент возбуждения чувства — «великая отечественная война» веры. «Побеждаем Антихриста», «воюем с ним», «победим или не победим?» — «Если сойдем в яму, утопимся, сождемся — то победим; останемся живы — победит Антихрист, жизнь». Ведь и сказал Он: «Радуйтесь, Я победил мир»; а любимый Его ученик добавил: «Не любите мира, ни того, что в мире: все что в мире — похоть очей и гордость житейская». Ну, вот «в яме» они и избыли все это, против чего предостерегал Апостол людей: он, значит, и привел их сюда. В «яме» они одержали такую победу, как Русь при Бородине, англичане при Ватерлоо! Так все понятно — и зачем столько слов для объяснения? В. Р-в.

184

Большая повышенность чувства, «великая отечественная война» веры. В. Р-в.

185

«Китай при пожарах»... Это Виталия-то «слабое и неправильное явление», «болезненная и слабая личность»!!! В. Р-в.

186

Да о «лучшем будущем» христианство и не учит нигде — как это точно указал К. Н. Леонтьев, возражая Достоевскому и Толстому («Наши новые христиане»). В. Р-в.

187

Просто очень нежные натуры, которые грубость государственную, едва задевающую грубых же людей, чувствуют, как бы по коже их дерет лошадиная щетка. Нежные натуры — и только. Так и пьянство ведь всегда было: но как апостолы и христиане первых веков закричали от боли при виде римских попок, даже едва ли очень значительных. В. Р-в.

188

Нежнейшие, самые нежные! — вот и все! В. Р-в.

189

Да, знаменитый Никанор, архиепископ Одесский, — определяет все монашество как «мировую скорбь и мировой пессимизм». «Мы, ученые монахи, — носители мировой скорби», — сказал он о себе и от лица своих миру. В. Р-в.

190

Вот! В. Р-в.

191

Вот! Вот! В. Р-в.

192

Ну, какой же солдат не спрашивает о Бородине? Из самых расспросов ясно, что все эти несчастные смотрят на уход из «любодейного мира» как на славу и победу! как на неслыханную победу над страшным врагом — жизнью прельщающую, обольщающую («похоть очей и гордость житейская»). Ватерлоо, Бородино! В. Р-в.

193

Сапожников Д. И., стр. 151. Примеч. проф. Сикорского.

194

«Слабая воля»!.. О, sancta simplicitas [святая простота — лат.] — можно сказать эти слова Гуса о старушке, подложившей ему дровец, — и обо многих ученых. В. Р-в.

195

Sancta simplicitas! В. Р-в.

196

Sancta simplicitas! В. Р-в.

197

В 2-х этих строчках больше правды и мысли, чем в страницах текста: но что значит пропорциональность текста! Никто не обратит внимания на 2 эти строчки и, помня крупные полосы другого текста, будет твердить: «Патология! нервы! слабоумные!» И повторит это стоустая молва... Закивают головами хитрые попки... И та истина, та страшная истина, что это есть событие нашей веры, нашей религии, что здесь манифестовано наше исповедание, и, словом, как сам же проф. Сикорский обмолвился здесь: «События эти всецело (всецело!) относятся к сфере религиозной, или церковной, жизни», потонет в общем невнимании. «Они будут видеть и не увидят, будут слышать и не услышат», — сказал посмеявшийся над ними. Но для чего сам же проф. Сикорский столько городил о Китае и китайцах по поводу русского пожара??! В. Р-в.

198

Очень глубоко. В. Р-в.

199

Sancta simplicitas... При чем тут «раскол», что значат: «раскольники»?.. Это мы, наше, вот эти самые озлобленные по заборам мужики и бабы, — «судившие» о самозакапываниях, не догадываясь, что закопала несчастных вся «святая Русь» и эти зрители, все, все... Ибо

все мы исповедуем то же, что они: но лишь прохладно, когда те все взяли в пламени и буре. В. Р-в.

200

Тут постарались наши миссионерики с вековым уверением: «раскол — это совсем не то, что мы». — «Не то, что мы», «закопал раскол»: но неужели пункты расхождения раскольников и «нас», этот «Исус» вместо «Иисус», трехперстное сложение вместо двуперстного и хождение «навстречу солнцу» (при богослужении) вместо хождения «по солнцу» — имеют специфическое свойство производить самосожжения, самозакапывания и проч. или даже производить меланхолию, грусть, тоску?!! Явно, что обрядовые различия раскола и нас никакого отношения не имеют к духу церкви, который взят раскольниками, как бы горячая земляца, прямо из-под ног святых угодников. Конечно, не обряды церковные, а дух церкви закопал их: и он у них один с нами. В. Р-в.

201

Что «монахи являются носителями высшей мировой скорби на земле» и что «в печали и упадке духа они даже иногда останавливаются на самоубийстве, а некоторые — как Иоанн, еп. Смоленский, — и прибегли к нему», — об этом свидетельствует в «Записках из истории ученого монашества» архиеписк. Никанор Одесский, и не раскольник, и до открытия мощей Феод. Углицкого. В. Р-в.

202

Тут уж не «патология»... Но для чего раньше, затемняя все дело, было говорить о «патологии», «нравственной неменяемости», слабости; и даже что это вообще «худшие, слабейшие элементы своего времени и племени, гибнущие в свежем воздухе новых реформ»? Все «китайский чай» попутал. В. Р-в.

203

Красивое объяснение, но едва ли правдоподобное: слишком люди эти просты и серьезны, слишком думали о спасении души своей, личной души, чтобы помышлять об исторических монументах и соперничестве с Феодосием Углицким, открытию мощей которого, как и всем событиям «Никонианской» церкви — уже, по их мнению, павшей, извратившейся и лживой (см. выше их отзывы), — они не придавали, вероятно, никакого значения. В. Р-в.

204

Удивительно! Ну, что таким людям Феодосии Углицкий или Серафим Саровский. В. Р-в.

205

Как благородно... Да, «беспримерное несчастье», как говорит медик, филантроп, дарвинист, материалист. В. Р-в.

206 неведомому Богу (лат.).